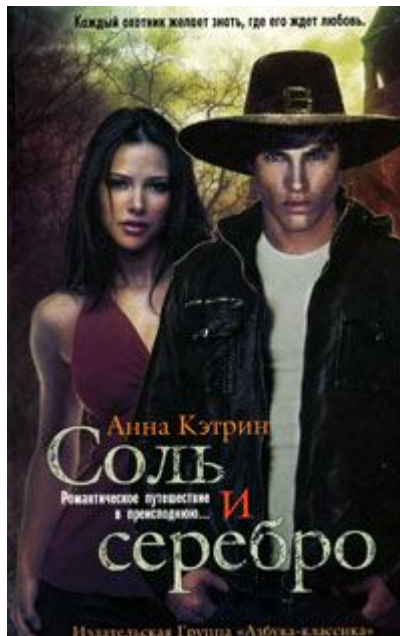
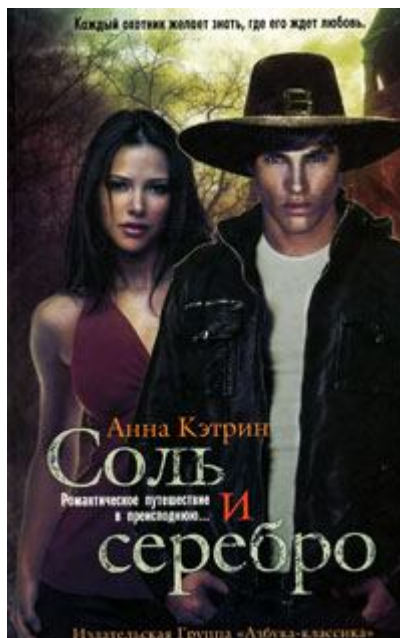

Анна Кэтрин Соль и серебро

Анна Кэтрин Соль и серебро

Аннотация

Роман Анны Кэтрин «Соль и серебро» – очаровательный образец романтического приключенческого фэнтези. Впервые на русском языке!

Не самый распространенный, но действенный способ вызвать демонов в наш мир: несколько подвыпивших подростков думают, что совершают магический ритуал, и таки да – они действительно его совершают. Так в подвале нью-йоркской закусочной, где работает Элли, появляется Дверь в Ад. Это, конечно, совершеннейший кошмар – мытье полов, потолков и стен после визитов потусторонних сил отнимает кучу времени, не говоря уже о стирке и расходах на перевязочные материалы, соль и серебро. Но есть и плюсы. Ну ладно, только один плюс, но совершенно умопомрачительный – охотник на демонов по имени Райан. Чтобы охранять Дверь, он поселился в закусочной, а заодно и в сердце Элли.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор хотела бы поблагодарить своего решительного и бесстрашного редактора Джозель Дайер за решительность и бесстрашие и агента Диану Фокс за то, что она классная тетка и настоящая акула. Однако самую чистую и искреннюю любовь автор питает к арт-директору издательства «Тор» Сету Лернеру.

За дополнительной информацией о мифах, легендах, фольклоре и магии, описываемых в книге, а также за некоторыми знаменитыми рецептами закусочной «У Салли», пожалуйста, обращайтесь на сайт.

Après moi, le deluge.

*И огненных, и ледовитых гор,
Теснин, утесов, топей и болот,
Озер, пещер, ущелий – и на всем
Тень смерти; целый мир, где только смерть
Владычествует...
Мильтон. Потерянный рай.*

1

Эта история не длинная и не запутанная. В подвале моей закусочной есть Дверь в Ад, прямо по соседству с тем местом, куда мы складываем коробки из-под продуктов. Это на самом деле раздражает; оттуда все время лезет мистическая дрянь, и тогда Райан переворачивает все вверх дном, пытаясь избавиться от вышеупомянутой мистической дряни. Повсюду кровь, внутренности демонов, соленые круги и нарисованные магические знаки. И я возмещаю стоимость еды и посуды своей кредиткой, так что вы понимаете, как это утомительно.

Не то чтобы я возражала против присутствия Райана – он охотник за демонами. Парень с темными глазами и ежиком волос и с диковинным ружьем. Кожаные брюки, кожаный плащ, поношенная футболка и большая черная ковбойская шляпа, которая, как он очень тщательно уточняет, на самом деле стетсон¹, а не – гм! – ковбойская шляпа. Одним словом, круто.

При свете дня он выглядит как игрок в покер, вышедший на улицу после длившейся

¹ На самом деле – гм! – стетсон – это и есть ковбойская шляпа. Изобретена в 1860-х гг. Джоном Стетсоном и стала атрибутом американских ковбоев и исполнителей музыки кантри.

всю ночь игры, в которой ставки были высоки, участники – грубы, и он еще не вспомнил, что нормальные люди обычно не пытаются скрыть мысли пустым выражением лица под опущенными полями шляпы.

Хотя я обычно вижу его не на улице. Как правило, под лампами дневного света в закусочной или яркими электрическими лампочками в подвале. Райан, солнечный свет и я плохо сочетаемся. Забудьте об игре в покер; как по мне, он всегда выглядит так, словно только что перестал воевать. На самом деле не перестал – имею в виду, не перестал воевать. Думаю, он и не может.

У Райана стоит раскладушка в подвале уже шесть лет, с тех самых пор как Дверь открылась. (Ладно, время признаний: с тех пор как я открыла Дверь, я и два моих лучших друга. И да, это было очень, очень глупо. Мы прослушали лекцию, прочитали методичку и отсидели дополнительные занятия. Мы знаем.)

В любом случае Райан почти всегда рядом с Дверью. Иногда, если демон минует его, он уходит в погоню. И время от времени он просто выходит наружу, не знаю зачем, может быть взять почту или еще что-то. Хотя в такие моменты я нервничаю – беспокоюсь, что однажды спущусь в подвал за рисом или чем-то еще, когда он не будет охранять Дверь, и закончу тем, что стану вампиром. Или меня съедят зомби. Или испачкает грязный демон.

Никогда не знаешь наверняка.

И не то чтобы я получала какую-то пользу от присутствия Райана (если не считать того, что я не мертва). Один раз я попыталась – ну ладно, не один раз; было поздно, я напилась, и мы как раз столкнулись над трупом, из которого текла желтая кровь, – но он не заинтересовался. Что хорошо. Наверное, даже лучше, если подумать. Райан хотя и крут, но глупец.

И я это говорю не потому, что он мне отказал. Вовсе нет.

Полагаю, я не красотка. Я вижу это каждый день, когда смотрю на Аманду. Она была моей подругой еще до того, как мама сбежала с инструктором по теннису и, по стечению обстоятельств, с содержимым семейных сейфов. Это Аманда тогда не покинула нас и пустила меня и отца пожить в ее пляжном домике, вытаскивала меня из кровати по утрам и выбивала из меня дурь, пока я не нашла работу в закусочной Салли. Она поддерживала меня даже тогда, когда я уже работала у Салли, несмотря на то, что мы с Амандой с Лонг-Айленда, а Салли в Бруклине. (Если вы не из Нью-Йорка, эти слова для вас ничего не значат, но ньюйоркцы знают, что между Бруклином и Лонг-Айлендом схватка не на жизнь, а на смерть.)

С другой стороны, проблема с Амандой заключается в... ладно, с ней много проблем. Самая большая, я полагаю, – это то, что она чокнутая алкоголичка и тратит кучу времени на секс с неподходящими типами, чтобы справиться с эмоциональными проблемами, которые бывают, когда у тебя слишком много денег и недостаточно занятий. Райан, вероятно, относится к царству неподходящих мужчин, и он не первый из тех, кто прошел мимо меня и обратил внимание на нее. Даже когда она выглядит как помойка, все равно она классная. Если бы у нее был идеальный, изогнутый, как лук Купидона, рот, она бы на самом деле выглядела, как Грета Гарбо, потому что она очень изящна; но она так не выглядит. Она изящная, и у нее пухлые губы. Я отчасти завидую ее губам. Она их не ценит.

Я точно не знаю, спала ли Аманда с Райаном. Вот если бы Стэн спутался с Райаном, об этом я знала бы: Он второй человек, который оставался рядом со времен моей Великой Депрессии. Большая проблема со Стэном, помимо того что почти все, кто его знает, называют его Стэном, хотя его имя – Чарльз, заключается в том, что он из помешанного на сноуборде зануды превратился в завсегдатая клубов. Кроме того, он решил, что он гей и человек-загадка. Или, может быть, он просто обсмотрелся «Близких друзей»² и подумал, что геи именно такие, поскольку ничего другого не знал. Так что он проводит кучу времени, как

² «Близкие друзья» – культовый американско-канадский телесериал о гомосексуалистах.

и Аманда, занимаясь сексом, – хотя, я полагаю, это потому, что он пытается компенсировать потерянное время. И также найти людей, которые не будут звать его Стэном, что разумно. Клубные мальчишки, делающие ему минет в переулках, называют его Красавчик.

Я не очень беспокоюсь по этому поводу, если не считать СПИДа и того, что одним из этих парней может быть Райан. Хотя Стэн клянется, что нет, а Стэн не станет лгать на эту тему. В результате мы имеем Райана: высокого, мрачного, красивого, затянутого в кожу Райана, по всей видимости окруженного людьми, которые с радостью прыгнули бы на него, и тем не менее считающего Дверь в Ад намного более привлекательной.

Вот кое-какие важные факты о Двери. Первый: открыть ее – это была идея Аманды, не моя. Второй: это была шутка. Мы даже не понимали, что открываем Дверь в Ад, потому что в тот момент были пьяными в стельку и, правда развлекались. Теперь, когда я знаю, что Двери делают и как они работают... что ж, я никогда не хотела ничего так сильно, чтобы открыть ради этого Дверь. Отсюда вытекает третий факт: причина, по которой кто-то может захотеть открыть Дверь в Ад – смертью, кровью и клейкой светящейся гадостью, которую потом не отчистить с пола, какими бы сильными химическими средствами или каким бы количеством черных кошек ты ни оттирал бы пятно (и это забавная история), – причина состоит том, что Дверь... дает тебе нечто.

Я не знаю, что получает Аманда или Стэн. Я просто знаю, что сейчас я счастливее, чем была до того, как появились Дверь и Райан в моей жизни. Это мало что говорит о моей жизни до Двери, а ведь, возможно, смерть в одном шаге от меня.

Не то чтобы я хотела открыть еще одну Дверь или открыла бы эту, если бы знала то, что знаю сейчас. Райан говорит, что Двери вроде нашей ведут в девять Адов, или адских измерений, или просто измерений, это зависит от того, кто говорит и сколько он выпил. Я не говорила, что Адов может быть больше девяти, или меньше, или вообще неопределенное количество? И когда Дверь открыта, сквозь нее пытаются прорваться демоны.

По другую сторону ждут охотники.

Хотя иногда – нет. Они здесь, когда демон проходит сквозь Дверь, которую они охраняют, но они не могут быть повсюду.

Сейчас – это значит, что, когда кто-то стучит по решетке, я просыпаюсь. Обычно стучат в четыре или пять утра либо сразу после того, как я ложусь спать, либо перед тем, как мне вставать. Я всегда думаю, что это демон стучит в дверь моей спальни, но обычно это Стэн, который хочет выспаться, или Аманда, желающая спереть у меня подушки и мороженое и пожаловаться на родителей. И никогда не приходит кто-то, чтобы сказать мне, что я выиграла миллион долларов.

Кто это сегодня – Райан? В последний раз, когда я его видела, он пожелал мне спокойной ночи, спускаясь в подвал. Сейчас Райан машет мне своим стетсоном с улицы. Я открываю окно и высовываюсь наружу.

– Что ты делаешь? Четыре утра! – ору я, не заботясь о соседях.

– Есть проблема с животным! – орет он в ответ.

В его голосе есть приятная вибрация, которая вызывает приятную вибрацию у меня в животе. Я вздыхаю. «Проблема с животным» – это кодовая фраза, обозначающая оборотня.

– Ну так разберись с ним! – говорю ему я.

– Впусти меня, Элли!

– Нет, пока у нас проблема с животным.

– Немедленно! – Он ударяет стетсоном по бедру.

Я не вижу его лица – луна неполная, а он стоит на маленьком участке в тени между фонарями, – но, если бы мне надо было побиться об заклад, я поставила бы на то, что он раздражен. И, откровенно говоря, если он продолжит вопить, соседи вызовут копов. Опять. Так что я натягиваю платье и тащусь вниз по лестнице, чтобы впустить его через боковую дверь.

– Рай, – я приветствую его зевком, – что случилось с твоим ключом?

Он не обращает внимания на мои слова.

– Дверь, должно быть, открыта, потому что я наткнулся на оборотня по пути сюда, – говорит он и проходит мимо меня в заднюю часть закуской, плащ хлопает и все такое.

– Конечно открыта, – говорю я двери, закрывая ее. – И я счастлива, что мне надо приготовить кофе, и оставаться на ногах остаток ночи, и не выспаться, и все делать, и везде ходить, и...

– Кончай ныть. Я думал, что лучше тебя обучил. А ты позволила оборотню вырваться из Двери.

Когда я приближаюсь к нему, он смотрит на дорожку из соли, насыпанную перед дверью в подвал. Хотя он не найдет в ней ни одного разрыва – я зарабатываю на жизнь, имея дело с продуктами, в жестоком мире, я осторожна.

Погоди-ка секунду.

– Откуда мне было знать, что ты ушел? – Я скрещиваю руки на груди. – Разве не ты должен был дать мне знать, что мне надо охранять Дверь? Когда могучий охотник должен отправиться в странствие по бескрайним прериям в поисках геля для бритвы...

– Тихо, – говорит он и извлекает обрез из волшебного кармана своего плаща.

Обрез сияет, хотя ему миллион лет. Он стреляет не обычной дробью, а каменной солью и железной картечью. Около месяца назад мы потратили весь день, сидя в кабинке у окна, начиняя гильзы и рассказывая неприличные анекдоты. Он казался счастливым, и я думаю, что это делало счастливой и меня. Ну вы знаете. Если бы мне было до этого дело.

Сейчас он не выглядит счастливым.

Он медленно открывает дверь в подвал и переступает через соль, держа обрез наготове. Входит в дверь и исчезает во мраке, и тут я слышу резкий вдох, за которым следует поток тихой речи на языке, который я не могу даже определить.

– Элли, – зовет Райан изнутри, – что, черт побери, ты наделала?!

Это не вопрос, и меня он нисколько не успокаивает. Я бросаю взгляд украдкой и перепрыгиваю через соль, готовясь услышать звук открывающейся Двери.

– Она не может говорить с тобой. – Райан прислонился к стене, небрежно держа обрез в руке.

Я прихожу к выводу, что мне не суждено умереть из-за демонов в эту секунду. И – ух ты! – он здорово выглядит, прислонившись к стене.

Пока в моем оцепевшем от сонливости мозгу крутились неподобающие мысли, он договаривает:

– Потому что ее тут нет.

Мне требуется секунда, чтобы сосредоточиться на его словах, и тогда...

Нет. Бесполезно. Я осматриваюсь. Здесь запасы еды на неделю, и большое пятно, и еще царапины в форме апеннинского сапожка. Проволочные вешалки, ящики с бутылками и резиновый коврик с канистрами с содовой водой для сифона. Походная раскладушка Райана, прислоненная к бетонной стене. И прямо рядом с раскладушкой, окруженная еще одним полукругом из соли и заляпанная странными пятнами... просто подвальная дверь.

Райан за моей спиной выходит за дверь, хотя я не сразу это замечаю. Секунду я думаю, что он вышел наружу по какой-то надобности, какие случаются у охотников за демонами, когда внезапно оказывается, что им не надо охранять Дверь, и у меня перехватывает дыхание – но он сидит в ближайшем к кухне отделении, положив ноги на сдвинутые вместе зеленые виниловые стулья. Его глаза закрыты, на одной щеке какое-то пятно. Похоже на синяк, но, когда я подхожу ближе, понимаю, что это кровь. Темная засохшая кровь.

– Эй, – тихо говорю я, но он не отвечает.

Либо спит, либо задумался. Следует ли ему спать, если Дверь исчезла? Я надеюсь, что он все-таки спит, потому что вид у него изможденный. Веки – темные пятна на лице, длинная щетина, практически борода, и от него пахнет кровью, но не человеческой кровью. Вовсе нет.

У человеческой крови особый запах. Она пахнет как монетка, если положить ее в рот. Когда у тебя в подвале Дверь, ты довольно быстро узнаешь, как пахнет человеческая кровь,

потому что, как правило, она разбрызгана по всему полу.

Закусочной «У Салли», названной так по имени хозяйки-старушки, до сих пор везло. Никто из тех, кто здесь умер, не поднимал шума, так что копы сюда ни разу не заглядывали.

До сих пор.

Я готовлю кофе. Наливаю себе чашку, ставлю ее на прилавок и отношу ему чашку и графин. Я ставлю их прямо перед ним, но стоило ли? Разбудит ли это его? Черт! Я делаю шаг назад, но не успеваю отойти, как его рука взлетает, хватает чашку, ставит перед собой и берет графин – все это с закрытыми глазами. Я впечатлена, хотя чуть не пролила на него воду. А он этого заслуживает за то, что застал меня врасплох. Полагаю, это значит, что мне не надо беспокоиться и будить его. Я возвращаюсь к прилавку за своей чашкой и сажусь напротив него в ожидании.

В свете, льющемся из кухни, он выглядит юным; хотя ему уже почти тридцать, он немного старше меня (ладно, тсс, мне почти тридцать). Райан не говорит об этом, но я начала задумываться о том, что значит возраст для охотника за демонами. Я видела, как он вытворяет такое, что не под силу и борцу, не то что какому-нибудь стареющему ветерану.

Я повидала много охотников за демонами. Обычно им чуть больше двадцати лет. Охота за демонами не та профессия, которая предусматривает медицинскую страховку или пенсию. Эти парни недолго выдерживают – большинство из них. Я видала тех, кто постарше, и тех, кто помоложе. Райан по возрасту ближе к тем, кто старше.

Большинство из тех, кто старше, – в отставке; они сидят тут и рассказывают о былых славных днях, они – кладезь знаний о потусторонней дряни, но больше не сражаются. У них не хватает глаз, рук, ног. У одного нет сердца в буквальном смысле слова, и он продолжает жить благодаря какой-то диковинной магии вуду, о которой я понятия не имею и о которой он не рассказывает.

Его зовут Дугал, и он всегда садится около входной двери; говорит, ему нравится колокольчик, который я туда повесила. Некоторые из охотников, заходящих сюда, любят сидеть в одной из четырех кабинок около окна, они всегда снимают стетсоны и подставляют лица солнцу. Есть один парень, который сидит за прилавком и никогда не говорит ни слова. Я знаю, что он охотник, только потому, что он носит такую же шляпу, я думала, что он бездомный, пока не начала разбираться в дресс-коде.

Однажды я спросила у Райана о Бездомном Парне – Райан всегда сидит в кабинке рядом с постоянно хлопающей кухонной дверью, когда он бывает тут, в зале, и наблюдает за публикой. Вот все, что Райан мне ответил: если Бездомный Парень когда-нибудь разговорится и расскажет нам какую-нибудь историю, придет время удирать сломя голову.

2

Я сплю. Мне снится, что меня преследует оборотень. Что бы вы там ни читали, они не сексуальные. И не соблазнительные. Они страшные, как Ад, – в буквальном смысле слова. Это демоны, которые приходят из своего адского измерения в наше, земное, и завладевают телом жертвы с помощью укуса. Сначала они огромные, а потом становятся такими крошечными, что могут проникнуть в тело сквозь кожу. Они, словно клещи, так глубоко проникают в человека, что от них не избавиться. Никак.

Единственное лекарство от укуса оборотня – это смерть. Если вам повезет, вас убьют быстро, до того как вы сожрете свою младшую сестру или брата. Если не повезет, ко времени вашей смерти вы войдете во вкус и вас назовут очень волосатым серийным убийцей странной наружности.

Меня загнали в угол, выхода нет, и тут... тут Райан произносит мое имя и прикасается к плечу. Мы могли бы сражаться спина к спине и прогнать оборотней, но на самом деле он просто будит меня.

– Элли, – повторяет он, и на этот раз его голос не звучит так, словно он спасает меня от оборотней.

Он звучит так, словно Райан выкурил две пачки сигарет прошлой ночью и раздражен. – Элли, ты должна сказать мне, что ты сделала с Дверью.

Я моргаю. Он сбоку, моя голова лежит на столе. Упс.

– Я проснулась?

– Да, проснулась, – подтверждает он. – Скажи мне. И свари еще кофе.

– Некоторые женщины считают глупость весьма сексуальной, потому что она позволяет тебе казаться загадочной незнакомкой с темным прошлым, но я-то знаю лучше.

Я поднимаюсь и иду на кухню.

Он не глупец, тем не менее, поскольку вытер всю кровь и грязь со стула, куда клал ноги, и расставил стулья вокруг столов в центре закусочной, подготовившись к открытию. Даже ставни открыл, и заря начинает заливать улицы тем сверхъестественным голубым светом, который я видела только в Нью-Йорке.

– Дверь. Что ты с ней сделала?

Он стоит прямо рядом со мной.

Мысленно я представляю, как он приближается и обнимает меня за талию. К черту кровь демонов, к черту человеческую кровь – у него красивые руки.

В любом случае это не имеет значения, потому что он здесь только для того, чтобы припугнуть, а не снять с меня поношенную пижаму с Винни-Пухом.

Кофемашина у нас простая. Я просто засыпаю туда зерна и нажимаю кнопку. Прислоняюсь к стойке и бросаю косой взгляд на часы на стене. Шесть часов утра.

– Я ничего не делала, – говорю я, пока кофе льется в чашку.

Мне не нравится молчание позади меня. Чтобы нарушить его, я открываю холодильник и достаю лук и перец, собираясь нарезать их кубиками. Картофель к завтраку я предварительно уже обдала кипятком, и теперь он ждет своего часа в одной из гигантских промышленных холодильных камер, чтобы его высыпали на гриль вместе с перцем и луком.

– Я не знаю, что произошло.

Он шумно выдыхает. Мне хочется почесать шею, по которой бегут мурашки, но вместо этого я беру нож. Это действительно хороший нож, с изогнутым лезвием. Он немного великоват для того, чтобы резать кубики, но мне нужно почувствовать успокаивающее прикосновение его дорогой рукоятки. Салли дала мне его в качестве прощального подарка, переезжая во Флориду, – этот нож вместе с управлением закусочной.

– Она не могла исчезнуть сама по себе, – говорит он.

– Да? Откуда ты знаешь?

Он ничего не отвечает. Это плохая штука – ничего не отвечать, это больше похоже на «Я не знаю», чем на привычное «Мои охотничьи секреты слишком ужасны для твоего понимания». Я почти чувствую удовлетворение оттого, что он потерял одно очко, но...

Обычно Райан знает всё – так же много, как и ветераны, если не больше. Он с легкостью может говорить о древних шумерских демонах, цитировать христианскую Библию, цитировать библию демонов и объяснять происхождение вампирских мифов на одном дыхании. Он невероятный и потрясающий, и чтобы он не знал, что происходит?! Это пугает меня до смерти.

– Мне надо идти, – наконец говорит он.

Я почти закончила резать овощи, картофель будет готов через пару минут. Так же и блины, яйца, вафли – все можно приготовить быстро.

– Думаю, завтрак будет лучшей идеей. – Я поворачиваюсь к нему, держа в руке нож. – Вафли? Блины? Яйца?

– У меня нет времени на завтрак.

– Тогда у меня нет времени наливать тебе кофе.

– Дрянь! – говорит он, и это звучит почти нежно.

– Заткнись! – отвечаю я, но лишь притворяюсь обиженной.

Нежность – это еще один шаг к чистой искренней страсти. Ладно, может, и нет, но я очень беспокоюсь, что Райан считает меня невероятной растяпой, я ведь такая беспомощная, когда дело касается охоты за демонами.

– Интересно, ты нечаянно что-то сделала или это повсюду? – задумчиво произносит Райан.

Я наливаю себе чашку кофе, он смотрит на меня и отбирает ее. Он пьет его без сливок. Обычно он не пьет черный кофе; когда он первый раз пришел в закусочную «У Салли» охранять Дверь, он бухнул в чашку столько сахара и сливок, что от кофе остался только запах. Но я делаю чертовски хороший кофе.

– Если повсюду – это плохо? – спрашиваю я.

Он моргает.

– Да, – отвечает он и продолжает пить мой кофе.

Я закатываю глаза:

– Если ты собираешься стоять тут и обвинять меня бог знает в чем, тебе придется съесть завтрак. Я собираюсь завтракать.

Иду к грилю. Надо было включить его заранее, но меня отвлек Райан, прожигавший пылающим взглядом дыру в моей шее.

О'кей, я склонна к мелодраме. Предъявите мне обвинение.

– В Бруклине есть еще Двери, – говорит он между глотками кофе. – Думаю, что ближайшая – в больнице Маймонидов, рядом со станцией Форт-Гамильтон.

– Постой-постой... Здесь поблизости есть еще одна Дверь? Ты за ней тоже присматриваешь?

Я в шоке, и не без причины. Следить за Дверью – это тяжелый труд. Райан почти никогда не уходит отсюда. Не могу представить, чтобы у него было время следить еще за одной Дверью. Или силы. Не говоря уже о... что ж, за те годы, пока эта Дверь была открыта, он никогда не упоминал о других Дверях.

Полагаю, я знала абстрактно, что они существуют, но я не осознавала, что в двадцати минутах отсюда есть еще одна.

– Нет. Ее охраняет Оуэн.

– Кто такой, черт побери, Оуэн?

– Охотник. – (Естественно, не раздатчик бесплатной еды. Я знаю их всех по именам.) – И пара-медик, – продолжает Райан. – Наркоманы его обожают.

Готова поспорить, что это потому, что все охотники – молодые охотники, во всяком случае, – сексуальны. Это моя новая теория. Она должна дать им естественную защиту от лишнего веса – нельзя быть толстым и сексуальным одновременно, я уверена.

О, может быть, он симпатичнее, чем Райан? И парамедики ведь не сопляки? Хороший вопрос. Пока я не выясню это, официально объявлю Райану отставку. Буду холодна, как индейка, детка.

– Тебе следует пригласить его сюда как-нибудь, – говорю я ему с совсем не подозрительной интонацией.

Райан внимательно смотрит на меня.

– Нет уж, – отказывается он. Проходит секунда, и он морщится над кофе. – Хотя не имеет значения. Пригласи его сама.

Сама?

– Сама? – спрашиваю я, потому что я не из тех, кто думает об одном, а говорит о другом.

Имею в виду, зачем ломать голову? Если я не спрошу, как люди смогут мне рассказать то, что я хочу знать? Это логично. Например, как сейчас. Райан кивает, хотя вид у него несчастливый.

– Я не знаю, что происходит. Лучше тебе держаться рядом со мной. – (Я думаю, не воскресить ли свои надежды.) – Я всегда смогу использовать тебя, чтобы отвлечь демона, если он появится, – добавляет он.

Я режу оставшиеся перцы с намного большей силой, чем действительно требуется. Чертовы перцы!

Я оставляю забегаловку заботам утренней смены. Я не заставляю их приходить заранее готовить, потому что я человек добрый, но полагаю, что раз я готовлю, то я не должна работать с утренней сменой, когда приходят все эти угрюмые неформалы выпить кофе и съесть блины перед работой. Обычно я возвращаюсь к себе поспать еще пару часов, перед тем как окончательно встать и принять дневную и вечернюю смены. Иногда я обслуживаю столики, иногда готовлю, иногда веду учетную книгу – делаю все, что надо сделать.

Но сегодня мне надо выйти с Райаном после пары часов сна. Даже не просто выйти.

– Нам придется ехать на автобусе? – ною я.

– Да, либо нам придется идти через весь Манхэттен, чтобы сесть на поезд и доехать до больницы.

– Я не хочу в больницу, – ворчу я.

Но на самом деле хочу, потому что я хочу познакомиться с этим неизвестным охотником. Я просто не хочу ехать на автобусе. Нью-йоркские автобусы ходят медленно, воняют, и там обычно нет мест. Плюс нам придется делать пересадку. Это значит, что придется долго ждать, вести неловкие разговоры с Райаном, и все потому, что Райан не может позвонить этому парню.

– Я позвонил ему, но он повесил трубку, – говорит Райан, пожимая плечами, когда мы стоим на солнце.

Я щурюсь, потому что не взяла солнечные очки. Райан, как обычно, надел стетсон и кожаный плащ. Он стоит, прислонившись к фонарному столбу. Я знаю, что у него при себе оружие, но его не видно. Что хорошо, думаю я, потому что не уверена, что у него есть разрешение. В Нью-Йорке надо иметь лицензию на ношение оружия? Я даже не знаю. Мы с Райаном на самом деле никогда не выходили вместе наружу, поэтому я не в курсе, надо ли мне приглядывать за копами или еще за кем-нибудь. Это серьезно отвлекает.

– Постой, – говорю я. – Почему? Ты идиот? Не сказал ему тайный пароль охотников или что-то в этом духе?

– Группировки, – отвечает Райан, как будто я должна была это знать.

– Послушай, – заявляю я, как мне кажется, абсолютно разумно. – Ты никогда мне ничего не рассказываешь. Откуда я могу знать то, что ты не говоришь? Черт!

Райан фыркает. Он должен изнемогать от жары в кожаной одежде, но выглядит чертовски круто, как будто его ничто не волнует. Он даже не потеет, но все равно надо было одеться по-другому – джинсы? – и я вижу, что из дюжины кондиционеров на улице течет вода. Райан лишь сдвигает чуть назад шляпу и говорит:

– Ты никогда не замечала, что все охотники, приходящие в закусочную «У Салли», носят стетсоны?

– Да, но...

Я никогда не знала, что это обозначает. Зато я замечала, что они все чрезвычайно вежливы и обращаются со мной как с идиоткой и, когда я вхожу, они меняют тему и тут же начинают рассказывать причудливые истории о демонах, на которых они охотились и убили, – большая часть этих историй, как говорит Райан, чушь собачья.

– Есть три группировки... – Райан замолкает и вежливо кивает проходящей мимо пожилой паре, и я уже готова топтать ногами от нетерпения, когда он решает, что они отошли достаточно далеко, и продолжает: – Некоторые охотники носят бейсболки. Другие – мягкие фетровые шляпы. Еще кто-то – стетсоны. Это связано с сайентологом и лоа...

Райан снова умолкает. На этот раз из-за девушки, которая подходит к автобусной остановке. На ней белые брюки-капри, белый топ на завязках и оранжевые босоножки на высоких каблуках. Сумочка у нее пурпурная и в буквальном смысле ослепительная. Ослепляющая, что уж тут сказать.

Наверняка у нее есть деньги. У меня они тоже были, до того как мама сбежала с инструктором по теннису. (Его зовут Рио. Они отправились в Рио. Я стараюсь не думать об

этом – со времен Великой Депрессии я осознала, что сублимация – мой друг.)

– Вот почему мне больше нравятся «Бруклин Сайклонс», чем «Мете»³ – быстро говорит Райан.

Я понятия не имею, о чем он, но девушка широко открывает глаза. О-о-о, время для флирта. Это вроде его автоматической защиты – «я обычный человек!». Он все время ведет себя так в закускойной. Я вздыхаю, когда она начинает говорить о бейсболе.

За десять минут, пока мы ждем автобус, Райан дарит ей больше улыбок, чем мне за последние несколько месяцев.

По крайней мере, в автобусе есть сидячие места. Девушка остается на улице с раздраженным видом. Слабое утешение. Райан стоит, потому что это Путь Могучего Говнюка-Охотника, но я падаю на сиденье рядом с ним. Я чувствую себя не очень хорошо из-за недосыпа.

Пока мы едем по улицам Бруклина, я смотрю в окно и беспокоюсь. Таков Путь Элли.

Девчонка со своими девчачьими защитными ужимками. Такой меня видят другие охотники? Такой меня увидит Оуэн? Что, если на самом деле я просто обычная противная девчонка, с которой возится Райан? Что, если он действительно нарушает всевозможные тайные правила охотников? Если да, ладно, тогда он был бы менее восприимчив к моему нытью, но что, если из-за меня он потеряет работу?

Маловероятно, но, как бы то ни было, я не так легко знакомлюсь с новыми людьми и не очень хорошо справляюсь со своими проблемами.

Фары автобуса мигают. Я на секунду отвожу взгляд и поэтому замечаю, что девушка напротив меня пялится на Райана. Райан стоит рядом со мной, глядя из-под поля шляпы с таким отстраненным, отсутствующим видом, словно читает надписи на потолке. Опять на него девица запала. Вторая за один день.

Я не собственница. Нет, нет, нет.

Я сползаю по сиденью и вытягиваю ноги так, чтобы икрой коснуться ее. Или стукнуть ее – сложно сделать это правильно, когда автобус собирается резко повернуть, ага, вот сейчас. Но это не имеет значения, потому что он смотрит на меня с действительно интересным выражением лица, которое я не могу разгадать, и отодвигается, но, как я заметила, не от меня.

Я бросаю очень короткий взгляд на девицу – она надувает губы. Ха! Съела, противная блондинка?

Райан замечает мое, может быть неподобающее, самодовольство. Закатывает глаза и отступает в сторону.

Еще два автобуса, и мы у больницы. Я никогда раньше не была здесь, но она похожа на другие больницы. За одним исключением – тут действительно много народу. Райан идет по вестибюлю с таким видом, словно бывает тут каждый день, мимо охраны, медсестер и толпы больных, которые незаинтересованно смотрят на меня. За пределами лобби нам попадаются еще люди, врачи, медсестры, вдоль стен стоят каталки, и я начинаю думать, что мы беспрепятственно доберемся до цели.

Я никогда не была в Маймонидах, потому что Райан предпочитает терпеть, но не обращаться к врачам. До сих пор нам везло: в большинстве случаев, когда мне приходилось его заштопывать, ему требовались всякие причудливые штуки – типа приложить розмарин и шалфей к ранам, или мне приходилось с помощью паяльника плавить зачарованное серебро в порезе, нанесенном когтями оборотня. К счастью, это случалось лишь пару раз, потому что я не очень хорошо обращаюсь с паяльником. Руки трясутся.

Обычно Райан сам оказывает себе медицинскую помощь. У него никогда не было таких ран, чтобы мне приходилось везти его в больницу. И за это я благодарна силе, противоположной Аду по ту сторону Двери.

³ Нью-йоркские бейсбольные команды.

Мне потребовалась минута, чтобы понять, что Райан ориентируется по знакам, – он останавливается на повороте и поворачивает налево, туда, где должен быть кафетерий. Тут тоже тьма-тьмущая народу, семьи едят странную пищу, доктора перелистывают страницы книг одной рукой, а второй механически отправляют еду в рот, и сидят несколько фельдшеров в хрустящей униформе. Один фельдшер как раз двигает стул за пустым столом, и Райан направляется к нему.

Оуэн, если это он, не похож на Райана, и это разочаровывает. Он здоровый и розовощекий. Еще не увидев, что мы движемся к нему, он обращается к соседнему столику, где сидят несколько медсестер после дежурства, и я слышу его акцент – у него жизнерадостное британское произношение. Он выше Райана, и это просто удивительно. Одет в темно-синюю форму, довольно симпатичную, если вам нравятся униформы. Мне – нет, но я вижу, что он может пользоваться успехом. Табличка на его груди гласит «Дэвид», но все охотники меняют имена. На голове темно-синяя бейсболка, мне интересно: она действительно так много значит, как говорил Райан.

Он как раз отодвинул свой стул, когда, увидел, что мы приближаемся. Его лицо мрачнеет, и он снова придвигает стул. Он не заводит пустую беседу – Райан тоже никогда этого не делает, – он даже не здоровается и не представляется. Он кивает в сторону коридора и уводит нас в маленькую комнатку рядом с постом медсестры.

– Здесь спят интерны, когда у них ночные дежурства, – объясняет он коротко. – Комната, скорее всего, будет пуста минут двадцать по меньшей мере; на Парк-стрит произошла авария с участием четырех машин.

Райан прочищает горло. Оуэн немедленно начинает сердиться.

– Послушай, – говорит он, и его жизнерадостный акцент неожиданно становится грубым и злым, – у меня есть работа, и я не обязан говорить с тобой, стетсон. Так что либо говори, что тебе надо, либо убирайся к дьяволу из моей чертовой больницы.

Я хихикаю. В одной руке у него журнал с кроссвордами, в другой – стаканчик кофе.

Но я не виню его за раздражительность, выпендреж Райана – это нехороший признак.

– Мне надо взглянуть на твою Дверь, – говорит Райан, теперь он – сплошная учтивость и такт.

– Плохая мысль.

– Привет! – жизнерадостно вступаю я, потому что не умею держаться в стороне, да и ситуация явно не собирается налаживаться. В любом случае разве моя роль – не отвлекать? Вот именно. – Меня зовут Элли. У меня закусочная в другом конце города. Ты должен зайти к нам, мы делаем отличный кофе. Твою Дверь кто-то призвал или это была спонтанная вивификация? Могу принести тебе пирог, если хочешь.

Оуэн моргает и медленно улыбается.

– Чучело! – говорит он, и я думаю, что это он обо мне, пока он не продолжает: – Ты теперь используешь Двери, чтобы производить впечатление на девушек? – Он подмигивает мне, и тут мне хочется его убить. – Никогда не доверяй парню в стетсоне, – обращается он ко мне. – Они ненадежные.

Это меня раздражает. Я не хочу оказаться в центре глупой разборки между сайентологом и лоа... Кроме того, оскорблять Райана – это не путь к моему сердцу.

– Есть проблема. Серьезная, – нетерпеливо отвечает Райан. – Твоя Дверь еще здесь?

Самодовольная усмешка сползает с лица Оуэна. Теперь он похож на парня, которого ты ожидаешь встретить, попадая в скорую помощь. Уставший и не такой убедительный, как пытается быть.

– Да, – отвечает он. – Есть причина, по которой ее может не быть?

– Ты уверен?

Оуэн допивает кофе, выбрасывает стаканчик в мусорную корзину и кладет кроссворды на носилки. По-видимому, здесь недавно спал какой-то интерн, потому что в подушке осталась вмятина от головы.

– Пойдемте, – говорит он. – Нам надо в прачечную.

Демоны могут прийти в наш мир тремя путями. Путь, не связанный с Дверью, – это когда они рождаются среди нас (вы думали, что «Омен» – это просто триллер?). В соответствующее время в соответствующем месте кошки, перепрыгивая через колыбель, превращают младенцев в вампиров. Голодные могут стать демонами-вендиго и сожрать свою семью. Прогулка под смоковницей может отдать человека во власть демона без лица. (И да, что касается последнего случая, смоковница должна быть на Гуаме, но принцип вы поняли.)

Второй путь – когда обычная дверь, или дыра, или что-то подобное проходит через вивификацию, то есть оживает сама по каким-то дурацким оккультным причинам; как с рождением, это тоже должно случиться в правильном месте в правильное время, и, кроме того, Дверь (дыра) должна быть правильной формы. Эти Двери сложно засечь, говорит Райан. Если охотник не доберется до них достаточно быстро, появятся горы трупов, и тогда черта с два проберешься туда мимо полиции.

Наконец, есть мой любимый способ вызывать демонов в наш мир: несколько пьяных идиотов думают, что совершают магический ритуал, и таки да, оказывается, они его действительно совершают.

Много водки, мой первый доллар из первых чаевых от первого клиента в закускойной лежит, скомканный, в центре мелового круга, дерьмовая попытка вспомнить строчки из «Колдовства». Вот как это было. А потом земля содрогнулась, и в стене чертовой закускойной открылся портал. И он заговорил.

Через десять минут появился он, мужчина в длинном черном пальто, он ворвался в подвальную дверь с мечом в одной руке и обрезом – в другой.

После ряда убийств и кучи соли Райан в своей чудной манере, одновременно немногословной и саркастической, объяснил, как устроен мир: демоны реальны. Другие измерения реальны. Он добавил пару гадостей в адрес теории струн, но я была слишком пьяна, чтобы понять.

Дверь, на которую я смотрю сейчас, по-видимому, возникла спонтанно. Я говорю так, потому что никто со склонностью к готической драме в душе не станет открывать Дверь в промышленной стиральной машине.

– Я стараюсь, чтобы медсестры ничего не клали сюда, – оно просто сжирает все, – рассказывает Оуэн.

Эта Дверь просто светится багровым и зеленым, словно синяк. В прачечной оглушающий шум, гудят десять сушилок, пыхтят семь гигантских стиральных машин, воздух сырой и пахнет отбеливателем, старостью и слезами. Свет яркий, вдоль стен сложены стопки светлых простынь, одеял, халатов хирургов и пижам. Рядом с Оуэном ярко-красное ведро с надписью: «Только для экстренных случаев»; я уверена, что там соль.

Посреди этой нереально обычной обстановки стоит одна машина с наклейкой «Не работает» и маленьким иллюминатором в Ад в металлической дверце.

Хорошенькая Дверь в Ад.

– Моя Дверь выглядит не так, – бормочу я и протягиваю руку. Райан быстр – он сильно шлепает меня по руке, мне больно, и я вынырываю из странного оцепенения, охватившего меня. – Моя Дверь выглядит не так, – повторяю я громче, игнорируя тот факт, что я чуть не прикоснулась к Двери в Ад.

Я дура? Возможно.

Оуэн либо не замечает, либо слишком вежлив, чтобы указать мне на это.

– Как выглядит ваша Дверь? – с любопытством спрашивает Оуэн.

– Я думала, они все одинаковые.

Я адресую эти слова Райану, который слегка покачивает головой:

– Большинство из них. Но некоторые отличаются.

– Очень полезная информация. – Я поворачиваюсь к Оуэну. – Моя Дверь – это большой портал. Наверху у него арка, наверное, в фут шириной, выложенная из камня. Низ тоже каменный, весь дверной проем, и он не выглядит так, словно туда можно войти и оказаться в Аду. Прямо за проемом кованая решетка. Ну или руки. Одно или другое. Оно распахивается, когда дверь открывается, чтобы выпустить демонов.

– Кованые руки? – скептически переспрашивает Оуэн.

Он скрещивает руки и прислоняется к стиральной машине-Двери. Его форма Мило натягивается на бицепсах, но я делаю вид, что не замечаю. Я все еще возмущена, что он оскорблял Райана; только мне можно это делать.

– Элли была готом в юности, – сухо поясняет Райан.

Ничего не может быть дальше от истины. Подростком я была печальной серой мышью – слишком много денег и слишком мало вкуса и стиля. Я носила желтый кожаный жакет и шесть пар одинаковых туфель на каблуках, различающихся только цветом. И большую часть времени лак на ногтях соответствовал цвету туфель, а туфли соответствовали сумочке.

Не то чтобы Райан знал об этом, я полагаю. Когда мы разговаривали, мы говорили о Двери, демонах и о том, что мне надо попросить повара добавить в меню на следующую неделю. Не о нас. Тем не менее, откуда он взял эту идею, что я гот?

Может быть, это все из-за того, что я вызвала Дверь? Готова поспорить, что так и есть.

– Вы можете сказать нам, почему она так мерцает? И почему не разговаривает? – спрашиваю я.

Странно... но мои уши зудят глубоко внутри. Как будто Дверь пытается говорить со мной, но не может. Хотя я уверена, что услышу, если подойду поближе.

– Эта Дверь никогда не говорит. И из нее ничего не выходит, хотя некоторым людям не следовало бы жить.

Не следовало бы потому, что от них слишком много беспорядка или потому, что они плохие?

Оуэн говорит так, словно каждое слово из него вытягивают медленно и болезненно. И я придвигаюсь все ближе и ближе к Двери. Она пахнет... она пахнет пурпуром. Что это значит?

И не успевает Райан остановить меня, как я снова протягиваю руку и касаюсь Двери, прикасаюсь к крутящемуся пурпуру и зелени, прикасаюсь к этому синяку.

В моей голове раздаются вопли, крики ярости и боли. Я чувствую, что меня за талию хватают руки, но я хочу пройти сквозь Дверь. Я хочу забраться туда и свернуться в пурпуре. Он такой одинокий. Но руки неумолимо оттаскивают меня назад, мне холодно, грустно, и я плачу.

– Пустите меня, – говорю я и слышу свои слова, они звучат истерично. – Дайте мне пройти!

Меня швыряют на пол, и я слышу шум над собой. Когда я открываю глаза, Райан и Оуэн стоят надо мной и Оуэн сыплет соль мне на голову из ведра около Двери.

– Пустите меня, – всхлипываю я. – Он такой одинокий.

– Ты дура! – рычит Райан. – Долбаная дура!

– Это было абсолютно, чертовски глупо, – говорит Оуэн, но протягивает руку, чтобы помочь мне встать.

Я не беру его за руку, потому что в моей голове шепот: «Не прикасайся к нему».

– Я не буду, я не буду, я не буду, – говорю я вслух.

Чем больше соли Оуэн сыплет мне на голову, тем глупее я себя чувствую. Сколько соли может влезть в ведро, кстати? Дышать легче, и слезы высыхают. Когда я бросаю взгляд на Дверь, вижу, что дверца машинки закрыта и пурпур с зеленью больше не заметно.

Я стряхиваю соль с головы и поднимаюсь. Мир вокруг меня кружится, кажется, меня сейчас стошнит.

– Наверное, мне надо снова лечь. – Что я и делаю, медленно и осторожно.

«Наверное, тебе не следует трогать чертовы Двери в Ад». Я знаю этот шепот. Это Райан. Я смотрю на него. Его рот искривлен гримасой.

– Я не собиралась трогать ее, – говорю я. – Она меня заставила.

– Я... – начинает Райан и заканчивает шепотом: – Ты слышишь это?

– Да. – Я закрываю глаза, чтобы прекратить головокружение, и все мое тело начинает вздрагивать.

Теперь, на этот раз громко, Райан спрашивает:

– Ты слышала это?

– Нет... – Я снова открываю глаза. Тошнота отступает.

– Вероятно, побочный эффект от прикосновения к Двери, – отвлеченно говорит Оуэн.

Он нравится мне все меньше и меньше с каждой секундой.

– Она меня заставила, – упорствую я.

Райан невозмутимо смотрит на меня. Он не выглядит раздраженным, он ведь чертовски сдержан. Он мог бы съесть шестерых младенцев и седьмого на десерт, я его знаю.

– Мы поговорим об этом позже, – наконец заявляет он.

Я подтягиваю колени ближе и опускаю голову между ними, делая глубокие вдохи, а он тем временем обращается к Оуэну.

– Спасибо, что показал нам свою Дверь, – нараспев говорит он.

Полагаю, это их ритуальная фраза. Охотники странные.

– Всегда пожалуйста, – отвечает Оуэн с такой же интонацией, потом добавляет: – Я никогда не делал этого раньше. – И вполголоса, словно я не могу его слышать: – Она никогда не притягивала меня.

– Что ж, Элли особенная, – говорит Райан.

Я ушипнула бы его, но пока что с трудом даже дышу.

– Мы уходим? – спрашиваю я. – Я хотела бы убраться отсюда. Не обижайся, Оуэн.

– Не принято! – Жизнерадостный британский акцент возвращается. – Оставляю это на ваше усмотрение. Вы знаете, что Нарния снова в городе, верно?

Райан моргает:

– Нет. Но...

Оуэн перебивает его:

– Она в обычном месте. И ты, моя милая, – говорит он мне, – должна мне пирог.

Потом он разворачивается и уходит, даже не попрощавшись. Я наблюдаю, как он поправляет бейсболку по пути. Понимаю, почему Райан не любит охотников в бейсболках. И я не принесу ему вкусный пирог. Испеку персиковый. Персиковые пироги всегда кашеобразные.

– Ты в порядке? – Райан садится на корточки рядом со мной.

– Если нет, это имеет какое-то значение? – спрашиваю я, продолжая держать голову между коленей.

Жаль, что я надела такие тесные джинсы, но других чистых не было.

– Нет, – отвечает Райан и тащит меня за руку.

Несмотря на то, что Райан поддерживает меня, я шатаюсь. Я измучена. И когда мы проходим мимо стиральной машины с Дверью, я снова чувствую боль, плач, одиночество. Я вздрагиваю.

Я теперь сомневаюсь насчет теории, что молодые охотники сексуальны, но Райан в любом случае самый привлекательный из тех, кого я видела. Пока мы движемся по направлению к выходу из больницы – он следит за указателями, а я спотыкаюсь, – я украдкой разглядываю его; его профиль – сплошные прямые линии и резкие впадины, эти контуры так и хочешь облизать. Его лицо слегка затенено полями шляпы, и мне ужасно хочется сорвать с него шляпу и прикоснуться к нему.

По всей видимости, я делаю это не настолько незаметно. Он косится на меня и улыбается, как будто не собирался этого делать.

Боже мой, мне это нравится. Он не часто так делает. Улыбка и то, что он продолжает бережно меня поддерживать, не позволяя мне упасть, его теплая, обнимающая меня рука – этого мне достаточно. Думаю, я удержу его. С учетом моей слабости, это действительно сильное решение. Я хихикаю.

Но...

Какая-то часть меня, глубоко внутри, вздрагивает. Нехорошо. Что-то происходит.

Вас когда-нибудь охватывала дрожь, непонятно от чего, и в мозг проникала странная мысль, непонятно почему? Такая мысль сейчас пришла в голову мне, прервав глупые грезы. Коридор подозрительно пуст.

– Рай?

Я пытаюсь сосредоточиться. В коридоре тихо, слышны только звуки наших шагов, и вместо людей я вижу двери, двери и черноту.

– Мм?

Это неправильно. Райан... растерян? Имею в виду, что я сама ужасна, но у меня было достаточно подтверждений тому, что Райан этому неподвластен. Так что либо мной завладел суккуб и мне светит самое приятное времяпрепровождение в жизни, перед тем как я взорвусь и умру (однажды это случилось с одним типом, попытавшимся стащить бутылку холодного чая, пока мы с Райаном были наверху, и мне на лицо капала вода с кровью, пока я отмывала типа с подвального потолка), либо что-то не так.

– Мы все еще в больнице? – спрашиваю я, потому что, судя по тому, что я вижу, это закономерный вопрос.

Он моргает, глядя на меня, поворачивается и смотрит, потом осторожно отпускает мою руку и говорит:

– Открой дверь рядом с собой.

Я очень, очень не хочу, чтобы он отпускал меня. Это желание чуть ли не сильнее нежелания открывать дверь. В стеклянный глазок я вижу, что это крошечная кухня, где стоят буфет и кофемашина. Я хватаюсь за край его плаща – Райан морщится, и, наверное, он тоже рад, что мы вместе, – и поворачиваю ручку.

Кухонная дверь распаивается, и – это чертова кухня, просто кухня! – тут вдруг шляпа Райана падает мне на голову. Райан натягивает ее мне на глаза, видимо, для того, чтобы полностью ее испортить, и тут он говорит:

– Не смотри. Не вздумай.

В голове я слышу его шепот: «Пожалуйста».

Я ничего не вижу, хочу я сказать. С этой огромной тяжелой шляпой, закрывающей глаза. Но я ничего не говорю, потому что внезапно раздаются голоса.

Голоса тихие, еле слышные, далекие – шляпа отчасти закрывает мне уши, я замечаю это, когда пытаюсь потереть их, чтобы избавиться от звуков. Голоса одинокие и печальные, и я сказала, что они одинокие? Черный мир внутри шляпы превращается в пурпур. Где-то здесь, рядом, мир боли, и все, что я хочу, – это протянуть руки и обнять...

– Ради бога, Элли, не сейчас. – Я слышу Райана.

Он шевелится прямо рядом со мной, я обнимаюсь не с испуганными голосами, а с Райаном, и, кажется, я его удерживаю.

Что, черт побери, я творю?

Я опускаю руки, и он благодарит довольно высокомерным тоном, и я слышу металлический свист его меча, пронзающего что-то вязкое. Голоса внезапно прекращаются, и я чувствую, как что-то влажное и мешковатое падает мне на туфли. Я очень, очень растеряна, и мне так плохо, как никогда не было.

Я чувствую руку на шее – это Райан. Его большой палец скользит по моему горлу один раз, и потом внезапно он сдергивает шляпу у меня с головы, и мои волосы, и без того спутанные из-за того, что меня ни свет ни заря разбудил некий охотник, теперь выглядят как одуванчик, который собирается вот-вот выбросить семена. Я приглаживаю их, уставясь на него; надо будет повязать волосы банданой, если они не прекратят буянить. Он смотрит на

меня, пытаюсь придать своей шляпе, теперь напоминающей дамскую шляпку, прежний вид.

Позади него валяется здоровенный пурпурный монстр с массой щупалец, из него торчит меч. Одно щупальце лежит на моих туфлях. На самом кончике щупальца расположены волосинки, и я вдруг вспоминаю о воображаемом любимце-кролике, который у меня был в шесть лет.

– Гм, – произношу я. – Откуда это взялось?

Он смотрит назад, потом снова поворачивается ко мне. Осторожно надевает стетсон и поправляет поля.

– Оно шло за тобой, – отвечает он.

Он отворачивается и вытаскивает меч из этой штуки. Из раны выплескивается немного пурпурной жидкости, жирной, как жареное масло. Райан кривится и направляется в кухню, дверь в которую я открыла немногим ранее. Вытирает клинок бумажными полотенцами.

– Как? – спрашиваю я.

Он пожимает плечами:

– Ты прикоснулась к Двери. Что-то с той стороны захотело тебя – или ты захотела его. Оно пошло за тобой.

Райан прячет меч в роскошных полах плаща. Но я не настолько умудрена опытом.

– Я ничего такого не хотела, – возражаю я.

Он выходит обратно в коридор, я следую за ним. Труп демона начинает исчезать. Мы ждем, пока он испаряется полностью.

Райан говорит:

– Я не знаю, в чем дело, но что-то в тебе привлекло его внимание, Элли. – Он печально смотрит ни меня. – Взгляни.

Он снова берет меня за руку и тащит к следующему повороту коридора – там полно людей, глядящих на нас с болью, – потом мы оказываемся в вестибюле отеля, выходим через крутящуюся дверь, на улице в ряд стоят такси, готовые отвезти вас куда угодно. Он пихает меня в одну машину и просит таксиста отвезти нас в Бруклинскую публичную библиотеку.

Что-то во мне? Потрясающе.

Я прислоняюсь головой к окну и закрываю глаза.

4

Библиотека огромна, она расположена в центре Бруклина. Прямо рядом с парком и ботаническим садом. Однако соседям не позавидуешь; я не хотела бы гулять здесь вечерами без сопровождения охотника.

Хорошо ехать на такси. Даже без монстров со щупальцами улицы кажутся нереальными. Я люблю этот город. Я провела большую часть жизни на Лонг-Айленде, который тоже весьма нереальный. Это даже не остров – это полуостров. Ложь, везде ложь! Я даже не знала, что это не остров, пока мне не исполнилось двадцать пять и я не посмотрела на карте. В школе нас этому не учили. Зачем учить географию, когда вместо нее мы можем узнать о... ну, о других вещах, я считаю. Я даже не помню, чему меня учили в школе. Большую часть времени я потратила на маникюр, укладку и шопинг.

По существу, я была самой обыкновенной, типичной жительницей Нью-Йорка. У меня было чересчур много времени и чересчур много денег. Я жила в доме, который явно был слишком велик для троих человек, – там было шесть гостевых спален, огромный подогреваемый бассейн на заднем дворе, где можно было купаться зимой, и у нас даже были слуги. Это не совсем то, что люди представляют себе, когда думают о Нью-Йорке, но любой нью-айлендец поспешит меня заверить, что Лонг-Айленд – это не часть Нью-Йорка. Нью-Йорк состоит из пяти районов, и все. Большинство жителей Лонг-Айленда даже не смогут их все вспомнить и все время забывают Бронкс.

Стэн и Аманда росли по соседству со мной. У них тоже были большие дома, бассейны и подстриженные деревья вдоль подъездных аллей. Нам подарили похожие машины, когда нам исполнилось по шестнадцать лет, и мы ездили на них слишком быстро, пока наши родители потягивали мартини и болтали о фондовой бирже и инструкторах по теннису.

Отличие между нами теперь заключается в том, что Стэн и Аманда продолжают жить той жизнью. Я живу в Бруклине, в крошечной квартирке, в окружении студентов, изучающих литературу и философию, в нескольких минутах езды на метро до Манхэттена. Я никогда не ездила на метро, пока не переехала в Бруклин.

Хотела бы я сказать, что вписалась в эту жизнь и у меня не было никакого культурного шока, но я не вписалась совершенно. Я начала работать в закусочной потому, что это больше всего было похоже на ту работу, которую я на самом деле могу выполнять; только благодаря любимой горничной матери Аманды я вообще получила этот шанс. Горничная матери Аманды, чье имя я даже не знаю, потому что в те времена я плохо запоминала имена, несмотря на то, что сидела без гроша, получила неплохое вознаграждение за то, что рекомендовала меня на это место.

Оглядываясь назад, я прихожу к убеждению, что Салли пожалела бедную богатую девочку, явившуюся к ней в первый день работы официанткой в белом костюме от Прады и за рулем «мерседеса». Я с трудом запарковалась, и к концу рабочего дня мои ноги так гудели, что я не могла вести машину. Салли не слишком смеялась над моими страданиями и разрешила мне поспать в ее сильно натопленной комнате над закусочной, пока она смотрела телевизор и в итоге сама уснула прямо в старом кресле, которое, к сожалению, она не оставила здесь, когда переехала.

Это история о том, как появилась Дверь на самом деле, потому что той ночью, когда я не вернулась домой, Стэн и Аманда выехали из Лонг-Айленда. Почему они просто не позвонили мне на мобильник? Если бы они сделали это, сейчас все было бы по-другому. Они позвонили с улицы. Я впустила их через черную дверь, и мы отправились в подвал с бутылкой водки Аманды и таблетками экстази Стэна.

Бог мой, я знала, как отплатить им за доброту, не правда ли?

«Мы должны... мм... а-а-а... мы должны сделать что-то, потому что сегодня особенный день!» – заявила Аманда, когда мы выпили слишком много, чтобы сохранить здравый смысл. Тогда мы много пили. Они продолжают делать это, а я – нет. Я не могу – у меня всегда слишком много дел. Не думайте, что мне это чертовски нравится, отнюдь. Но что я могу поделать? Мне приходится жить с этим, точно так же как приходится уживаться с остальным; в мои преклонные годы я стала мудрой и спокойной.

Кстати, это большое вранье.

«Да, – лениво сказал Стэн, растягиваясь на каких-то поломанных коробках на полу. – У тебя есть работа. Это невероятно».

«Без шуток, – тут же согласилась я. Кто бы мог подумать, что я буду работать? Только не я; моя ЖИЗНЬ пошла под откос. – Нам надо что-то купить на мои чаевые!»

«Сколько тебе дали?» – Аманда даже не попыталась изобразить заинтересованность, но я все равно вытащила смятые купюры из кармана.

Мой роскошный белый брючный костюм от Прады был заляпан пятнами до такой степени, что самая лучшая химчистка с ними не справилась бы, но все равно я ощущала какую-то странную гордость. Я сделала свою работу, и да, я не очень хорошо ее сделала, но я ничего не уронила, и на меня пожаловался только один клиент, когда я принесла ему обычную колу вместо диетической.

«Пятнадцать баксов», – гордо заявила я и показала деньги.

Аманда вытащила один доллар из кучки.

«Нам надо навести чары на деньги, так чтобы они умножались, а тебе не приходилось много работать», – сказала она, кладя доллар на пол.

«Ты идиотка», – сказал Стэн, но сел прямо, явно заинтересовавшись.

Я хотела сказать, что это чушь. Хотела сказать, что бедность дала мне ощущение новой

цели. Но это была бы ложь. Чертова-чертова-чертова ложь. Ведь, что бы нам ни говорили книги, кино и телевидение, в бедности нет ничего хорошего. Нет ничего хорошего в том, чтобы жить в чужом доме, даже если это дом твоего лучшего друга детства. Ничего полезного нельзя извлечь из ситуации, когда все, кого ты знаешь, в глаза тебя жалеют, а за глаза злорадствуют.

Я могла прожить всю жизнь, не зная, кто мои настоящие друзья, и была бы счастливее.

«Давайте сделаем это», – сказала я.

«Надо сочинить стих», – серьезно произнесла Аманда, и я согласилась.

В конце концов, мы все смотрели «Колдовство» миллион раз, и все их заклинания были рифмованные.

«Мм, – я посмотрела на купюру, – не надо ли нарисовать круг?»

Я вытащила из кармана крошечный кусочек мела; я пользовалась им, чтобы написать блюдо дня на доске за барной стойкой. Сегодня блюдом дня был мясной рулет с картофельным пюре, зеленой стручковой фасолью, подливкой и булочкой, за все – пять долларов. Неудивительно, что закусочная едва сводила концы с концами, если Салли даже не назначала настоящую цену за еду.

«Так, дай мне это». – Аманда выхватила у меня мел и нарисовала неровный круг на бетоне, положив долларовую купюру в центр.

«Вы, ребята, спятили. Магии не существует. – Стэн ущипнул меня за бок. – Давайте лучше закинемся экстази».

«Нет, не сейчас, – ответила я и оттолкнула его руку, продолжавшую щипать меня. – Прекрати».

«Заткнитесь! – потребовала Аманда. – Ладно, я думаю, я сочинила отличный стишок».

«Приступай», – сказала я ей.

Мы втащили Стэна в круг и сели вокруг него, скрестив ноги, соприкасаясь коленями и держа за руки.

«Я думаю, для начала нам нужна кровь, – сказал Стэн. – Если уж мы собираемся делать это, надо сделать правильно, не так ли?»

«Где мы возьмем кровь?» – Я осмотрелась, но и подвале не было никаких забытых Салли ножей, ничего подобного.

«Я знаю! – Аманда прижала сумочку к груди. – Маникюрные ножницы».

«Очень умно», – одобрительно сказала я.

«Я лучшая», – согласилась она и царапнула ножницами мой палец.

Несколько капель упало в колпачок из-под ее подводки для глаз. Потом кровь Стэна, потом ее собственная. В неверном свете подвала наша кровь казалась почти черной, и я немного занервничала. Кто знает, что может случиться с этой кровью? Аманда поставила колпачок в центр круга, на купюру.

«Готовы?» – Она взглянула на Стэна, потом на меня.

Я кивнула как можно решительнее, но я думаю, выглядело это вовсе не решительно, поскольку я была пьяна в стельку, и, если бы я кивнула чуть резче, я бы, скорее всего, упала.

«Готовы! Вперед!» – прокричал Стэн и начал смеяться.

«Солнце, звезды, вилка, нож», – нараспев произнесла Аманда.

Я хихикнула, и она сильно сдавила мне руку.

«Ой!»

«Заткнись, я колдую!»

«Вы, ребята...» – начал Стэн.

«Заткнись! – потребовала Аманда и снова начала: – Солнце, звезды, вилка, нож, пусть к нам денежка приде-е-е-ет!»

«Это не рифмуется, – заметила я и начала хихикать, не в состоянии остановиться. Слишком много водки! Я была так глупа, понятия не имела, что натворит этот нерифмованный стишок. – Мел светится? Какой ужас, я и не знала, что он фосфоресцирует».

«Такое бывает только в океане, бестолочь», – сказал Стэн.

Он откинулся назад как можно дальше, пытаясь нарушить наше равновесие.

«Все может светиться», – возразила я, наклоняясь в его сторону.

«Погодите, я придумала продолжение: Дай нам больше, дай нам все. Желанья наши исполняя, дай нам все, чего желаем», – ликующе закончила Аманда, и мел засветился еще ярче.

И тут появилась Дверь. Дверь прямо за спиной Стэна, где всегда была стена.

«О-ой! Ребята... – Я ткнула пальцем за Стэна. – Там большая Дверь или что-то вроде этого. Я думаю... что за черт?»

Да, у меня грязный рот.

«Ха-ха, конечно», – сказал Стэн, не поворачиваясь, и в Двери что-то появилось.

Аманда покачала головой:

«Нет! Стэн, правда! Посмотри!»

Стэн повернулся, и мы все застыли на месте, когда нечто – нечто с ногами – начало выходить из Двери, и Аманда обрадовалась:

«Сработало! Мы наложили чары!»

Я мало что помню из того, что было дальше, – все воспоминания расплываются, как бывает из-за алкоголя. Раздался громкий удар – чудо, что старушка не проснулась от шума. Засиял яркий свет. (следующее, что я четко помню, – это желтая липкая противная масса, навалившаяся на Стэна, Аманду и меня. Ничто теперь не спасет мою Праду. У парня, стоявшего над нами с мечом в одной руке и обрезом – в другой, были мрачные голубые глаза и сексуальная небритость.

Райан никогда не говорил мне, как он смог добраться до нас так быстро, и я никогда не спрашивала. Я не хочу знать, как близки мы были к тому, чтобы нас сожрал отвратительный желтый монстр, и я должна указать – монстр с большим количеством ног.

«Вы идиоты!» – заорал он, и в его голосе послышался акцент – что-то южное и грассирующее, что воскрешало в моей памяти ранчо, лошадей и ковбойские шляпы. И, о да, на нем была эта самая ковбойская шляпа.

«Не смей называть нас идиотами!» – заявила Аманда, уперев руки в бока.

Но, о да, детка, этот парень может называть меня как угодно, пока он со мной в постели.

Позади него было – ну, было то, что я теперь знаю как Дверь. Глупый стишок Аманды открыл Дверь в Ад. Но в тот момент я могла думать только о том, что она милая.

«Приве-е-е-ет, милая», – подумала я и ощутила теплую дрожь по всему телу.

«Не разговаривай с ней! Не... эй! Девушка! Послушай меня! – Внезапно руки парня оказались на мне, и он затряс меня. – Не разговаривай с ней, понятно?»

«Я ни с чем не разговариваю, и я не идиотка, – высокомерно заявила я. – Позвольте мне сказать, насколько высокомерной я могу быть: очень».

«Да? С моей точки зрения, вы, ребята, все идиоты, это уж точно. – Он отступил назад и выпрямился. – Вы только что открыли Дверь... – (я услышала в его голосе большую букву) – в худшее место, какое только можете себе представить».

Я перевела взгляд на Аманду. Она выглядела наполовину утомленной и наполовину расстроенной из-за испорченной одежды. Стэн рассматривал Дверь за спиной незнакомца.

«Кто вы такой? – спросила я. – Вы не можете так просто вломиться сюда, убить какую-то тварь, измазать нас этой гадостью и даже не сказать, кто вы».

«Можете называть меня Райаном. Я здесь, чтобы спасти ваши задницы, так что на вашем месте я бы не жаловался».

Он осмотрел подвал и вытащил полотенце из стопки. Мы все наблюдали, как он вытирает меч. Его обрез уже спрятался в недрах его крутого развевающегося кожаного плаща.

«Не могу представить, – произнесла Аманда с видом надменной принцессы, – чтобы вы могли сказать что-то такое, что заинтересовало бы меня».

«Тогда не слушай. Ты можешь умереть, и мне плевать на твое упрямство. – Он обратил

внимание на меня. – Ты слушай».

«Я слушаю, – кивнула я. – Но... э-э-э... я пьяна. Ты можешь быть галлюцинацией. И это... – я махнула в сторону Двери, – это тоже может быть галлюцинацией».

«Это не галлюцинация, это кошмар. Это ваш самый страшный ночной кошмар, клянусь. Это Дверь в Ад – в несколько разных Адов. И вы, идиоты, как-то ее открыли. Что вы просили? Деньги? Славу?»

«Деньги», – признала я.

«Не говори с ним», – посоветовала мне Аманда.

«Что-то происходит, – ответила я ей. – Разве ты не хочешь знать, в чем дело? Мы даже не принимали экстази!»

«Я принял», – сказал Стэн.

Я не обратила на него внимания и повернулась к Райану, вытягивая шею, чтобы посмотреть ему в лицо.

«Я могу... – заговорила я. – Это похоже на шепот. Вы слышите?»

«Это Дверь. Она хочет, чтобы ты с ней говорила. Она хочет дать тебе все, что ты пожелаешь. Не бери это. Никогда не бери. – Он понизил голос. Пока он говорил, его ладонь сжималась и разжималась на мече. – Ад реален. Все Ады реальны. Демоны реальны. Любой демон, какого ты можешь вообразить, существует».

«Это самая большая чушь, которую...»

«Заткнись!» – одновременно сказали мы с Райаном.

Долю секунды Аманда выглядела обиженной, потом рассердилась.

«Я выхожу из игры, – заявила она и встала. – Пошли, Стэн».

Он тоже поднялся и с извиняющимся видом взглянул на меня.

«Прости, Элли, – сказал он, – но Аманда права. Это все гребаная чушь».

«Сам ты гребаный», – ответила я и осталась там, где была.

Аманда покачала головой:

«Ты можешь развлекаться тут, Элли, но мы со Стэном идем домой». Так они и сделали.

Иногда мне не верится, что они тогда ушли. Но иногда я удивляюсь, что они оставались так долго. Иногда я удивляюсь тому, что удивилась, что они ушли. Хотя они мои лучшие друзья, я всегда считала, что у меня нет иллюзий насчет них.

«Я не думала, что они на самом деле уйдут», – сказала я Райану, когда Дверь захлопнулась.

«Я думал». – Он сел одним текучим движением, скрестил ноги, скопировав мою позу. – Положил меч рядом с собой, его острие смотрело на меня.

«Скажи мне, что происходит, – попросила я. – Это самое интересное приключение в моей жизни».

«Это самое ужасное приключение в твоей жизни», – возразил он, но я не поверила.

И до сих пор не верю, потому что... это звучит ужасно. Это звучит ужасно, но, как ни омерзительна Дверь, как ни ужасно то, что происходило, я не могу пожалеть, что встретила Райана. Я не могу пожалеть о том, чему он меня научил.

Всему тому, что приходится делать беднякам, – быть сильными, изобретательными и полагаться на себя, – всему этому я научилась, сражаясь против демонов с Райаном.

С заднего сиденья в машине, в которой мы ехали, Бруклин выглядел таким же прекрасным и мирным, как в тот первый день, когда я ехала по нему в первый день работы в закусочной «У Салли». Он действительно прекрасный и мирный. Здесь много культурных памятников и всяких интересных мест, на которые туристы совершенно не обращают внимания, – например, ботанический сад, крошечные итальянские рестораны в Бей-Ридже, греческие закусочные и мост Морразано. Но здесь в округе также есть парочка Дверей в Ад,

и они портят всю картину.

Внутри библиотеки прохладно, спокойно и светло. Я не слышу шепота Дверей, поэтому не совсем понимаю, зачем мы здесь.

Райан ведет меня направо, к секции любовных романов.

– Постой минутку, – твердо говорит он и уходит.

Ага, конечно.

Я жду, пока он не отойдет на несколько шагов, и следую за ним. Вверх по ступенькам, через несколько дверей в светлую просторную комнату, где много столов, компьютеров и пахнет озоном. Маловероятно, чтобы Райан не почувствовал, что я иду за ним, но он не обращает на меня внимания. Я прижимаюсь к стене за дверью. Не стоит торопить события. Я украдкой бросаю взгляд внутрь и вижу, что он наклоняется и целует единственную обитательницу комнаты в щеку. Вокруг нее навалены книги, но я вижу, что она миниатюрная брюнетка вроде меня, если бы я состояла из костей и кокаина. У нее большие глаза, густо накрашенные дорогой косметикой, и туфли, которые я купила бы себе в те времена, когда у меня были деньги.

Она одета не как те библиотекари, которых мне доводилось видеть. Ее аккуратное платье явно куплено не в универмаге. Я не люблю делать ставки и не стала бы спорить на это, но я уверена, что на ней Анна Суй.

Еще она смотрит на Райана так, как, с моей точки зрения, не подобает смотреть на коллег.

К сожалению, я не слышу их из-за чертовой стены. Вот почему он, видимо, не стал возражать, когда я пошла за ним. Глупый Райан.

Райан стоит ко мне спиной, но девушка – лицом, и, когда она замечает меня, ее глаза вспыхивают. Не в переносном смысле слова. Они загораются зеленью с золотыми бликами, и, улыбаясь, она выглядит злобной, будто может убить меня движением пальца. Или мыслью.

Я не из тех, кто бежит от схватки, но я знаю, когда меня значительно превосходят по силе. Если она захочет сойтись один на один, я повыдергиваю ей волосы и искусаю не хуже, чем любая другая девчонка, но она выглядит так, словно предпочитает нечестную игру.

Ладно. Я не просто ухожу, я мчусь прочь. Райан и его дружки иногда пробуждают во мне худшие чувства.

Стеллажи Бруклинской публичной библиотеки похожи на стеллажи любой другой библиотеки. Книги чудесно пахнут старой бумагой и чернилами. Я не ценила такие вещи, когда была моложе, но я смотрю на жизнь по-другому, с тех пор как открылась Дверь. Оказывается, многое из описанного в литературе реально, и романы могут быть полезными. Некоторые, во всяком случае. Некоторые – полное дерьмо.

Я брела по коридорам, вниз по лестнице, поворачивала за углы, пока не заблудилась окончательно. Есть что-то приятное в полной тишине. Никого нет поблизости, не слышен шепот Двери, и тошнота у меня совсем прошла. Книги здесь расставлены не согласно десятичной классификации Дьюи, но по корешкам книг рядом со мной я определила, что я, по всей видимости, в секции 200. Поскольку все эти книги на религиозные темы, забавно видеть их в подобной библиотеке. («Заткнись, понятия вроде «вивификации» не исследуются сами собой».)

Желтые лампы надо мной отбрасывают диковинные угловатые тени; я думала, что я одна здесь, но впереди меня между полками двигается темная фигура. Студент? Бездомный? Оба варианта одинаково не радуют. На пол падает тень – высокая, с чем-то вроде крыльев, но, когда я снова бросаю взгляд на движущийся объект, у него нет ничего подобного. Значит, это демон. Дерьмо, дерьмо, дерьмо! Что за день! Сегодня утром у меня было больше развлечений, чем за весь предшествующий месяц.

Единственные демоны, которые, как я знала, отбрасывают крылатые тени, – это вампиры. Эти создания тоже на самом деле не сексуальные. Очередная чушь, о которой пишут эти сочинители романов. Вампиры похожи... они похожи на бабочек. Злобных бабочек. Снаружи они всегда прекрасны, словно готы, ошивающиеся в Ист-Виллидже, у них

идеальный макияж, они носят высокие сапоги со множеством пряжек и изысканные корсеты даже летом. Но люди забывают, что бабочки используют свои хоботки – такие штуки вроде антенны, с помощью которых они всасывают пищу, – не только для того, чтобы опылять цветы. Некоторые бабочки питаются гнилыми фруктами, или липкими фекалиями, или потом с ваших плеч – они едят падаль. Сосущие человечину бабочки, подумайте только!

Вот что делают вампиры ртом и крыльями: они обнимают добычу и высасывают из нее жизнь. Кровь, плазму, душу.

Райан говорит, что душа находится в горле. Не знаю, верить ему или нет.

Первое, что я узнала от Райана, когда он ворвался в подвал, – железо убивает, а серебро исцеляет. У Райана по всему телу шрамы от прижигания серебром – некоторые из них нанесла я, чтобы спасти его от укуса демона, слюны демона. Даже у меня самой есть один серебряный шрам, оставшийся после первой стычки один на один с чем-то мерзким.

Да. После этого, после раскаленного серебра и запаха моей собственной поджаривающейся плоти, я больше не хожу безоружная. Даже в последней паре чистых джинсов, слишком тесных, вместо пояса в шлевки продернута железная цепь. Я могу вытащить ее и использовать против почти всего на свете.

– Эй!

Вампирша выходит из теней по направлению ко мне, чуть не урча. Она великолепна и да, одета в корсет. Он красно-черный, и я бы приревновала, если бы не знала, что она – кровососущий демон из могилы. Из-за пределов мира.

– Эй, – повторяю я и начинаю пятиться, но она невероятно быстрая, а я всего лишь человек, и я знаю, что через миг она ткнется носом мне в шею, это очевидно, и я издам слабый вздох, как вздыхают плененные жертвы.

Откуда я знаю? Я не бывала в плену. Думаю, дело в том, что во мне слишком много серебра. Я чувствую легкий толчок в шею, и это мой знак.

Вот вторая вещь, которой я научилась от Райана: соль связывает.

Я засовываю пальцы в правый задний карман и выхватываю пакетик с отличной морской солью, в самый раз для «Маргариты», и посыпаю себе шею в том самом месте, где чувствую острый толчок. Вампирша вскидывается, чихая, и да, я вижу длинный изогнутый хоботок из-под вампирского языка и шоколадно-коричневые крылья с золотыми прожилками, разворачивающиеся за ее спиной. Вампирский хоботок похож на старый резиновый медицинский жгут вроде тех, которыми медсестры перевязывают тебе руку, чтобы взять кровь на анализ. Самый кончик его темно-красный – это мое.

Я провожу рукой по шее – на пальцах кровь. Немного – я успела вовремя. Я всегда успеваю, и у меня никогда еще не было проблем, хотя Райан бранит меня каждый раз, когда ловит на этом. Я вытираю палец о ближайшую подходящую вещь – о книгу.

Соль связывает; ее называют контактной магией. Немного соли тут, немного там, и теперь что бы ни случилось с моей кровью в одном месте, случится с ней и в другом.

Эта вампирша на самом деле не стоит моего железного пояса; вместо него я достаю Бетси – железный гвоздь – из того же кармана, где была соль, и протыкаю им пятно крови и книгу под ним. Вампирша кричит. Вцепляется себе в лицо, дергая за хоботок.

Она падает на пол, продолжая извиваться. Тем временем я снимаю книгу с полки, делаю три широких шага назад и берусь за гвоздь.

– Что ты здесь делаешь? – Я старательно изображаю рычание в лучших традициях Райана.

– Иди к черту, человек! – Она фыркает, и слова вылетают мутные и влажные, потому что сосательная трубочка все еще торчит из ее рта.

– Познавательное. – Я поворачиваю гвоздь, и она визжит. – Что ты здесь делаешь?

– Дверь... – Она задыхается, но я на это не покупаюсь. – В комнате пожертвований... новая...

– Спонтанная? – спрашиваю я.

Вампирша кривится. Я поворачиваю гвоздь.

– Да! – Ее крылья сворачиваются. – И будут еще, человек. Чтобы питаться...

Она делает еще один тяжелый вдох и окончательно обмякает. Крылья сминаются, и это выглядит немного грустно, на самом деле – словно дорогое платье небрежно бросили на кресло после вечеринки. Однако ничего из того, что я сделала, не должно ее убить. Я перевожу взгляд с гвоздя на вампиршу, и тут в пяти футах от меня появляется, глядя на меня, брюнетка из той комнаты. Она взмахивает пальцами, и в вампиршу вонзается железный кол с деревянной рукояткой. Кол темнеет, покрываясь кровью, и меня снова тошнит.

Она убила вампиршу до того, как я успела получить хоть какую-нибудь ценную информацию.

– Премного благодарна, – ядовито говорю я.

Кол переворачивается в воздухе, и я призадумываюсь, действительно ли столкновение будет умным шагом с моей стороны.

– Ты что, не знаешь, что вампиров нельзя слушать? – возмущается девушка.

Ее глаза снова вспыхивают, искрятся, и я непроизвольно отступаю на шаг назад. Сейчас я злюсь сама на себя. Ни одна чертова девица-охотница не наставит меня бежать, даже если она может заставить предметы летать. Я опять делаю шаг вперед; ее глаза ничего не упускают. Она поднимает бровь, перед тем как продолжить:

– Они все лжецы. Они просто засасывают тебя.

«Это что, каламбур?» – думаю я.

– Просто у тебя тут Дверь, выпускающая вампиров, в... как ее? В комнате жертвований? Это не значит, что ты должна быть стервой. – Я выдергиваю гвоздь из книги, вытираю об испачканные солью джинсы – теперь уж их точно придется стирать – и засовываю его обратно в карман.

– Слушай сюда, идиотка, здесь нет Двери. – Она моргает, затем ее взгляд суровеет. – Или не было. Что ты натворила?

– Нарния. – (Я даже не услышала, как подошел Райан. Я растяпа; если бы я была настоящей охотницей за демонами, уже миллион раз погибла бы.) – Оставь ее в покое.

– Какого черта ты делаешь с этой непосвященной? – спрашивает Нарния.

Что за имечко? Это имечко той, которая носит сшитый на заказ наряд от Анны Суй. Ненавижу ее. Она также делает ударение на слове «этой». Что заставляет меня подумать, какие истории рассказывают обо мне. Помимо того что я единственная простая смертная, которая открыла Дверь и с которой тем не менее до сих пор общаются охотники.

Я выросла и преодолела свой адский эгоизм, Нарния.

– Она убила много демонов, – говорит Райан. Она знает, что делает.

Он целиком на моей стороне. Я люблю его. Не люблю, в смысле, а люблю... ну вы меня поняли. Кроме того, весьма приятно, что кто-то ценит, что мне довелось совершить.

– Дерьмо! – говорит она.

Ладно, что бы там ни было.

– Послушай, эта вампирша могла что-то рассказать. Я связала ее солью. Мы могли узнать что-то полезное.

– Вампиры лгут. Демоны лгут. – Нарния перешагивает через вампиршу и смотрит мне в лицо. – Я слышала, ты прикоснулась к Двери. Чертовски глупо для того, кто знает, что делает.

– Так, значит, ты знаешь, что делаешь? – спрашиваю я. – Тогда скажи нам, почему Дверь в моей закуской исчезла. Вперед. Мы слушаем.

Нарния колеблется, затем отходит. Очко в мою пользу.

– Так я и думала. – Я поворачиваюсь к Райану. – Может, мы уйдем? Здесь что-то воняет.

Я исполнила отличную драматическую сцену из жизни золотой молодежи, должна вам сказать. Райан закатывает глаза:

– Мы уходим. Я узнал, что мне надо было.

Я отчаянно пытаюсь придумать, что бы такое полуоскорбительное сказать Нарнии, что

при этом будет звучать невинно, но эта идея с треском проваливается. Я поднимаю бровь и надеюсь на лучшее.

– Нарния говорит, что не знает, как закрылась Дверь. Это значит, что мы имеем дело с чем-то новым. Такой информации у нас прежде не было. – Райан разворачивается на каблуках, полы плаща взлетают. – Пойдем, – бросает он через плечо.

Он не прощается с Нарнией. Я одариваю ее фальшивой улыбкой, перед тем как уйти вслед за Райаном.

Я очень довольна, что мне не придется избавляться от трупа вампирши. Бедная Нарния, совсем одишенька в платье от Анны Суй и с пудрой «Клиник».

Я тороплюсь вдогонку за Райаном.

– Я не думаю, что Дверь закрылась, – говорит он мне. – Это значило бы одно, если бы Дверь Оуэна исчезла тоже: это значило бы, что миру приходит конец в воде и огне и не в человеческих силах помешать этому. – (Я даже не уверена, что это шутка.) – Но это случилось только с твоей Дверью – и раз Нарния не знает, как это могло произойти, значит, она не закрылась.

– Потому что Нарния знает все, – с сарказмом говорю я.

– Об этом? Да. Она экстрасенс. Ведьма.

Экстрасенс? Я и не знала, что они существуют.

– Все экстрасенсы – ведьмы? – спрашиваю я и получаю в ответ раздраженный взгляд. – Ладно, полагаю, что нет.

– Она чувствует Двери. Похоже на то, как ты делаешь, только профессионально.

Что я делаю? Уф! Элли – любитель-экстрасенс. Я могла бы заработать миллионы. Но теперь меня интересует, как это умение может помочь охотникам. Может быть, она «ощущает» Двери и знает, когда открывается очередная? Может быть, она посылает охотников к Дверям. Это логично.

Вот только мысль о том, что Райан охраняет мою Дверь только потому, что его к ней отправили, а не потому, что хочет защитить мое бедное смертное тельце... это не очень приятная мысль.

Ладно. Сначала разберусь с делом, потом погрязну в жалости к себе.

Райан продолжает говорить:

– Она могла переместиться на другое место. Вот что предположила Нарния. Что она переместилась.

– Ладно. Допустим, переместилась. Как мы найдем мою Дверь? – Посмотрите на меня, как я разбираюсь с делами.

Я продолжаю бежать за ним, когда мы выходим из библиотеки. Хотя было и так светло, солнце стало еще ярче. Я щурюсь, зрение затуманивается. Вокруг снует куча народу. Почему все эти люди не на работе? Они, вероятно, сказались больными, чтобы насладиться первым хорошим днем весны. Дождя нет, на улице двадцать один градус тепла и воздух свеж и чист. Особенно после запаха смерти у Дверей.

– Мы – никак. Ты возвращаешься в закусочную. Теперь, когда я знаю, что ты ни при чем, тебе надо держаться подальше от этого. Больше никаких прикосновений к Дверям. Даже не приближайся, пока я не выясню, что происходит.

Райан надвигает стетсон на лоб. У него есть слабый след от шляпы и слабая полоска загара – все в одном месте.

– Я лучше останусь с тобой, – говорю я, не подумав, но, как только я это произношу, я понимаю, что так и есть.

Он останавливается, ожидая, пока светофор переключится; он направляется в метро. Я чувствую, что он раздумывает.

За последние несколько лет я действительно хорошо узнала Райана. По крайней мере, насколько его вообще можно узнать. Мы много времени провели вместе. Когда он не спит перед Дверью или не наблюдает за Дверью, он со мной на кухне. Когда у него хорошее

настроение, он рассказывает истории о демонах, с которыми ему доводилось сражаться. Когда он не в духе, то сидит и режет картофель или драит кастрюли. Однажды я проспала; торопливо спустившись на кухню, я обнаружила, что Райан сделал почти всю подготовительную работу, и, когда я уставилась на него широко открытыми глазами, он просто пожал плечами и сказал, что ему не спалось.

Я спала с ним в одной постели несчетное количество раз – просто спала, – и, когда он не мог уснуть, я знала, что это из-за кошмаров. У меня они тоже случались, но я готова поспорить, что его кошмары страшнее. Мне почти всегда снится, что он умирает – умирает из-за меня. Я почти никогда не умираю, тем не менее, может, потому, что это мой кошмар? Он всегда спасает меня. Он всегда спасает меня. Мне никогда не снился кошмар, в котором он хотя бы не попытался меня спасти. Когда во сне я умираю, он всегда умирает первым.

Впервые я чуть не умерла в реальной жизни год спустя, после того как мы открыли Дверь. Мне всегда хочется сказать «после того как Дверь открылась» – не хочу брать на себя ответственность за это. Но я заставляю себя, потому что я теперь взрослая, а взрослые принимают ответственность. Взрослые отвечают за то дерьмо, которое творят.

В тот первый раз, когда я чуть не погибла, Райан сделал мне какой-то укол, после которого мне казалось, что я парю, но при этом я продолжала чувствовать боль. Демон – самьяза⁴, как потом сказал Райан, и мне пришлось посмотреть в Интернете, что это такое, поскольку я не знала, – распорол мне живот.

Самьяза, если вы не в курсе, – это демон, пожирающий людей. Он начинает с внутренностей. Я пришла в подвал за рисом, и так получилось, что Райан в этот момент был на кухне. Дверь как раз открылась, демон только что вышел, и – бух! – я оказалась на полу, крича, и Райан, как в моих снах, спас меня.

Это было до того, как я научилась сражаться, до того, как Райан решил тренировать меня, и мне пришлось перестать курить по две пачки сигарет в неделю. С тех пор прошли годы, и я сократила количество сигарет меньше чем до пачки в месяц – я всегда курю, когда занимаюсь учетной книгой. Одну сигарету в день.

Неясно и смутно, но я помню, что он сделал. И знаю, что он достал паяльник, который держал в подвале, и кусок серебра, что-то пробормотал по-шумерски и капнул серебро мне в живот. У меня остался огромный шрам, грубый и до сих пор красный, но мне он нравится. Я знаю, это глупо, но я люблю все свои шрамы. Они значат, что я выжила. У меня есть шрамы на руках и один действительно ужасный шрам вдоль позвоночника. Но я никогда не была в больнице, потому что Райан всегда успевал во время со своим паяльником. И иногда мне приходилось делать это для него. Я точно знаю, как это делается; он заставил меня практиковаться на апельсинах.

Но руки мои всегда дрожат. Шрамы похожи на те, которые можно получить па кухне от порезов ножами, ожогов грилем. Так бывает, когда работаешь на кухне. Так случается, когда охотишься на демонов. Я могу сделать укол обезболивающего и зашить рану. Моя аптечка первой помощи не похожа на любую другую, гарантирую вам. Я думаю, что, если бы это оказался кто-то другой, не Райан, я, наверное, не научилась бы так хорошо всем этим вещам, которые нужны, чтобы сражаться с демонами. Но – и я знаю, что это глупо, я знаю, что это неправильно, – я научилась этому, потому что хотела знать, как спасти Райана. Я не переживу, если с ним случится что-то действительно ужасное, если он не сможет выполнять свою работу, если в моем подвале появится другой охотник.

Может быть, я, как новорожденный котенок или вроде того, запечатлела его в душе в ту первую ночь, когда он появился. Может быть, это действительно любовь – я не знаю. Я никогда прежде не влюблялась, так что не могу сказать. Но я делала все возможное, чтобы научиться сражаться, протыкать колом вампира, отрубать голову джинну, разбрызгивать

⁴ Самьяза – в иудейской и христианской апокрифической традиции падший ангел, его имя переводится как «бесчестный воин». Возглавлял войнство ангелов, которые были одержимы похотью к земным женщинам, в результате чего те рожали им детей-гигантов. В итоге Бог разгневался и устроил Всемирный потоп.

кровь правильным узором, чтобы поймать в ловушку шеду⁵. Я делала все это, чтобы в случае необходимости спасти Райана, полагаю. Я даже не знаю наверняка. Но, вероятно, по этой причине.

Я глянула на него. Его нос был много раз сломан, лицо и шея покрыты шрамами. Некоторые из них выглядели так, словно их нанесли специально, но он никогда не рассказывал, а я никогда не спрашивала. Однажды я, правда, спросила, можно ли мне сделать татуировки по всему телу, чтобы демоны не могли до меня добраться, и он только рассмеялся и ответил, что такие штуки работают только в кино. Однако после этого он дал мне талисман – Печать Соломона. Она изображена на большом серебряном диске, и я никогда не ношу его, потому что он такой увесистый, что шее больно, но иногда я кладу его под подушку ночью.

Печать была первым магическим знаком, который я научилась рисовать. Это шестиконечная звезда в круге, с точками между лучами. Очень простой знак и очень действенный. Секрет его магической силы заключается в том, чтобы переплестать линии, а не пересекать; чем сложнее рисунок, тем больше в нем защиты и магии. Райан рассказал мне, что треугольники символизируют стихии и что знак напоминает ему меня. Я до сих пор не уверена, что это значит, и Райан не объяснил, но я надеюсь, что это не просто приятные слова.

– Ты должна пообещать мне, что больше не прикоснешься ни к одной Двери, – наконец произносит Райан.

– Клянусь. – Это может оказаться ложью.

Не то чтобы я решила прикоснуться к Двери в больнице.

Солнце высоко в небе, жарит мне голову. Иногда я жалею, что не блондинка; уверена, что блондинки перегреваются не так быстро, как брюнетки.

– Конечно, – говорит он, и мне ясно, что он не поверил. – Я...

Я никогда прежде не видела, чтобы ему не хватало слов, но он замолкает прямо посередине предложения. Светофор загорается зеленым, но Райан не двигается.

– Ты... – подсказываю я.

– У меня есть идея, – признается он. Я никогда не видела его таким неуверенным. – Где-то есть место, где может быть Дверь, но... на самом деле я никогда раньше не видел, чтобы Двери перемещались. Никогда. Я даже никогда не слышал об этом. Но большинство Дверей – это звучит так глупо, даже для меня, – большинство Дверей находится в торговых центрах.

– В... торговых центрах.

– Много народу, много шума, много суматохи. Много подвальных помещений, куда никто не заходит. – Райан отмечает пункты, загибая длинные красивой формы пальцы, с которыми у меня связана не одна фантазия. У него всегда чистые ногти, и это весьма впечатляет, учитывая специфику его работы. – Торговые центры – отличные места для демонов, – заканчивает он. – Они перемешиваются с неформальной молодежью. Так что, если твоя Дверь переместилась спонтанно, она могла отправиться туда.

– Что ж, – радостно говорю я, – я спец по торговым центрам. Пошли.

– В Бруклине вообще есть торговые центры или надо ехать на Манхэттен? – Он поправляет стетсон.

– О, конечно, в Бруклине есть торговый центр, и там полно неформалов, – уверяю его я. – Но... – Я останавливаюсь и вздыхаю.

Райан осторожно разглядывает меня:

– Но что? Я хмурюсь:

– Нам придется сесть на автобус.

⁵ Шеду – божество-хранитель дома в месопотамской мифологии, выше талии – человек, а ниже – бык.

На самом деле нам приходится сесть на автобус и еще на метро. К счастью, в этом месте поезд идет большей частью по земле. Сейчас не семидесятые годы; нью-йоркское метро больше не внушает ужас. Но это гавань для демонов. Все эти катакомбы, туннели, которые больше не используются... Такое ощущение, что у демонов есть радиокompас. Те экземпляры, которым удалось выйти из Двери и миновать Райана, всегда направляются в метро.

Я не хочу садиться в поезд. Я действительно не хочу. Не то чтобы я слышала шепот Двери или что-то в этом роде, я просто... не хочу садиться в поезд. У меня такое же чувство, как было в вестибюле больницы. Это плохая мысль.

Райан берет меня за руку и бережно тянет за собой, и я прохожу сквозь открытые двери, вцепляюсь в него и прячу лицо у него на груди. От него больше не пахнет кровью, – должно быть, он принял душ в моей квартире над закусочной, пока мне снились оборотни. Он пахнет сандаловым деревом.

Уголком глаза я вижу тени с крыльями и сглатываю комок, поднимающийся в горле.

– Райан, – настойчиво шепчу я.

– Я вижу их, – спокойно говорит он. Слишком спокойно. – Они не приблизятся к нам. Ты все еще пахнешь смертью.

Он тихо бормочет мне о демонах, животных и важности идентификации по запаху для преимущественно ночных созданий. Звучит как белиберда, но успокаивает. Когда поезд останавливается, мы выходим, хотя это еще не наша остановка. Мы садимся в другой вагон. Здесь тоже некомфортно, но тут нет крылатых теней, так что я просто стою, уткнувшись в грудь Райану, и вдыхаю запах сандала.

Как только мы выходим из автобуса перед торговым центром, до меня доносится шепот Двери. Мы легко находим ее; она в подвале, прямо под магазином на первом этаже.

Эта Дверь уродлива, и это не Дверь из закусочной. Я не узнаю ее, но у нее внутри кованая железная решетка. Я хочу сказать, что на самом деле это не может быть железо, потому что тогда оттуда ничто не могло бы выйти. Или же это действительно железо, и вот почему отсюда не лезет всякая дрянь двадцать четыре часа в сутки и здесь не требуется легион охотников для сдерживания. Может быть, демонам приходится выискивать способы, как проскользнуть мимо железных прутьев, не убив себя.

Я не знаю.

Все, что я знаю, – что вокруг тела мертвых подростков, матерей и детей. Я не могу смотреть. У некоторых высосана вся кровь. У других остались лишь кости. Некоторые просто мертвы, – может быть, это охотники, которые не смогли уцелеть в своей последней схватке.

Мертвецы, если вас это интересует, не похожи на трупы в кино, или в сериале «Закон и порядок», или даже на похоронах с открытыми гробами. Смерть выглядит не так, как мертвецы на похоронах, загримированные, приукрашенные и готовые для шоу.

Смерть выглядит как воск, тяжесть и жир. Смерть такая, как я вижу сейчас.

Хотя запаха нет – воздух наполняют испарения цветочных химикатов сверху.

И все это перекрывает шепот Двери, достигающий меня. Пока Райан осматривается по сторонам, словно тут, в середине помещения, нет огромной кучи гниющих трупов, я сижу на грязном бетонном полу, аккуратная и далекая от тел, Дверей и этого ужаса. Гвоздь в кармане джинсов впивается в ягодицу, но я могу потерпеть неудобство некоторое время. Я голодна, хочу пить и устала, и я все еще зла из-за того, что Нарния убила ту глупую вампиршу, когда я с ней разговаривала, и что я сходила с ума из-за поездов, и Райан это видел, и...

Эти, – шепчет Дверь. Другой голос, более тихий, повторяет: Эти.

Я не обращаю на них внимания.

Эти.

Элли.

Эти?

«Что?» – резко спрашиваю я.

Мы можем дать тебе то, что ты хочешь...

«Что я хочу, – ною я про себя, – так это немножко картошки фри».

Дверь... она хихикает. Это единственное слово, которое я могу использовать. Дверь смеется надо мной. Слышится слабое хихиканье второго голоса, и я подумываю сделать какую-нибудь глупость.

Мы знаем, что ты хочешь, – говорит Дверь. – Маму. Семью. Деньги. Мы...

– Элли! – резко говорит Райан.

По его интонации я догадываюсь, что он зовет меня уже не первый раз.

– Что? – вытягиваю я из себя.

Двери заставляют все двигаться медленно. Мой желудок ноет, когда я вспоминаю, как это было – прикоснуться к Двери в больнице.

– Что она говорит? – спрашивает он. Он опускается на колени передо мной. – Не слушай ее.

– Думаю, что я не настолько глупа, чтобы слушать парочку чертовых Дверей в Ад, – говорю я, не успев подумать.

– Но настолько глупа, чтобы коснуться? – Райан кладет руку мне на колено. – Элли, не слушай ее.

– Я не слушаю.

– Что она говорит? – Этот вопрос, похоже, противоречит его приказу не слушать Дверь.

– Ничего, – вру я. – Просто мое имя.

Райан долго смотрит на меня, потом встает и возвращается к груде тел вокруг Двери. Сапогом он толкает их, разделяет, переворачивает, чтобы увидеть лица.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

Он поднимает взгляд:

– Проверяю их раны. Надо убедиться, что нам не придется разбираться с оборотнем в ближайшие десять минут. И... я хочу знать, какие виды демонов вышли из этой Двери. – Он перекачивает труп, это женщина, и я вижу крошечные отверстия по всему ее телу. – Похоже, в основном вампиры и несколько мандуруго. – Не успеваю я спросить, как он уточняет: – Филиппинские. Похожи на наших вампиров, но только у их жертв всего одна метка – на горле. На крыльях мандуруго нет присосок.

Откуда он все это знает? Где можно такому научиться? Я уже спрашивала его, но он не говорит. Думаю, он втайне ходит в Кинко⁶, распечатывает страницы из «Википедии» и зубрит. Это моя теория, и я ее придерживаюсь.

– Странно, – продолжает Райан, скорее обращаясь сам к себе, чем ко мне. – Обычно мандуруго приходят вместе с асвангами⁷ – филиппинскими демонами.

– Может быть, они вышли из другой Двери.

Он резко переводит взгляд на меня:

– Из другой Двери?

Тоненький голосок говорит: Элли!

– Не обращай внимания, – торопливо отвечаю я. – Плохо, что ты не увидел то, что

⁶ Кинко, или ФедЕкс (FedEx) – курьерская служба доставки грузов и корреспонденции, в ее офисах также предлагают услуги ксерокопирования, печати и проч.

⁷ Асванги – злобные филиппинские демоны-вампиры, преимущественно женского пола, часто изображаемые с крыльями.

ожидал?

Райан пристально смотрит на меня и потом переводит взгляд на пол. Качает головой:

– Я не знаю... Это... по-другому. Я не люблю, когда по-другому. – Он снимает шляпу и проводит рукой по волосам.

Дверь очень тихо смеется надо мной.

Мы направляемся наверх, в ресторанный дворик. Я не шутила насчет картошки фри. Я заказываю гигантскую порцию, пока Райан отбирает у меня мобильник. Жир, соль и аромат кетчупа стирают запах разлагающихся тел и ужасных парфюмов из того магазина. Когда я возвращаюсь к столу, Райан говорит по телефону. Я ставлю перед ним кока-колу – всегда стандартную, диетическую он не пьет. Я же люблю именно диетическую. Мне нравится послевкусие.

Я игнорирую его разговор и прислушиваюсь к болтовне девочек-подростков за соседним столиком. Они все одеты в слишком тесные джинсы с розовыми поясами и крошечные футболки, которые мне бы и на руку не налезли.

– Понятия не имею, чем, по его мнению, он занимался, – говорит блондинка. – Он весь как бы навис надо мной, и я как бы: эй, вынь руки из моих трусов.

– О боже! – восклицает брюнетка. – Как бы – что? Полез к тебе в трусы? Какой кошмар!

О, они еще узнают.

Я снова обращаю внимание на Райана, он закрывает крышку телефона.

– Это Нарния. Только что открылась еще одна Дверь, где-то в Бей-Ридже. Охотник сообщил. Она думает, что это в каком-то итальянском ресторане.

– Это вторая Дверь, которая ее удивила. Разве не странно? Разве она не должна знать? Это же ее работа ведьмы-экстрасенса – или как ее там?

Я чавкаю картошкой и предлагаю ему угоститься. Он отрицательно взмахивает рукой. Не знаю, как он еще не умер с голоду; время уже послеобеденное.

– Странно, но она скоро узнает точно. Ей надо поколдовать.

– А потом ей надо будет вскочить на веник и закудахтать, – глубокомысленно заявляю я.

Райан выглядит раздраженным. Я тычу в него наполовину съеденной картофельной палочкой.

– Эй, за все это время ты мне ни разу не говорил о ведьмах-экстрасенсах. О плохих ведьмах, – да. О девчонках, притворяющихся ведьмами, – да. О детях, которые смотрят фильмы о ведьмах и пытаются колдовать, – да. Но о настоящих ведьмах, которые занимаются настоящими ведьмовскими штучками, – нет.

Он вздыхает и закатывает глаза. Я съедаю еще немного картошки и говорю:

– Ладно, что мы теперь будем делать?

– С Дверью? Мы ничего не можем сделать. Нарния найдет охотника и...

– Почему решать будет Нарния?

Райан пожимает плечами:

– Мы следим за демонами, а она присматривает за нами. И заменяет нас, когда мы умираем, конечно. – Он произносит это так, словно мне следовало бы знать.

– Мне не нравится эта мысль, – говорю со ртом, полным соленой жирной вкуснятины.

– Ну что ж, мне эта мысль тоже не нравится, но это происходит постоянно. И кто-то должен знать, где мы, как мы там оказались, и беспокоиться, если кого-то никто не видел целый месяц.

– Значит, делаем вывод, что Нарния назначает охотников охранять Двери. – Я хмыкаю. – Так я и думала.

– Ты довольна, что угадала правильно? – Он слегка ухмыляется, это его лучшая улыбка, когда он просто приподнимает один уголок рта. Он так улыбается, когда смеется со мной, а не надо мной.

– Послушай, ты занимаешься этими вещами намного дольше, чем я. Полагаю, что я получаю очки за все, что делаю правильно в последние дни. – Я улыбаюсь ему в ответ. Потом мне приходит в голову отличная мысль. – Так если по всему Нью-Йорку разбросаны охотники, давай соберем их всех вместе. Может быть, кто-то из них понимает, что происходит.

– Как мы их соберем? – Райан смотрит на мою картошку, берет один ломтик и задумчиво жует. – У нас нет призывного сигнала, как у Бэтмена, или что-то в этом духе, Элли.

– Нет способа собрать всех охотников в одном месте в одно время?

– Я никогда не видел, чтобы такое происходило, – ни разу. Охотники не доверяют друг другу, ты это знаешь. Единственный способ связаться с местной командой – с помощью газеты. Дать объявление в «Виллидж Войс».

– Вот почему ты читаешь ее каждую неделю? – Вряд ли его интересует колонка о безумном сексе.

– Да, но я ни разу не видел объявления. Я занимаюсь этим давно и ни разу не видел объявления. Я не думаю... с тех пор как между сайентологом и лоялом случилось это... Действующие охотники не собираются вместе.

Он берет еще ломтик картошки и макает его в кетчуп.

– Может быть, пришло время изменить это. – Я тоже макаю ломтик в кетчуп и рисую им сердечко. – Может быть, есть какие-нибудь чары для призывного сигнала.

– Я не хочу, чтобы ты занималась чарами, – сурово заявляет он.

– Может быть, ты можешь наложить эти чары. Или Нарния. Может быть, можно сделать так, чтобы на письмах, которые приходят охотникам, был адрес нашей закусочной, – предлагаю я.

– Это самая глупая... Ладно, не самая глупая идея, которую я когда-либо слышал, но близко к этому. Но, возможно, Нарния знает способ. Или знает кого-то, кто знает способ. – Райан делает большой глоток кока-колы. – Дымовые сигналы или что-то в этом духе.

Я фыркаю:

– Дымовые сигналы? Серьезно? И ты думаешь, что моя идея глупая? М-да.

Он приподнимает уголок рта и снова улыбается мне.

6

Мы расстаемся: Райан говорит, что идет охотиться, но я не знаю, на что он собирается охотиться. Может быть, он собирается найти Нарнию и выжать из нее дополнительную информацию. Она оказалась столь полезна в первый раз. Я заставила его пообещать, что он не будет рыть окопы, и он заверил меня, что это всего лишь атака с двух направлений. Я не поняла, смеется ли он надо мной.

Я возвращаюсь в закусочную. Время снова сесть на автобус. Когда я начала работать в закусочной, я ездила на одной из машин Аманды из ее дома на Лонг-Айленде. Потом я решила экономить и сняла дешевую квартирку в паршивом доме рядом со станцией метро. Я никогда не ездила на автобусе, пока не встретила Райана. Почему-то ему очень нравится автобус. Может, потому, что так он может наблюдать за миром со стороны, не погружаясь в события. Полагаю, что охоты на демонов более чем достаточно, чтобы чувствовать себя вовлеченным в события.

Я больше не живу в том паршивом домишке. Теперь я обитаю над закусочной. Когда Салли уехала, она сказала, что я могу остаться в ее квартире, и я поймала ее на слове. Так я могу держать все под контролем и быть уверенной, что Райан на самом деле принимает душ с горячей водой и что в наличии есть нормальный матрас, которым он может

воспользоваться хотя бы время от времени, когда Дверь спокойна, а его койка становится слишком комковатой. Я могу делать свое дело.

Я вхожу через заднюю дверь и поднимаюсь в свою квартиру. Там удушающе жарко, хотя день хороший и ветреный. Я насыпаю дорожку соли перед окном и фиксирую ее на месте липкой лентой – это значит, что соль будет работать только двадцать четыре часа, но оно того стоит, ведь можно широко открыть окно и впустить ветерок. Соль не защищает от всего, особенно в нейтральной форме, но она отгоняет слабых демонов – все виды гибридов демона и человека.

Я снимаю рубашку – на ней немного крови из-за нападения вампириши, она пропотела, к тому же пахнет автобусом. Я заменяю ее черным топом на завязках, стягиваю волосы розовой банданой и спускаюсь вниз.

В закуской никого нет. Такое ощущение, что клиенты покинули ее навсегда.

Мне хочется упасть на четвереньки и целовать уродливый пол из черно-белой плитки. Однако думаю, что официантам покажется это странным. Они сидят в кабинке Райана, со скучающим видом поигрывая палочками из моцареллы. Заведение и правда сверхъестественно пустое, нет даже Бездомного Парня у прилавка. Я интересуюсь, как дела, и, когда получаю в ответ только пожимание плечами, уворовываю палочку моцареллы, велю всем расходиться по домам и отправляюсь на кухню. Использую палочку для того, чтобы пощекотать блондинку за ломтерезкой. Она взвизгивает.

Прекратив щипать меня за руку и доедать украденный сыр, она говорит:

– Сегодня странные вещи творились, Элли.

Ее зовут Дон, она моя дневная повариха. Пряди ее волос выкрашены в безумные цвета, и у нее невероятные манеры.

Она начинала работать в зале, общаясь с посетителями, потому что я подумала, что у нее забавные манеры. Однако посетители со мной не согласились. Ей лучше на кухне в любом случае. Она может приготовить что угодно; иногда я думаю, как плохо, что меню Салли не предусматривает экспериментов. Иногда, когда нет спешки, Дон готовит сумасшедшие вещи – однажды она сварила капучино из грибов, а не из кофе. Да, оно было отвратительным и иногда снится мне в кошмарах. Но я уверена, однажды я потеряю ее, потому что она променяет нас на какой-нибудь изысканный ресторан и станет новым Бобби Флаем⁸.

Она читала, кажется, какую-то из книг Райана о зле. Это мог быть роман, а могла оказаться и книга по истории; мне сложно их отличить, когда дело касается читательских привычек Райана.

– Ты это читала? – спрашивает она, поднимая книгу.

На обложке серебро, поэтому я делаю вывод, что это роман. Не многие исторические книги так разукрашены.

Я качаю головой.

– Сегодня весь день было затишье?

– Сумасшедшая штука, – говорит она мне. – Здесь есть эльф, который выглядит как Дэвид Боуи.

– Это что, социальная критика? – отвечаю я.

Я бы подмигнула, но когда я подмигиваю, то выгляжу, словно у меня нервный тик, поэтому я просто ухмыляюсь. Что заставляет меня выглядеть злобным гомофобом, я уверена.

Но Дон принимает меня всерьез.

– Не знаю, – задумчиво отвечает она.

– Нет, на самом деле, – говорю я и прислоняюсь бедром к барной стойке. – Гриль

⁸ Бобби Флай – известный американский повар, владелец сети ресторанов, автор ряда кулинарных книг и ведущий собственного телешоу о вкусной и здоровой пище.

практически чистый.

– Потому что не было заказов. Весь день. – Она кладет книгу на ломтерезку, и я волнуюсь за ее переплет. И за свою закусочную.

– Никого за весь день? Что за черт! Ладно, в таком случае... – Я вздыхаю. – Иди домой, Дон. Я сама закрою.

– Еще не время закрывать, – возражает она. – Что, если кто-то придет?

– Я сама справлюсь. Правда, иди, – машу я утомленно. – Я заплачу тебе как за полный день.

– Ну, раз ты уверена... – В ее голосе звучит сомнение, но она вскакивает со стула и хватается книгу. – Я одолжу ее.

– Я скажу Райану. – Я тру глаза руками.

– Это... это засос? – Дон подходит поближе и впивается взглядом в укус вампириши у меня на шее. – О боже мой, Элли. Ты и Райан? Наконец?

– Я бы хотела... – страстно шепчу я. – Но это просто укус насекомого.

– Укус насекомого, похожий на засос. – Она придвигает лицо ближе к моей шее, и я отодвигаюсь.

– Seriously, Дон. Это не засос. Райан никогда этого не сделает.

– Я бы хотела, чтобы он уже сделал. Вы, ребята, танцуете вокруг друг друга, как планеты на орбите. Давно пришло время вашим орбитам совпасть. – Дон сует книгу под мышку и снимает передник.

– Когда это случается, разве не происходит взрыв или еще что-то в таком духе? – Я никогда не была сильна в науке.

– В этом и смысл, детка. Взрыв. – Она неприлично смеется и подмигивает, беря свой велосипедный шлем с полки рядом с мойкой.

Ее подмигивание не похоже на нервный тик. Она машет на прощание, выходя из кухни.

Взрыв. Я бы хотела взорваться вместе с Райаном. Дон права: мы танцуем вокруг друг друга годами. Шесть лет. Но он отвергал меня оба раза. В первый раз я была пьяна, и ладно, это я могу понять. Мы были испачканы какой-то липкой гадостью и только что познакомились. Обстоятельства не благоприятствовали.

Я беру нож и начинаю крошить морковку и лук для тушеной говядины для охотников. Высыпая овощи в чугунок, я вспоминаю о втором разе. Я не часто о нем думаю; кому приятно мучить себя мыслями об ужасном отказе?

Мы были вдвоем в подвале; он охранял Дверь, а я делала инвентаризацию для Салли. Было так тихо; я просто слушала, как он дышит. Каждый его вдох волновал меня все больше и больше, поэтому я старалась не отводить взгляда от чертовых банок с черной фасолью и помидорами.

Потом он позвал меня: «Элли», и я обернулась, он стоял и казался таким... таким... таким погруженным в меня. Я сделала несколько шагов и обняла его.

«Боже мой, Райан», – сказала я и подняла голову.

И он поцеловал меня. О да, он поцеловал меня. Я никогда такого не испытывала. Словно в фильме, словно в романе. Казалось, мое тело в огне. Его горячие руки касались моей кожи. Он скользнул ладонями под мой топ, по спине и пояснице. Потом его пальцы нырнули в мои джинсы, и он так прижал меня к себе, что я выгнулась дугой.

Потом я застонала, и он отскочил от меня, словно я огонь, а он мотылек. Один миг мы смотрели друг на друга – длинный, нескончаемый миг.

«Нет, – произнес он с таким видом, словно я его ранила. – Нет».

И он отвернулся и ушел в противоположный конец подвала, опрокинув по пути стул. Он поднялся по лестнице, и я услышала, как он перепрыгнул через соль. Мне показалось, я слышу звук захлопнувшейся за ним задней двери.

Я просто стояла там, прижимая пальцы к губам.

Это был первый год, и в ту ночь я впервые чуть не погибла. Самъяза вышел из Двери,

не прошло и пяти минут, и слава богу, Райан только поднялся наверх, но не ушел. Он был в кухне. Он примчался, когда я закричала. Он спас меня. Он оставил на мне шрам.

И больше он никогда не целовал меня.

– Элли.

Я оборачиваюсь. Я ждала Райана, но это снова была Дон.

– Элли, – говорит она, – извини, но... ты не могла бы выглянуть на улицу? Серьезно.

– Серьезно, Дон, иди домой.

Я занята, работаю своим отличным ножом. Ножом, потому что прямо сейчас я чувствую необходимость в удобном оружии (и можете ли вы сказать, что я провожу все время с охотником? Я правда сейчас подумала об «удобном оружии»? Не могу поверить в это) – и я делаю подготовительную работу, на случай если кто-то придет. Я совершенно уверена, что никого не будет, но мало ли, вдруг Райан и Нарния придумают, как созвать сюда охотников, а у меня будет готова еда. Райан берет пакеты с собой, и другие старшие охотники, заходящие сюда, тоже. Имею в виду, я могла бы просто повесить большую табличку с надписью: «Собрание переехало, отправляйтесь в ШОР⁹» на переднюю дверь, но это кажется немилосердным. Вы спасаете человечество, вы получаете хорошую еду. По-моему, честно.

Поскольку Двери появляются в многолюдных местах, где много шума и суматохи, интересно, есть ли Дверь в ШОР, куда мы со Стэном и Амандой частенько ходили в Лонг-Айленде. Иногда мы любили пойти слоняться в три часа ночи. До того как в Нью-Йорке запретили курить в общественных местах, мы могли всю ночь курить и пить водку из бутылок из-под воды. Конечно, мы никогда ничего не ели. Иногда могли взять на троих тарелку картошки фри. Чаще всего это была водка, иногда мы мешали ее с диетической кока-колой. Мы были омерзительны. Я была омерзительна. Странно, но я с трудом вспоминаю, какой я была тогда. Я помню отдельные моменты – драки на вечеринках, наркотики, алкоголь. Удивительно, как я не погибла, когда водила машину в пьяном виде, честное слово. Я образцовый представитель испорченной золотой молодежи – или была им. Стэн и Аманда остались такими же, как были, когда мы учились в колледже, но я совершенно изменилась.

Или мне нравится думать, что я изменилась. Но я как будто... я как будто стала на самом деле живой, когда Дверь открылась и я встретила Райана. Как будто моя жизнь началась по-настоящему. Все воспоминания о последних нескольких годах резкие и подлинные – счастье ярче, боль ранит сильнее, и я уверена, что помню каждый раз, когда Райан улыбался.

Я не могу вспомнить, как выглядит моя мать, но я помню каждый раз, когда Райан мне улыбался.

– Элли, – голос Дон звучит обеспокоенно, – ты, наверное, подумаешь, что я идиотка, но мне правда не нравится то, что я вижу на улице. Пожалуйста, посмотри и скажи мне, что я спятила, ладно?

Я прикусываю губу. Дон никогда не боялась ехать на велосипеде через весь город. Она жительница Нью-Йорка до мозга костей. И услышать от нее такое?!

Я встревожена. Сегодня я была свидетельницей разнообразной активности демонов, и теперь я призадумалась, не привела ли я кого-нибудь за собой.

Я кладу нож, но, поразмыслив секунду, снова беру его. Он из высокоуглеродной стали – это сплав с железом, и он достаточно хорош, чтобы убить или серьезно повредить все, что угодно. Я жестом велю Дон держаться позади меня, потом крадусь к кабинкам у окон. Приоткрываю жалюзи и смотрю.

Сначала я ничего не вижу. Имею в виду, что за окном обычное движение, но никаких

⁹ Сеть американских ресторанов, специализирующихся на завтраках.

созданий ночи, болтающихся вокруг, понимаете? Все выглядит нормальным.

За одним исключением. На тротуаре большой зеленый лист. Дубовый.

Если вы никогда не бывали в районе Уильямсбурга в Бруклине, возможно, вы не понимаете, почему я так смотрю на лист. Видите ли, он предполагает наличие деревьев. А в Уильямсбурге нет деревьев.

«Откуда ты здесь?»

Словно услышав меня или от дуновения ветерка лист приподнимается в воздухе и возвращается обратно.

Мир содрогается. Действительно. Как картинка в Волшебном экране¹⁰, только он не становится пустым, а возникает совсем новое изображение. Прямо передо мной стоит женщина, одетая в зеленое, и лист на длинном стебле у нее в руке. Она поворачивает руку, и лист начинает плавать в воздухе, привлекая внимание проходящего мимо подростка в больших солнечных очках. Он улыбается и протягивает руку к листу.

Он не замечает женщину. Или не может ее увидеть. И она улыбается так, что в дрожь бросает.

Я поднимаю жалюзи и стучу торцом ножа по стеклу.

– Эй! – кричу я. – Не ешь людей!

Существо в женском облике бросает на меня раздраженный взгляд. Оно начинает пятиться к переулку рядом с закусочной, заманивая мальчика с собой.

Не в первый раз я жалею, что Райан не идет в ногу со временем. Если бы он шел в ногу со временем, у него был бы чертов мобильник и можно было бы позвонить, чтобы он пришел и убил демона. Но у него нет мобильного, и он не может, и придется мне самой.

Дерьмо!

Ладно. Я осматриваюсь. Кетчуп. Я срываю крышку, выдавливаю содержимое на стол и отбрасываю бутылку. Пришло время рисовать пальцами! Два пересекающихся друг друга треугольника на окне и точки по кругу, и я смотрю на женщину за окном сквозь Печать Соломона из кетчупа и думаю изо всех сил: «Пожалуйста, уходи!»

Понимаете, Райан никогда не говорил мне, как на самом деле надо использовать Печать.

Но, должно быть, я сделала верно, потому что женщина внезапно шипит и лист прячется в ее ладони. Она поворачивается и бежит – и тут я вижу, что у нее нет спины. Имею в виду, там ничего нет, кроме зазубренных краев. Она состоит из пустой древесины, потрескавшейся и сгнившей.

Я поворачиваюсь посмотреть на подростка, просто чтобы убедиться, что он в порядке. Он пялится на меня. Я извиняюще улыбаюсь. Он снимает солнечные очки, и становятся видны большие черные фасетчатые глаза. Это оборотень. Он скалит на меня зубы и затем убегает за женщиной.

Вот так. М-да.

Не знаю, чей обед я испортила в этом столкновении.

Я оглядываюсь. Дон все еще на кухне, слава богу. Я снова опускаю жалюзи, не стирая Печать, и потом возвращаюсь на кухню.

– Не знаю, что сказать тебе, детка, – вру я. – Ты можешь остаться тут, если хочешь, или можем вызвать тебе такси.

– У меня велосипед. – Она смотрит на меня, ее глаза слишком густо обведены черным карандашом. Он размазался; ей надо научиться наносить основу и пудру, перед тем как красить глаза.

¹⁰ Волшебный экран – развивающая игра, появившаяся в середине XX в. Представляет собой герметичную коробку, передняя часть которой стеклянная. Внутри алюминиевый порошок и металлический курсор, управление которым осуществляется через две рукоятки,двигающие курсор по вертикали и горизонтали. При движении курсора по экрану, засыпанному прилипшим алюминиевым Порошком, изображение появляется в форме темных линий на серебристом фоне.

– Оставь его тут, у меня в квартире. – Я указываю на дверь, за которой лестница наверх. – Я вызову тебе такси. За мой счет. Seriously. Тут становится страшно, я не хочу, чтобы ты ехала домой на велосипеде. Никогда не знаешь, кто может напасть, верно?

Дон тяжело сглатывает и кивает.

– Пойду за велосипедом, – говорит она.

– Возьми это. – Я протягиваю ей нож. Она берет его, бросив на меня странный взгляд. Я пожимаю плечами. – Назови это психологией. Ты будешь чувствовать себя более уверенной. И ты ведь вернешь мне его через пару секунд, так что, почему бы и нет?

– Думаю, да, – отвечает она с сомнением и направляется к выходу, надеюсь не к своей смерти.

Потому что теперь я знаю, что снаружи что-то не так, я знаю, что где-то тут прячутся другие демоны; я чувствую это. И я очень расстраиваюсь от мысли отправить моих сотрудниц туда, не попытавшись защитить их. Надеюсь, что, по крайней мере, одна из них справится. Надеюсь, я не стану причиной ее смерти лишь потому, что опять сглупила.

Я вызываю такси – мы держим номера разных служб такси под рукой, на случай если клиенту потребуется, но на этот раз я звоню в службу, которую мне много лет назад посоветовал Райан. Дон возвращается, вкатывая велосипед внутрь и неуклюже сжимая нож в руке. Я забираю нож; она выглядит так, будто собирается выскочить из собственной шкуры в любой момент, и поэтому я решаю отвлечь ее:

– Видела сегодня Стэна или Аманду?

Она прислоняет велосипед к двери в мою квартиру, потом запрыгивает на прилавок и обеспокоенно смотрит на меня:

– Нет, никого из них не было. Правда, Аманда звонила. Я не шутила, когда говорила, что у нас тут было глухо. – У нее действительно сильный бруклинский акцент, и сейчас он слышен еще сильнее.

Она говорит словно персонаж из телешоу, акцент подчеркнут – карикатура на саму себя. Она интересуется: – Почему ты спрашиваешь?

Доносится автомобильный гудок, и я смотрю за ее спину:

– Быстро. Твоя машина уже приехала. – Я открываю кассу и даю ей двадцатку. – Принесешь сдачу завтра.

Она колеблется, перед тем как взять деньги, и серебряные кольца на ее пальцах блестят под лампами дневного света.

– Ты уверена?

– Конечно. – Я снова протягиваю ей двадцатку, и на этот раз она берет ее и спрыгивает с барной стойки. Учítывая, кто посоветовал эту службу такси, я добавляю: – Слушай водителя, если он скажет тебе что-то жизненно важное, хорошо?

Дон, может быть, слишком умна для своего собственного добра. Она задумчиво кивает.

– Будь осторожна, Элли, – говорит она, и вот она ушла, и я могу снова перевести дух.

Надо взять паузу: я достаю пачку сигарет с полки под кассой и закурываю. Плевать на отдел здравоохранения и на запрет курения. Это моя гребаная закусочная, и я буду курить свой «Кэмел лайт», если хочу.

Потом я поднимаю трубку, чтобы позвонить Аманде. Когда-то это было первое, что я делала, когда происходило что-то странное. Сейчас мой первый порыв – позвать Райана. Но поскольку сейчас Райана нет, придется воспользоваться тем, что есть. Если все, что мне светит, – это пьяная лучшая подруга, так тому и быть. Она не сможет ничего сделать, но, возможно, приедет в закусочную и составит мне компанию, пока вампиры слоняются по округе и пугают меня.

Она не отвечает на звонок. Я не кладу трубку, пока не включается автоответчик, потом я набираю номер снова, и снова, и снова. Она так и не отвечает. Это так неестественно, потому что Аманда... как это сказать... прикована к телефону.

Я оставляю ей послание на автоответчике с просьбой перезвонить и потом набираю Стэна.

– Привет, крошка, – приветствует он меня.
– Привет, Стэн. Ты собираешься прийти к закрытию закусочной? – спрашиваю я.
– Да, конечно.
– Аманда проявлялась? – продолжаю я.
– Аманда? Нет, ее не было слышно сегодня весь день. Но я был... занят.
Я слышу в его голосе похоть.
– Уф, не рассказывай мне, я не хочу знать. Просто... уже почти стемнело. Почему бы тебе не прийти чуть-чуть пораньше, а?
Теперь в его голосе слышна подозрительность:
– Это трюк, чтобы заставить меня работать?
Я вздыхаю:
– Нет, я просто не хочу, чтобы ты бродил тут по темноте. Seriously, тут происходит какое-то дерьмо, и тебе надо об этом знать.
– Не беспокойся обо мне, Элли, у меня при себе железный гвоздь.
Он ржет. Он все еще думает, что я шучу. И однажды это его убьет. Сама мысль об этом заставляет мой желудок скрутиться. Стэн – нехороший парень, я не буду врать, ладно? Я люблю его, но он нехороший человек.

После заката начинают стекаться охотники. Понятия не имею, как Нарния это делает. Она вообще знает, где расположена закусочная? Ладно, улики свидетельствуют о том, что знает, но я все еще не уверена. И как она собирает всех, не используя еженедельную газету? Может быть, она действительно использует дымовые сигналы? Имею в виду, если это она назначает охотников, у нее должен быть их список и какой-то способ связи.

Может быть – и это самое дикое и безумное предположение, – она пользуется мобильником?

Большинство из них выглядят обычными людьми, просто у них чуть больше шрамов. Многие носят форму продавцов, например «Таргета¹¹» и «Икеи». Полагаю, что сложно заниматься офисной работой, когда тебя постоянно зовут сражаться с демонами, – или, возможно, Двери открываются в розничных магазинах так же, как и в торговых центрах, и это самое удобное решение.

Я хочу спросить Райана, но он ходит туда-сюда между группами охотников и тихо разговаривает. Я не могу даже подслушать.

Девушки-охотницы – мои любимцы, должна признаться. Они поднимают мою гордость за свой пол на совершенно новый уровень. Они все мускулистые и выглядят так, словно могут справиться с чем угодно. И я, да, эгоистично сравниваю себя с ними – ни одна из них не так худа, как я ожидала. Слишком много фантастических фильмов, я полагаю, и я так же легко поддаюсь социальному программированию, как другие. Я сама не худая ни по каким стандартам. И никогда не была.

Пару лет я пыталась похудеть, когда была подростком, но вне зависимости от того, сколько приемов пищи я пропускала, я никогда не худела ни на унцию. Просто у меня естественные изгибы, думаю я. К тому времени, как мы закрылись, все места были заняты. Все охотники за демонами из нашей округи и из-за ее пределов были тут.

Стэн тоже явился – они с Амандой обычно приходят к закрытию, независимо от того, есть охотники или нет. Они выросли такими же, как я, эгоистичными и испорченными, но на их приход к закрытию закусочной – на это я могу рассчитывать. Главным образом, я полагаю, они делают это, чтобы убедиться, что я жива, что меня еще не убил демон. Иногда мне кажется, что они делают это, потому что им плохо оттого, что я теперь бедная, все равно бедная, хотя забегаловка процветает.

Вместо того чтобы покупать модные туфли, я теперь покупаю новые передники и

¹¹ «Таргет» – сеть магазинов розничной торговли, занимает шестое место по величине в США.

футболки с надписью «Закусочная "У Салли"», чтобы привлечь внимание случайных туристов. Иногда, если у меня остается немного денег, я хожу на маникюр, но в этом нет большого смысла, потому что мои пальцы все время давят помидоры или отскребают демонятину с пола. Вот только вместо того, чтобы быть здесь, Аманда, вероятно, дома на Лонг-Айленде, сидит около бассейна, пьет что-нибудь крепкоалкогольное, и... и ее нет рядом со мной. Я не могу решить, то ли мне горько оттого, что она не здесь, когда я в ней нуждаюсь (не то чтобы она была очень полезна, но девушке нужны лучшие друзья в такие моменты), или мне горько оттого, что у нее есть возможность делать что хочется и когда хочется. Закусочная моя или вроде того, и Аманда моя лучшая подруга, но это не значит, что она должна быть приговорена к моему образу жизни. Я знаю это. И мне это чертовски не по вкусу.

– Жаль, что ты не пришел до заката, – говорю я Стэну, пока варится кофе.

Когда он спрашивает почему, я наливаю ему немножко и рассказываю о вампирах, которые исчезли из окрестностей на закате перед приходом охотников.

– Я знаю, ты беспокоишься на эту тему, – произносит Стэн, – но, может быть, ты принимаешь все слишком близко к сердцу?

– Не думаю, что слишком близко.

Я беру буханку итальянского хлеба и начинаю резать ее просто для того, чтобы что-то делать руками.

– Расслабься, – предлагает он мне и уносит чашки с кофе.

Мне хочется стукнуть его по глупой физиономии.

Он относит кофе, я – подносы с тушеным мясом. Все приступают к еде и кофе, и тут Райан встает и прислоняется к барной стойке.

– Нарния, вероятно, сказала вам всем, зачем мы здесь сегодня собираемся, – объявляет Райан. – Дело в том, что, когда меня отвлек шеду, Дверь в этой закусочной исчезла. Мы не можем понять, то ли она просто закрылась, то ли переместилась. Я советовался с Нарнией, и она уверена, что Дверь просто переехала, но мы не знаем куда и почему.

Стэн поворачивается ко мне, широко открыв глаза.

– Что? – мямлит он.

– Потом, – отвечаю я и киваю на Райана, надеясь дать понять Стэну, что «потом» – значит «подальше от того места, где Райан может обозвать нас непосвященными и унижить перед другими охотниками».

Не то чтобы я думала, что Райан на самом деле стал бы это делать, но вероятность такая есть. Я действительно провела много времени, живя так, как и сейчас живет Аманда, – бассейн, алкоголь, наркотики, и вкуче со всем этим – плохое отношение к людям без всяких причин, только потому, что они другие.

Звучит так, словно я сама сейчас другая. Нет. Я просто спокойнее.

Райан продолжает говорить, пока я мысленно приписываю ему бог знает что, и затем охотник в задней части закусочной – это единственная высокая чернокожая великолепная женщина среди них – выкрикивает:

– Магия?

– Думаю, да, – отвечает Райан. – Я убежден, что кто-то переместил Дверь, но не знаю, как и какие чары используют для того, чтобы помешать мне ее найти. Это серьезные люди, и мне не нравится, что я не знаю о них и зачем им Дверь. Но хотя это и проблема, она не самая большая.

– Какое облегчение, – говорит охотник, сидящий в первых рядах.

В его голосе звучит сарказм, но как можно знать наверняка?

– Как насчет этих придурков, тех, которые открыли Дверь в первый раз? Готов поспорить, что это они сделали! – кричит парень в мягкой фетровой шляпе и пелерине.

Пелерине. Серьезно. В пелерине.

– Мы усвоили урок, – сердито отвечаю я. – Мы не имеем отношения к пропаже.

Никто мне не верит, это ясно. Иногда я думаю, как же охотники на демонов должны

ненавидеть нас, непосвященных, которых они защищают. Мне кажется, они защищают нас случайно, – может быть, у них просто разборки с демонами. Если они ненавидят простых людей, которые знать не знают о демонах, тогда зачем они сражаются с демонами? Почему просто не дать всем умереть?

С другой стороны, чертову Дверь тогда могли бы открыть какие-нибудь несносные двенадцатилетние дети. Всем даже повезло, что это оказалась я. Всем тем, кто приходит сюда сражаться вместе с Райаном. Я даю им скидку на еду, позволяю спать на моем полу и пользоваться душем.

– Не втирай нам чушь! – кричит охотник из дальнего угла.

Да, они ненавидят нас. Я сердито смотрю на него:

– Несмотря на то, что мне было плохо, и я ужасно устала оттого, что у меня в подвале Дверь, мне бы в голову не пришло передвинуть ее куда-нибудь, не поговорив сначала с кем-нибудь. Черт побери, мне бы в голову не пришло вообще тронуть ее! Демоны – дерьмо, это правда, но как насчет ни о чем не подозревающих людей, которые пострадают, если Дверь неожиданно переместится?

– Да, – произносит Стэн. Он несколько заторможен, и его высветленные волосы торчат во все стороны, как будто он только что выбрался из кровати. Может, так и есть. – В любом случае мы даже не знаем – как. Райан нам ничего никогда не рассказывает.

– Что ж, хоть что-то он делает правильно, – хихикает сзади охотник в бейсболке.

Я приглядываюсь – это Оуэн. Серьезно? Черт!

– Послушайте, кретины, – говорит Райан, и я никогда не слышала, чтобы он был таким грубым. – Забудьте о передвинувшейся Двери. У нас есть проблемы посерьезнее, чем мы с Нарнией полагали. Много более серьезных проблем. – Его взгляд скользит по присутствующим. – Неужели вы не заметили? Появляются новые Двери, спонтанные. Десять лет назад сколько их было, три на весь штат Нью-Йорк? Я видел столько же новых сегодня.

Охотники начинают, надо отдать им должное, осматриваться по сторонам и переговариваться. Я вижу даже, как бейсболка что-то говорит фетровой шляпе. О-о-о, зло объединяет людей.

– Кто занимается Дверью в торговом центре «Кинге Плаза»? – спрашивает Райан. – Мы с Элли были там сегодня в поисках нашей Двери и...

– Я, – встает охотник в бейсболке, в форме охранника. – Кристиан, к вашим услугам.

– В последнее время она более активна, – говорит Райан.

Это не совсем вопрос.

– Угу, – протяжно говорит Кристиан.

Он, должно быть, откуда-то со Среднего Запада; у него резкий гнусавый акцент. И он великолепен, но по нему видно, что он может быть реально противным. Я знаю, как раскусить таких людей. Охотник или нет, но у меня чутье на мерзких сукиных сынов.

– Когда мы с Элли пришли туда, на телах были следы многих демонов: позже я вернулся туда, и к этому моменту там появилась вторая Дверь рядом с первой, и она не единственная. Определенно спонтанная, хотя Элли говорила с новой Дверью, когда мы искали ее Дверь, до того как я понял масштабы проблемы. Но в «Кинге Плаза» теперь определенно две Двери.

– Дерьмо! – с чувством ругается Кристиан. Потом делает паузу и наконец произносит: – Она может говорить с ними?

Внезапно общий интерес сосредоточивается на мне.

– На самом деле они ничего не говорят, – объясняю я пискливо. – Они просто хотят... я не знаю... поболтать. Они обращаются ко мне. Я пытаюсь ничего не говорить в ответ. – Я цепляю на лицо свою самую легкомысленную улыбку. – Я не хочу того, что они предлагают.

– И что они предлагают тебе, дорогая? – Это вопрос от женщины, которая уже выступала. Она с запозданием добавляет: – Зови меня Рокси. Я стерегу Дверь в кинотеатре в Шипшед-Бей.

Я была в Шипшед-Бей. Однажды. Случайно. Я искала Манхэттен-Бич, расположенный

по соседству. Это маленькая рыбацкая деревушка, построенная вокруг залива, и там полно русских. Рокси, которая ростом как минимум шесть футов, носит кожаный плащ и кожаные брюки и лицо которой по диагонали пересекает широкий шрам, должна там выделяться.

– Они просто хотят, чтобы я у них что-то попросила. Все Двери хотят одного и того же.

– Потому что, – объясняет Джэксон, – чем больше ты просишь, тем больше демонов они могут прислать в мир.

– Я знаю. Под моей закуской в течение шести лет была Дверь. И я не так глупа, чтобы просить ее о чем-либо.

– Просто, – говорит мне Райан, – большинство людей на самом деле не слышат, как Дверь обращается к ним. Это просто потребность, необходимость попросить о чем-либо.

– Ладно, этого я не знала, – признаю я.

– Послушай, учить непосвященных – забавное занятие, – грубо говорит парень в бейсболке. Эта группировка стремительно становится у меня самой нелюбимой. Но следует сохранять вежливость в кризисные времена. – Хотя я считаю, нам надо все обдумать. Если активность Дверей растет, что-то должно быть причиной.

Райан кивает.

– И если причина в том, что Двери собираются умножаться, может быть, нам предстоит что-то намного худшее, – делаю я предположение.

– Я говорила с вампиршей... – Меня перебивает сердитое бормотание.

Я обмениваюсь взглядами с Райаном. Он так же зол на охотников, как и я. Хорошо, кто-то прикроет мне спину, когда я буду разбираться с этими идиотами. Отлично! Я повышаю голос:

– Как я уже сказала, я говорила с вампиршей, и она сказала, что скоро появится много Дверей. Она еще начала говорить что-то о пище...

– Это все? Слухи от вампиры – все, что ты знаешь? – фыркает Кристиан.

Я так и знала: мерзкий сукин сын!

– К несчастью, Нарния убила ее до того, как я успела узнать что-то еще, – подавленно сказала я.

– Послушайте, – говорит Стэн, и в зале становится тихо, – но если в торговом центре и в кинотеатрах есть Двери... почему вы просто не оставите их в покое? Кому какое дело? Это же просто торговый центр. – Он произносит «торговый центр» так, как другие говорят «таракан» или «Интернет через диал-ап».

Из уголка его рта торчит сигарета, и он выглядит так, словно вот-вот отправится в Нью-Джерси танцевать в клубе. Зачем он открыл рот и начал нести чепуху? И еще продолжает.

– Люди, которые делают покупки в торговом центре, заслуживают того, что выходит из Дверей, – заявляет Стэн и делает шаг ко мне. – Это теория Дарвина в действии.

Я терпеть не могу попадать в ситуацию, когда мне надо быть логичной и ответственной. В таком положении я уже несколько лет, и меня это утомило. Когда я смогу просто сидеть спокойно, курить сигареты в свое удовольствие и по своему усмотрению решать, что имеет значение, а что – нет.

– Заткнись! – говорю я ему.

Он заставляет меня выглядеть идиоткой.

– Так что у нас на самом деле две проблемы. – Райан обращается к охотникам, игнорируя нас. – Первая проблема – здешняя Дверь исчезла, и мы не знаем куда. Вторая проблема – открывается все больше и больше Дверей. В лучшем случае сценарий будет таков: нам не хватит охотников и демоны заполонят весь мир. – Это лучший сценарий?! Райан поправляет стетсон на голове. – Худший сценарий: мир погибнет в земле и воде.

Охотники серьезно кивают, как будто эти слова имеют какой-то смысл. Вот только насчет конца света... Это звучит плохо.

– Я уже охраняю две Двери, – вступает совсем юный охотник.

Серьезно, сколько ему лет? Шестнадцать? Или просто я становлюсь настолько старой,

что все вокруг кажутся мне молодыми?

Пока охотники обсуждают, связаны эти две проблемы или нет – и, похоже, приходят к согласию, что да, потому что в противном случае получается, что два загадочных дерьмовых происшествия почему-то случились одновременно, и мысль об этом слишком угнетает, – я прислоняюсь к Райану. Совсем чуть-чуть. Просто чтобы почувствовать, что он тут. Он пахнет кровью, как будто с охоты, и еще моим сандаловым мылом и немного потом. Это самый сексуальный запах, который я когда-либо ощущала в жизни.

Мои феромоны хотят его феромоны. Я приподнимаюсь на цыпочки и тихо-тихо шепчу ему на ухо:

– Что такое «в земле и воде»?

Он наклоняет голову набок и смотрит на меня так, будто видит в первый раз. Сюрприз-сюрприз, я слушаю. Но не могу сосредоточиться, потому что прямо здесь, в нескольких дюймах от моих губ, эта его фантастическая скула.

Именно в этот момент Стэн решает, что еще не полностью изобразил из меня эгоистичную идиотку.

– Она на самом деле должна вернуться сюда? – спрашивает он, и я опускаюсь вниз, а Райан снова поворачивается к толпе.

И посмотрите, я думаю, я на самом деле эгоистичная идиотка, но я не нуждаюсь в помощи, чтобы проявить это на людях, а Стэн продолжает говорить:

– Хватит уже с Элли этого охотничьего дерьма. И это скучно.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Открываю глаза и произношу:

– Стэн, почему бы тебе не пойти домой?

(«И, – добавляю я про себя, – просто забудь обо всем этом».)

В любом случае толку от него ноль. Моя жизнь стала бы намного проще, если бы он ничего не помнил о Двери или охотниках, правда. Я не уверена, как именно это сделает мою жизнь проще, но я уверена, что сделает. Может быть, если он прекратит нести чепуху, из-за которой я выгляжу полной идиоткой, играющей с вещами, которых не понимаю.

Потому что знаете что? Это было шесть лет назад. И с тех пор я убила не меньше демонов, чем начинающий охотник. Я не просто сижу и позволяю Райану сражаться. Я не очень хороша в этих делах, но я помогаю. Я помогла открыть Дверь. Я помогу закрыть ее, если когда-нибудь придумают как. Райан спит на раскладушке в моем подвале вот уже шесть лет – иногда, когда меня нет, он спит в моей постели. Черт, он помогает в закуской, когда много работы и когда Дверь дремлет. Не то чтобы я не понимала обстоятельства, в которых мы находимся, насколько кошмарными они могут быть. Я осознаю, что в любой момент, если Райан или я промедлим хоть миг, хоть долю секунды, мы можем погибнуть. Стэн пялится на меня.

«Уходи», – внушаю я ему.

– Иди, – утомленно роняю я. – Охотники и я сами разберемся.

– Отлично, – отвечает он и стремительно пронесется сквозь охотников.

Они расступаются, давая ему дорогу. Я надеюсь и молюсь, что я выгляжу не так, когда убегая прочь, потому что он выглядит как капризничавший ребенок.

Как только за Стэном захлопывается дверь, Райан кладет руку мне на плечо, слегка сжимая. Я надеюсь, что это пожатие можно перевести как «ты только что поступила правильно», а не как «ты невероятно тупая».

Охотники спорят между собой с недовольными лицами. Я перестаю обращать на них внимание. Это все интересно, но охотничья политика – это ерунда. Я познакомилась с ней только сегодня и уже успела устать от этой драмы. Как в правительстве – они все говорят и говорят, воюют и воюют, пререкаются, раздражают и шумят, и в конце концов решения принимают два или три самых неприятных человека, которые кричат громче всех и никого не боятся.

Райан достает табак и папиросную бумагу и начинает скручивать сигарету. Я знаю, что мне не должно это нравиться, но он действительно круто смотрится, когда курит. И охотнику

нет смысла беспокоиться о смерти от рака легких; раньше до него неизбежно доберется кое-что другое. Я не знаю, как Райан умудрился примириться с неизбежностью смерти. Разумеется, каждого из нас может сбить автобус посередине улицы в любое время, но эту вероятность можно игнорировать. Гибель Райана реальна, это то, что должно произойти. По счастливой случайности этого еще не произошло.

Он поднимает глаза и ловит мой взгляд. Смотрит на меня. В такие моменты мир словно уплывает куда-то. Мир просто уплывает. Райан облизывает папиросную бумагу, склеивает сигарету и протягивает ее мне. Я терпеть не могу сигареты без фильтра, потому что табак всегда забивается между зубов, но я все равно беру ее. Он дает «зиппо» прикурить. Дым проникает в легкие и жжет глаза, но я выпускаю колечки дыма и жду, когда охотники утихомируются.

Вот в чем дело: как я ощущаю, что с электричками что-то не так, и слышу, как шепчут Двери в торговых центрах, – точно так же я знаю, что мне предстоит сделать что-то опасное. Я знаю это.

У меня очень плохое предчувствие.

7

Когда мы открыли Дверь шесть лет назад, какое-то время я жила в крошечной квартирке около закусочной, потому что старая Салли еще не перебралась во Флориду и не оставила меня за старшую. Я только что порвала с Джимми – застала его с Амандой во время бурной страсти рядом с грилем. Было бы неплохо, если бы они случайно обожглись, но мне пришлось их остановить. Мы только что получили семь заказов на блинчики для учеников колледжа, а эта сладкая парочка мешала мне выполнить заказ.

Я не виню Аманду. Она ничего не могла поделать. Ей никогда не приходит в голову – никогда! – что она может не получить то, чего хочет. Я тоже была такой, поэтому понимаю, в чем трудность. И Джимми следовало быть умнее, но ни один мужчина не может сопротивляться дурацкому рту Аманды и ее острым локтям. Честно говоря, меня больше рассердило то, что они мешали мне на кухне.

Так что Джимми стал прошлым, и у Аманды хватило ума некоторое время держаться от меня подальше. Но со временем я позволила ей вернуться, и она пришла.

Вот почему я продолжаю дружить с Амандой и Стэном. Потому что, хотя они понятия не имеют, кто я теперь, и слабо представляют, с чем мне приходится иметь дело каждый день, они привязаны ко мне. Они могли отделаться от меня, как сделала моя мать, и были бы отнюдь не одни – но они этого не сделали. Они были со мной и продолжают оставаться со мной, и за такого рода преданность, по меньшей мере, заслуживают хоть что-то в ответ.

Я сижу на полу за барной стойкой, прислонившись к полкам и положив ноги на кучу смятых картонных коробок, которые я еще не успела выбросить, и играюсь с телефоном. У меня есть мобильник, но у Райана – нет. Готова поспорить, что у Нарнии есть. Готова поспорить, что мобильники есть у всех, кроме Райана, ведь иметь удобный способ связи с ним – это слишком просто.

Нет, я несправедлива. Я понимаю, что иногда ему нужна передышка. Для него это лишняя головная боль – иметь мобильник, платить по счетам каждый месяц, иметь водительские права. Он не может голосовать, потому что не может зарегистрироваться для этого, ведь какая морока будет, если ему придется быть присяжным в суде или что-то в этом роде. Полное дерьмо и морока, как для любого другого, но для Райана это вдвойне плохо, потому что он и так все время беспокоится из-за демонов, когда он не рядом с Дверью.

Я волнуюсь за Аманду. Пожалуй, за Стэна я тоже волнуюсь, но в последнее время он был засранцем, так что пусть пока посидит в одиночестве, пока я не решу позвать его. Аманда, с другой стороны... когда я видела ее в последний раз? Дон сказала, что она

звонила, но по номеру закуской, а не моему. Я действительно сбита с толку. Может быть, я что-то натворила?

Может быть, я что-то делаю недостаточно?

Но, черт побери, сложно иметь много терпения для драмы, когда управляешь закуской. Закусовые – это тяжелый труд. Это намного труднее, чем я могла предположить, честно говоря, потому, что я судила об этом по тому, что показывали по телевизору – вроде сериала «Бeverли-Хиллз, 90210», где «Персиковая косточка» волшебным образом превратилась в процветающее заведение.

Как мало я знала! Когда Салли уехала из города, у меня была куча идей, и попытки внедрить эти идеи привели к множеству недоразумений. Например, если писать меню стихами, многие дальнбойщики и охотники на демонов заказывают то, что, по их мнению, должно быть стейком с картофелем, а получают стейк тартар со спаржей.

Позвольте мне кое-что вам сказать. Если вы когда-нибудь подадите дальнбойщику стейк тартар со спаржей и молодой картошкой в травах с топленым маслом, они отошлют тарелку на кухню и спросят, есть ли у вас мясной рулет.

Это был последний раз, когда я разрешила Дон написать меню. С тех пор мы продолжали пользоваться первоначальной поваренной книгой Салли. Никто не может промахнуться с бифштексами и картофелем Салли или с ее мясным рулетом.

Сейчас я сижу под барной стойкой, потому что, честное слово, слушать охотников чертовски скучно.

Судя по тому, что я поняла, бейсболки не доверяют шляпам-федорам или стетсонам, а... ну, об остальном вы можете догадаться. Это одно большое представление недоверия. Кто больше обманывает, кто убил больше демонов, как надо охотиться. Теперь мне понятно, почему Райан не хочет спать со мной, – наверняка я федора. Федоры – это те, кто пытается демонов, задавая им вопросы о потусторонних мирах, и таково предложение каждого охотника в федоре – найти демона, пленить, пытать святой водой и заставить ответить на пару чертовых вопросов о том, что происходит. Такой план я и сама могу составить.

Бейсболки думают, что ничего плохого не происходит. Они все беззаботные, как Оуэн, но под этой беззаботностью скрывается подлость. Они заставляют меня вспоминать о маленьких детишках, отрывающих крылья у бабочек. Не для того, чтобы что-то получить, не ради информации, не потому, что так надо, а потому, что им это нравится.

В конце концов споры стихают. Я высовываю голову над прилавком. Закусочная пуста, если не считать Кристиана, Джэксона, ту высокую чернокожую охотницу Рокси и Райана. Они тихо разговаривают в угловой кабинке Райана. Пьют кофе, явно добытый в винном баре по соседству. Райан ненавидит варить кофе, и явно никто не подумал попросить это сделать меня. Я готовлю отличный кофе. С пенкой, горьковатый, крепкий и мягкий.

Я потягиваюсь и встаю. Никто на меня не смотрит. Отлично. Я открываю телефон и звоню Аман-де. Ответа нет. Ее автоответчик переполнен. Я звоню Стэну. Он, по крайней мере, берет трубку.

– А-а-а-алло-о-о-о-о! – сплошные длинные гласные. – Что-о-о-о-о?

Я чувствую раздражение:

– Стэн, все охотники ушли, ты можешь вернуться.

– Какие охотники, Эл? Что ты несешь? Чокнутая девчонка. Никто не охотится в Бруклине. Блин! – каркает он.

Явно под кайфом. Сильно под кайфом. Или пьян. Или все вместе.

– Охотники, Стэн. Ты знаешь. Вроде Райана.

– О-о-о, это твой бойфренд? – говорит Стэн.

– Что? Ты же знаешь Райана. – Я убираю телефон от уха и проверяю номер абонента, чтобы убедиться, что я на самом деле позвонила Стэну, а не какому-то случайному человеку. Но это Стэн.

– Конечно я знаю Райана. Конечно.

– Не забудь выпить воды, Стэнли, – говорю я своим самым начальственным голосом.

На заднем фоне я слышу людей, зовущих Стэна. – Я кладу трубку.

– Бо-о-о-ойфренд! – тянет он, и я захопываю телефон.

Точно, бойфренд.

Почему Стэн ничего не вспомнил об охотниках? Может быть, он просто под кайфом. Или, возможно...

О черт! Я снова падаю под прилавок.

Ладно, это глупость, но я попытаюсь ее обдумать. Дверь в больнице сказала мне коснуться ее, и я послушалась, так? Она использовала свой голос, он звучал прямо у меня в голове. Я потребовала, чтобы лист объяснил мне, что он тут делает, и он послушался, хотя и странным образом. Я даже сказала женщине из веток убраться, и она ушла.

Я говорила это в голове, мысленно. Может быть, я сказала Стэну забыть? Хотя это не может быть причиной. Верно?

Ладно, может быть, теперь я экстрасенс. Это было бы хорошо, да? Тогда я смогу назначать охотников, может быть, смогу победить Нарнию и уберечь свою задницу – вот только как, черт возьми, я стала экстрасенсом, да еще теперь?

...Сегодня я была рядом со многими Дверями. Многими исполняющими желания Дверями.

Мне не нравится моя логическая цепочка. Охотники в закуской говорили, что можно попросить Дверь, на самом деле не прося ее... и моя закуская стала действительно процветать, когда в подвале открылась Дверь. Когда Стэн, Аманда и я открыли ее. Я подумала, да, я подумала, что Дверь дала мне Райана, – и я ненавижу эту мысль, ненавижу думать, что Дверь в Ад дала мне самое лучшее в моей жизни. Но что, если я все время незаметно просила ее насчет закуской? Это объясняет, почему закуская сегодня пустовала. Нет Двери – нет процветания.

И что, если я не перестала бы просить ее и Дверь просто бы давала, давала и... Что, если я попросила о чем-то, что сделает меня важной для охотников? Сделает меня важной для Райана?

В довершение всего Райан всегда говорил мне, что просьбы у Двери высушивают душу и превращают в демона. Но иногда он говорит, что просьба позволяет Двери открыться и выпустить очередного демона. Меня никогда не волновало, правда это или нет.

Все, что я знаю, – если я стану каким-нибудь демоном-экстрасенсом, я буду очень зла.

Когда я снова встаю и смотрю на Райана и остальных, они продолжают тихо говорить, не глядя на меня. Я открываю прилавок с десертами, кладу черно-белые печенье на бумажную тарелку и несу им. Мне надо спросить у них об этом. Я должна знать, не превращаюсь ли я, случайно, в демона и поэтому становлюсь экстрасенсом, или же я непонятный экстрасенс и лишь по какому-то совпадению становлюсь демоном.

Райан в этот момент говорит, но, когда я подхожу, умолкает.

– Что ж, каков вердикт? – спрашиваю я. Я собираюсь аккуратно перевести разговор на тему моей возможной демоничности.

– Бейсболки – идиоты! – фыркает Джэксон.

– Заткнись! – говорит Кристиан, но по его голосу понятно, что он плохого мнения о своей команде.

– Мы... – Райан останавливается, делает глоток кофе и морщится. Ага, он жалеет, что пьет не мой кофе. – Мы решили действовать согласно худшему сценарию. Это значит, что кому-то из нас придется войти в Дверь и попросить о помощи.

– Э-э-э... что? – Я скрещиваю руки на груди. – Что?

– Ты слышала. – Райан откусывает от печенья. Он любит только шоколадные половинки. А я – только ванильные. Мы предназначены друг другу в каком-то другом мире – мире, где нет демонов.

– Это единственный способ, – говорит Рокси с полным ртом печенья.

– Пожалуй, я вернусь за прилавок, пока вы не придете в чувство, – говорю я, хотя знаю,

что это не доведет до добра, потому что этот опрометчивый план явно принадлежит Райану.

Не то чтобы он уже придумывал действительно дурацкие планы, но в этом он похож на меня: в один миг абсолютно логичен, а в следующий – его логика девается незнамо куда, и тем не менее все звучит абсолютно здраво.

– Ты сказал: «Вместо того чтобы колдовать, пытаться демонов ради информации или ждать, что случится дальше», вы все на самом деле хотите пройти через Дверь в самое настоящее адское измерение в надежде найти помощь? В Аду? Потому что может случиться конец света, причем никто еще не объяснил, каким образом.

– В адских мирах существуют аватары, они спускаются защитить тебя, – говорит Кристиан, игнорируя мои очевидные попытки вызнаться о воде и земле. – Я точно не знаю, как это работает, но слышал об этом. Мы можем попросить их о помощи, и они что-то делают. Может быть, вступаются за нас перед богами или еще что-то.

– Похоже на какой-нибудь дешевый романчик из тех, что читает Райан. – Я стою, скрестив руки, и не могу поверить своим ушам.

– Иногда в романах пишут правду, – говорит мне Райан. – Ты это знаешь, Элли.

– Если мы сможем попасть в один из добрых Адов...

Я перебиваю Джэксона воплем:

– Один из добрых Адов?!

– Там не только Ады, – отвечает Рокси.

У нее отвратительная манера растягивать слова. Отличается от среднезападной гнусавости Кристиана; это скорее что-то южное. Что она делает в Бруклине?

– Что ты имеешь в виду? – Я воспринимаю эту новую информацию очень подозрительно.

– Это не... – Кристиан останавливается и хмурится. – Это не Ады. Это потусторонние миры.

– И в чем же разница?

– Разница в том, что не все потусторонние миры отвратительные и мерзкие. Потусторонний мир древних египтян – это поля и реки. – Райан откидывается назад и предлагает мне ванильную половинку печенья.

– Не буду я твое печенье, – говорю я ему. – Откуда, черт возьми, тебе знать, как выглядит потусторонний мир?

– Древнеегипетская Книга мертвых, – отвечают они мне хором.

– Но вы же не знаете, правда это или нет! – возмущаюсь я. Они обмениваются взглядами, говорящими «о, что за непосвященная идиотка!», и я хмурю брови. – Послушайте, я думаю, это ужасно круто, что вы, ребята, так стремитесь защищать человечество, которое вы явно терпеть не можете и не уважаете, но я думаю, что вы зашли слишком далеко. Кто может сказать вам, что происходит? Не говоря уже о том, что, если вы отправитесь в преисподнюю, вы погибнете. Демоны нападут на вас и убьют. Это совершенно очевидно. Это не секрет или что-то в этом роде.

– Там есть аватары, и мы думаем, что и боги тоже. И вряд ли это хуже, чем попытка пережить конец света.

Райан все равно подталкивает ко мне печенье, хотя я отказалась! Я отказалась. Но это же ванильная половинка черно-белого печенья. Я неизбежно поддаюсь искушению. Откусываю чуть-чуть.

– Вы придурки! – говорю я, жуя, потом проглатываю. – Вы даже не знаете, действительно ли может случиться худший сценарий. Вы даже не знаете, кто такие ваши аватары. Как еще вас можно назвать? И не надо мне тут втирать про богов...

– Так, значит, ты пойдешь с нами? – ухмыляется Райан.

Рокси закатывает глаза. Когда я смотрю на Джэксона и Кристиана, они прилежно плятся куда-то в сторону, только не на меня.

– Боже, конечно, я иду с вами, – отвечаю я с намного большей уверенностью, чем ощущаю, и откусываю еще кусочек печенья.

Я знаю, что должна сказать что-то, должна рассказать всем о том, что со мной происходит и чего я опасаясь, но... Райан попросил меня пойти с ними. Словно я настоящая охотница. Грустно, трогательно, и, наверное, на самом деле он не имел это в виду, но вдруг, вдруг он на самом деле так думает. И я с удивлением обнаруживаю, что на самом деле мне этого достаточно.

Мысленно я произношу: «И кстати, мне кажется, что я, может быть, слегка становлюсь демоном-экстрасенсом».

Но вслух говорю:

– Кто хочет рутбир¹²?

– Слушай, мне надо знать.

Я ставлю огромную порцию рутбира перед Рокси, и она фыркает. Как бы то ни было, сейчас почти четыре часа утра. Не время накачиваться кофеином. Парни сидят за соседним столом, изучая записные книжки Райана, делая списки и заливаясь кофе, потому что не принимают моей мудрости. – Ее родители действительно называли ее Нарнией или это просто такой приемчик для впечатления поклонников?

Рокси ухмыляется. Ее шрамы жутко шевелятся, когда она так делает.

– Она? Она никогда себя так не называет. Это мы ее так зовем.

Я поднимаю бровь. Рокси делает большой глоток и кривится:

– Богатая стерва вроде нее, ей нужен большой дом, куча одежды и дюжина шуб, чтобы ее завоевать, – и она еще останется холодна.

Я моргаю несколько раз.

– Не знаю, что сказать, – говорю я Рокси, делая глоток рутбира. – Но я ничего такого не ощутила.

– Это потому, что ты с Райаном, да? – Рокси снова фыркает, на этот раз намного презрительнее. – Она равнодушна к Райану.

– Все равнодушны к Райану, – ворчу я.

– Угу. – Рокси проницательна, и я стараюсь не смотреть ей в глаза.

– Ну так расскажи мне об охотниках. Я не понимаю, я думала, что охотники за демонами объединены, что у них есть союз или что-то в этом духе, а Райан говорит, что это не так.

Я потягиваю рутбир. В нем слишком много газа и недостаточно вкуса, но я собираюсь допить его в любом случае.

– Это связано с сайентологом и лоа, – говорит Рокси с таким видом, будто знает больше, чем рассказывает, но, когда я пытаюсь надавить на нее, она молчит. – Вместо того чтобы болтать о ничего не значащей ерунде...

– Так ты стетсон? – догадываюсь я.

В противном случае ей было бы сложно работать с Райаном.

– Ну, я не бейсболка. – Рокси разглядывает меня. – У тебя проблемы со стетсонами? Бог мой, Райан не говорил мне, что ты федора.

– Я не федора! – возмущаюсь я. Только, может быть, я таки федора. – Я никто. У меня где-то были солнечные очки. Плюс бандана – и больше я ничем не прикрываю волосы.

– Угу.

– Серьезно, – настаиваю я, но чувствую, что она мне не верит. – Послушай, нам не обязательно дружить, но не надо меня оскорблять.

Рокси делает глоток рутбира и снова кривится. О боже мой!

– Все это дерьмо происходит не только здесь, а по всему городу, – задумчиво говорит она. – Но Двери появляются с землей и воздухом. Почему же твоя Дверь исчезла? Ей должно было быть тут хорошо. Ей было с кем поговорить, тут толпы людей, которых можно уломать что-то попросить...

¹² Рутбир – американский шипучий напиток из экстрактов корней и трав.

– Разумно, – признаю я. – Но что это за земля и воздух?..

Я чувствую пальцы на своей шее. Вздрагиваю. На его пальцах мозоли, прекрасные мозоли от меча, кинжалов и пистолетов. Он слегка сжимает мою шею, потом проводит пальцами по позвонкам.

Я таю. Но хочу оставаться твердой.

– Спасибо, что ты пригласил меня войти в любую Дверь, какую ты выберешь, – решительно говорю я. Отличное оскорбление.

Райан опускается на сиденье рядом со мной и ерзает, пока я не начинаю отодвигаться, но я не могу отодвинуться достаточно далеко. Он прижимается к моему боку.

– Я тебя не звал, – произносит он.

Похоже, для него я недостаточно хороший охотник, в конце концов. Мои робкие фантазии начинают увядать. Ладно, черт побери.

– Звал. Ты спросил, пойду ли я с вами, и я согласилась, – настаиваю я.

– Я не всерьез. И ты тоже. У тебя с этим ничего общего. Твоя Дверь, вероятно, просто переместилась...

– Значит, я должна волноваться только о своей Двери? Забудь это. Стэн, Аманда и я открыли эту чертову штуку, и благодаря нам бог знает сколько демонов появилось, сколько смертей случилось, сколько охотников пострадало, и я не могу просто... не могу просто пойти спать и забыть, что я должна. – Черт, ненавижу быть взрослой.

– Кому, по твоему мнению, будет лучше, если тебя ранят? – спрашивает Райан. – Пользы от этого никому не будет. Ты просто умрешь.

– Ну, значит, я умру, – отвечаю я со спокойствием, которого не испытываю. Я не хочу умирать. Нет. – По крайней мере, я буду знать, что помогла исправить ошибки, которые совершила. Это одна из тех вещей – ты знаешь, что это одна из тех вещей, которым я научилась за последние годы. И ты сам учил меня. Я могу убить вампира, обезвредить оборотня...

Рокси наблюдает за нами с растущим интересом, но, когда я упоминаю, что сражалась с демонами, она тычет подбородком в мою сторону.

– Ты сражаешься? – спрашивает она.

Я киваю.

– Ты уже сражалась с элементарью?

– Мм... – Я перевожу взгляд на Райана.

Он качает головой:

– Это все были детские игрушки. Фигня. Ад играет с тобой, Элли. Там ужасные чудовища. Там есть вещи настолько маленькие, что ты и не заметишь, как они доберутся до тебя. Это не дым и зеркала. Это реальность.

– Думаю, что я знаю. Я же прикоснулась к той чертовой Двери. Я почувствовала это.

– И ты потеряла сознание. – Райан такой теплый, он сидит, прижимаясь к моему боку. Он кладет руку на мою, лежащую на столе. Брови Рокси поднимаются чуть ли не выше линии волос. Мои тоже. – Я не могу этого позволить, Элли. Ты не готова.

– А ты? – Я отдергиваю руку. Я надеюсь, он не думает, что я его отталкиваю. Нет. Я просто взбешена. Я не... нет, пожалуй, я его отталкиваю. Но только сейчас. – Я не думаю, что кто-то готов идти в Дверь в Ад. Так что я тоже могу.

– Ты нужна нам здесь.

– Почему? – с вызовом спрашиваю я.

И думаю, что я побеждаю, потому что Райан ведет себя не очень разумно. Я делаю еще глоток невкусного водянистого рутбира. Фу! В следующий раз, когда я не буду сражаться за выживание человечества, я поменяю соотношение содовой и сиропа в рутбире.

Райан говорит:

– Элли...

Рокси допивает свой напиток.

– Послушайте, вы двое. Как бы это ни было забавно, но нам на самом деле нужен план.

И быстро. Поспорите на эту тему позже. – Рокси отодвигает свой стакан в сторону и перегибается через стол. – Если мы собираемся войти в Дверь, Райан, нам надо сделать запасы. Мы не знаем, в какие Ады нас занесет.

Я хмурюсь:

– Я полагала, их только девять?

– Каждая Дверь, – рассказывает Рокси, – ведет в один Ад. Но ты должна пройти через девять Адов, перед тем как сможешь вернуться в наше измерение. Мы считаем, что в каждом Аду сотни Дверей и они ведут в сотни разных Адов. Это паутина, и нам надо быть готовыми ко всему.

Я хмурюсь:

– Как же мы найдем то, что нам надо? Имею в виду, разве мы не заблудимся?

Рокси хмурится в ответ:

– Это квест. Все они структурированы и организованы по-разному и действуют по-разному на попадающих туда людей. Так что, может быть, заблудиться – это часть замысла. Или, возможно, «заблудиться» значит там что-то другое.

Я воздеваю руки вверх:

– Но вы только что сказали, что мы можем вообще не выбраться из Ада! Так, значит, мы пойдем туда, не зная, куда направляемся и как вернуться? Это безумие.

– Рад, что ты так думаешь, потому что ты не идешь, – говорит Райан. Он встает с сиденья. – Рокси, ты идешь со мной?

– Нет, – отвечает она. Вот как звучит решительность. Но она смотрит на меня странно, и я волнуюсь. – Думаю, нам надо поговорить, – говорит она ему, – о том, что сказала Элли, потому что она права. Но если она хочет сражаться и умереть, ей надо позволить это. – Голос Рокси смягчается. – Никто не давал нам инструкции или визитки, когда мы начинали, Рай.

– Я не могу разрешить ей, Рокси. Я не могу. – Райан говорит тихо, и на его лице нет привычного хмурого выражения, которое он обычно изображает. Он выглядит... словно ему больно.

– Нет, можешь, – возражаю я и выскакиваю из кабинки. – Хотя теперь, когда это звучит так мило...

– Заткнись! – рычат на меня Рокси и Райан.

Райан поправляет шляпу на голове, и между ним и Рокси происходит что-то вроде безмолвной беседы бровями.

– Ладно, – наконец говорит он. – Ладно. Ты можешь пойти с нами. Но, Элли, я главный.

– Я главная, – поправляет его Рокси.

– Один из вас главный. Поняла, – киваю я.

Только вот теперь я не хочу идти. Меня это совсем не привлекает. Потому что теперь ощущение такое, что я, вероятно, на самом деле умру самой настоящей смертью, как только мы войдем в Дверь. Не думаю, что готова к этому. Я еще даже не уломала Райана переспать со мной.

Рокси смотрит на нас, потом говорит, что собирается проверить подвал. Райан кладет руку мне на плечо, останавливая меня, когда я собираюсь пойти за ней.

– Что, если тебя убьют? – тихо спрашивает он.

– Ты знаешь, что будет. Закусочная закроется, Стэн подцепит СПИД, а Аманда умрет от передоза.

– Последние две вещи могут случиться в любом случае.

Я не могу смотреть на него; от сочувствия в его глазах мне тошно. Тошно или хочется плакать.

– Райан... – Я качаюсь в его сторону, и он отступает.

– Надо подготовиться, – говорит он, возвращаясь к нашим мрачным делам.

Итак, Рокси пообещала рассказать мне о том, что происходит. Как оказалось, это была неправда.

Рокси и Райан говорили и говорили друг с другом, иногда по-английски, чаще – нет. Чертов шумерский!

Ладно, на самом деле я думаю, что они говорят по-французски. Который с тем же успехом может быть шумерским. Я учила испанский в школе и помню только это: *Hola. Yo me illamo Allie.*

Если бы в школе нас хотели научить чему-то полезному, надо было преподавать нам староанглийский. Есть тонны магических книг, написанных на английском, которые я не могу понять, потому что то, что там написано, не имеет для меня смысла. Там все пишется не так – S как F, F как Y, а иногда как TH. Seriously.

Кристиан и Джэксон периодически заходят с новыми кипами книг, получают указания, которые я не понимаю, и снова уходят.

Райан и Рокси не болтают, не улыбаются, они просто обмениваются предположениями, что нам надо взять с собой. Мне ничего не остается, кроме как слушать – слушать, а потом спускаться по лестнице и сидеть на полу в подвале. Думаю, можно было бы пойти наверх, в комнату, и поспать – уже почти рассвет, но это будет значить, что я оставила поле боя, чтобы сделать что-то нормальное. Не знаю. Может быть, если я буду неотрывно смотреть на то место, где была моя Дверь, она волшебным образом вернется и никому не придется отправляться в Ад?

Душераздирающе.

На полу есть резиновый мат, куда мы ставим дополнительные канистры с содовой водой. Я сажусь гам, потому что боюсь уснуть, если сяду на раскладушку Райана, но, видимо, мат все-таки слишком мягкий для сонной меня. Я просыпаюсь, когда кто-то кладет мне руку на бедро.

– Это я, – бормочет Райан мне в волосы. – Совещание временно приостановлено. Отдыхай.

Я не могу отдыхать.

– Как?!

Я переворачиваюсь. Райан лежит рядом со мной, наверное, я спала как убитая, раз он умудрился не разбудить меня. Он без плаща, черная футболка обнажает его фантастические руки. Так, значит, теперь только я и он, лицом к лицу, на краю резинового мата на полу подвала. Он зарос щетиной, и мне хочется провести по ней руками. Я хочу поцеловать его. Я хочу...

– Элли, – мягко говорит он. – Элли, когда я войду в Дверь...

– Когда мы войдем в Дверь.

В его глазах печаль. Он прикасается к моей щеке.

– Плохая мысль, – говорит он.

– Которая именно? – спрашиваю я. – То, что собираешься пройти сквозь Дверь без меня, или что ты пришел сюда, чтобы убедить меня в обратном.

Он улыбается словно нехотя, и все мысли вылетают у меня из головы. Его рука на моей щеке, большой палец ласкает губы.

– По крайней мере, то, что я пришел сюда, – отвечает он. – Чувствую, меня побьют.

– Ты такой наивный.

– Ты спишь на полу в подвале.

– А ты присоединился ко мне, ковбой.

Его улыбка угасает, но не грустно.

– Из-за тебя это показалось привлекательным, говорит он.

Мое сознание, кажется, отключается.

Райан выглядит сосредоточенным, я никогда прежде не видела его таким. Он убирает руку от моей щеки и просовывает ее под мои волосы, и меня притягивает к нему, как вчера притянуло к Двери. Меня так влечет к нему, я не могла бы остановиться, даже если бы хотела, и я двигаюсь, пока не оказываюсь сверху на нем, и мы дышим одним воздухом.

Мы дышим одним воздухом, и затем наши губы соприкасаются. Его рот горячий, подбородок такой колючий, как я и полагала. Там, где он трется об меня, будет раздражение.

Его губы нежные. Мне всегда казалось, что они должны быть жесткими, наверное, потому, что он всегда их сжимает. Может, потому, что они были такими, когда мы впервые поцеловались. У меня вырывается слабый стон – я не хотела, но тело все горит, и я прижимаюсь к нему крепче, двигаясь так, чтобы оказаться верхом. Я кладу ему руки на плечи, словно чтобы удержать на месте, но его руки в моих волосах, он никуда не собирается уходить.

Он облизывает мои губы, я приоткрываю рот. На вкус он как крепкий черный кофе. Без сахара. У него вкус пыла и страсти, вкус того, что я всегда хотела и никогда не имела.

– Пожалуйста. – Я говорю ему прямо в рот. – Пожалуйста.

Я не знаю, что прошу, но он, должно быть, знает, потому что садится, держа меня на коленях. Он снимает футболку сначала свою, потом мою. Проводит большими пальцами по серебряному шраму у меня на животе, и мое тело немеет, покалывает, я изумляюсь и схожу с ума, все одновременно. Его руки скользят по мне, он проводит пальцами по позвоночнику – и я вздрагиваю.

Очень осторожно он снимает лифчик, и, когда видит мою обнаженную грудь, у него вырывается вздох. Я панически надеюсь, что Рокси нет поблизости, потому что я не собираюсь устраивать шоу.

Райан кладет меня на мат, мои соски прижимаются к его груди, к его шрамам, и я снова издаю стон. Его рот берет в плен мои губы, и он перекачивается, так чтобы оказаться у меня между ног.

– Да, – сдавленно произносит он, вжимаясь в меня бедрами.

Он твердый, я чувствую это через его кожаные брюки, сквозь свои джинсы, он прижимается ко мне там, где я хочу его – где он мне нужен.

– Да, – повторяю я, опуская руку вниз, между нами.

Его брюки застегнуты на пуговицы, я неловко вожусь с ними, ругаясь. Он смеется. Кожа тугая и неудобная для меня; представляю, как неудобно ему самому. Он приподнимается надо мной и расстегивает брюки. Под ними ничего больше нет. Боже мой! Я никогда не умела держать руки при себе – он горячий, твердый, и я так хочу попробовать его на вкус, но он мне не дает. Когда я пытаюсь пошевелиться, он расстегивает мои джинсы. Я отталкиваю его и стягиваю их вместе с простыми белыми трусиками – обычные трусики, вовсе не то, что я надела бы, если бы думала, что такое может случиться.

Когда я поднимаю взгляд, он стоит надо мной, полностью обнаженный. Понятия не имею, как он умудрился снять брюки и сапоги так быстро, но он сделал это и теперь стоит, глядя на меня так, словно я – это все, чего он хотел в своей жизни и не мог получить. Руки сжаты в кулаки, и он дышит так тяжело, словно пробежал марафон.

– Боже мой! – говорю я. – Не могу встать.

– Я тоже, – хрипло отвечает он и опускается на колени рядом со мной.

Его движения такие плавные, старые шрамы не мешают ему. Не могу представить... он так долго сражался с демонами и, несмотря на шрамы, – душевные, психические, еще какие-то, – остался относительно невредим. И он такой сильный. Я ужасно, ужасно хочу облизать его всего.

– Я очень хочу облизать тебя всего, – говорю я, и он вздрагивает, и это чудесно, потому что, что может быть сексуальнее, чем быть желанной?

Не знаю.

– Господи, Элли, ты... – Он слишком далеко от меня, чтобы коснуться.

Мне хочется укрыться, потому что шрамы, которые так сексуально смотрятся на нем,

заставляют меня чувствовать себя уязвимой. Все мои недостатки, освещенные ярким светом, у него перед глазами.

Но в его глазах страсть, зрачки расширены, и внезапно он кажется моложе, он ненасытный и...

Он склоняется надо мной, обнимая, его дыхание ласкает мой живот, он так близко, так близко...

– Я хочу коснуться тебя, – говорит он, его голос тихий, глубокий, я чувствую его всей кожей, от груди и до клитора, и не могу удержаться, чтобы не задвигать бедрами навстречу этому звуку. – Я хочу узнать тебя всю, – говорит он, и это звучит как угроза, звучит как обещание.

У меня перехватывает дыхание.

– Сейчас, – произношу я. – Сейчас... пожалуйста...

Я приподнимаюсь навстречу ему, притягиваю его к себе, в себя...

Держа меня за спину, он с легкостью приподнимает меня, заставляя сесть на него верхом. Он снова целует меня. Я чувствую его внизу живота, не знаю, сдерживается он или дразнит меня, но я больше не хочу ждать. Я становлюсь на колени, толкаю его на мат и на... да, на его кожаный плащ, должно быть, он сбросил его, перед тем как присоединиться ко мне. Он удивленно смотрит на меня, проводя руками по моему телу, лаская волосы, он шепчет мое имя снова и снова.

Одной рукой я опираюсь, другой направляю его в себя, опускаясь сверху, и вот – он внутри меня. Я падаю на него, не в состоянии держаться прямо, и единственное, что имеет значение, – это его рука на моей спине, его ладонь на моей голове. Мои груди расплющились о его грудь, и я чувствую легкую боль в месте нашего соединения – не потому, что он такой большой, а потому, что последний раз это было так давно. Это было так давно, но он подходит мне, как вторая половинка, и это все, что я чувствую, он внутри меня, его горячее дыхание на моем лице. Я впираюсь пальцами в его плечи и сдвигаюсь как можно ниже, так чтобы он оказался так глубоко во мне, чтобы не понимать, где заканчивается он и начинаюсь я, широко раздвинутыми ногами я сжимаю его бедра.

– О боже! – говорит он. – О боже!

Я покрываюсь потом. Если он сейчас не начнет двигаться, если он не позволит мне двигаться – я ужасно хочу двигаться.

– Пожалуйста, – у меня вырывается стон, – о боже, Райан, пожалуйста. – Я хочу, я хочу...

– Да, – бормочет он, кладет руки мне на бедра, прижимает меня...

Сначала мы неуклюжи, не можем найти ритм. Мои колени трутся о резину даже через плащ, и он дрожит, пытаюсь делать это медленно, чтобы доставить мне удовольствие. У меня нет сил. Но это не имеет значения. Он что-то мне шепчет, но я не слышу, я ничего не слышу, кроме ударов наших тел, скользкого звука кожи на коже. Я держусь за его плечи, я опускаюсь вниз, он толкает вверх, это неудобно, но мы так близко, так близко друг к другу.

– Я хочу тебя, – мой громкий стон, – я хочу тебя, пожалуйста...

И наконец мы двигаемся в такт. Я опускаю бедра вниз, и он поднимается вверх под нужным углом, и это все, чего я хочу, мы двигаемся быстро и сильно, мои ногти впираются в его кожу.

Вздохи, биение сердца, и наши губы вместе; я не вижу звезды, когда достигаю высшей точки, но я почти на небесах. Он кричит мне прямо в рот, я прикусываю свой язык и, кажется, плачу.

Проходит не одна минута, пока я прихожу в чувство, я лежу распростертая на Райане, мои руки в его волосах, его руки, словно крылья, на моей спине. Затем его мышцы напрягаются, словно он хочет встать, но я не поднимаю голову с его груди, слушая стук его сердца. Бух. Бух. Бух. Мы потные и грязные, но мне плевать. Я не хочу шевелиться. Райан и я вместе – это было так прекрасно, как я всегда представляла. Шесть лет мы шли к этому.

– Элли, – шепчет он. – Элли, ну же!

Я расслаблена и податлива, я растворяюсь в нем.

– Ну же, Райан! – шепчу я в ответ. – Еще несколько минут.

– Мы не можем.

– Твой плащ, должно быть, поджарился.

Я высовываю язык и лижу его сосок, чувствуя, как он реагирует. Вы знаете, что я имею в виду. Я не ханжа, но мне немного странно думать об этом; у меня было не много мужчин, недостаточно для того, чтобы привыкнуть к этим штукам – типа я хочу заняться с тобой сексом снова, прямо сейчас. Я решаю, что это к лучшему.

– Плащ из кожи ламии, – говорит Райан, и это звучало бы убедительнее, если бы я знала, что такое ламия. Райан чуть-чуть двигает бедрами. – Он может вынести больше, чем тебя.

Я решаю, что мне плевать, что такое ламия.

– Мне нравится, как ты это произносишь.

Я тоже двигаю бедрами.

– Элли... – он проводит руками по моим волосам и заставляет меня поднять голову и посмотреть на него, – мы не можем.

– Я хочу, – бормочу я, и он притягивает мою голову, чтобы поцеловать.

Его язык у меня во рту – какое удовольствие.

– Я тоже хочу, – говорит он, когда мы наконец прерываем поцелуй, чтобы перевести дыхание. В его голосе что-то не так, но Райан не лжет мне, значит, это правда. – Но мы не можем, поэтому лучше... если мы не будем.

В наших отношениях с Райаном всегда есть доля раздражения, и я понимаю, что сегодня вечером мы исчерпали дозу. Я скатываюсь с него и встаю.

– Значит, вот так ты живешь? – говорю я. Бетон подвального пола царапает мне ноги, но я слишком возмущена, чтобы обращать на это внимание. – Если ты не можешь иметь все, ты не берешь ничего?

– Так проще. – Он опирается на локоть.

Боже, он великолепен, эта загорелая кожа, шрамы и взволнованный взгляд. Мне грустно из-за него, потому что это ужасный способ жить. Я хочу заставить его измениться, я хочу изменить его мир.

Я влипла.

– Это печально. – Я провожу рукой по влажным волосам.

Он уже встал и одевается, и это значит, что я допустила тактическую ошибку, встав первой. Черт побери!

Он приводит себя в порядок и наблюдает, как я натягиваю джинсы, и в этот момент меня осеняет:

– Мы не воспользовались презервативом. Черт, мы не надели презерватив!

Застегивавший брюки Райан останавливается на полпути. Черт возьми, этот человек может свести меня с ума своими расстегнутыми кожаными брюками, в которые спускается дорожка волос. Та часть меня, которая никогда не помнит слово «ответственность», хочет исследовать эту дорожку губами и заставить его извиваться подо мной. Снова.

– Я даже... это... это... я... – Он заикается и, похоже, краснеет.

Что? Опытный сдержанный Райан краснеет.

– Я пью таблетки. – Я втягиваю воздух сквозь зубы и натягиваю джинсы. Я грязная и хочу в душ, и да, я пью таблетки, но мы не пользовались презервативом. Вот черт! – Как можно быть такими идиотами, мы же, черт побери, взрослые люди.

– Мы не знали...

– Все произошло случайно? – саркастически спрашиваю я. – Да, это круто, мы как шестнадцатилетние подростки в виртуальной игрушке. Дерьмо!

Я натягиваю рубашку через голову, махнув рукой на лифчик, который я нигде не вижу. Кто-нибудь найдет его в самый неподходящий момент, я знаю это.

– Прости. – Он смотрит на меня из-под ресниц, склонив голову.

– Да. – Я говорю намного сердитее, чем на самом деле чувствую. – Я никогда... черт. – Я вздыхаю. – Я никогда раньше не забывала. Я чистая, во всяком случае.

– Я тоже. Это было... давно. – Он говорит почти застенчиво, и это так возбуждает. Так возбуждает.

Я снова так его хочу, что с трудом терплю.

– Чувствую себя идиоткой, – говорю я и подхожу к нему, засовываю руки ему в штаны и прижимаю его к себе.

И, честно говоря, это более интимно, чем то время, которое мы провели, катаясь по полу, словно животные. Не знаю почему. Мы уже одеты, но у меня такое ощущение... ощущение чего-то большего.

– Я опять тебя хочу, – шепчет он мне в волосы. – Это такая плохая идея.

– Я тоже тебя опять хочу, – тихо отвечаю я. Прижимаюсь лицом к его шее, лижу кожу, чувствую соленый пот. – Что, если...

– Не буди зверя. – Он отталкивает меня, отступает и застегивает брюки. – Серьезно. Не надо провоцировать неприятности. У нас их и так предостаточно.

– Я не... я просто... – Я кладу руки на бедра и наблюдаю, как он надевает футболку.

Он идет ко мне, я начинаю пятиться. Ничто не заставляет девушку чувствовать себя настолько уязвимой, как отсутствие презерватива. Никогда в жизни я не забывала презерватив. Черт, из-за Райана мои мозги вытекают через уши.

Он поднимает плащ с пола и набрасывает его на плечи. Клянусь, все, что делает этот человек, – все великолепно.

– Я не шлюха, – говорю я, – но чувствую себя дерьмом.

– Не надо чувствовать себя дерьмом, – приказывает он. – Я... – Он замолкает, и я жду. Мы стоим так близко, что я чувствую жар его тела через одежду. Он проводит рукой по волосам. – Где эта чертова шляпа?

– Понятия не имею.

Он смотрит на меня, и мне хочется плакать. Глупые эмоции.

– Элли... – (Я гляжу в пол, на свои босые ноги. Мне надо сделать педикюр; ярко-оранжевый лак для ногтей облупился.) – Элли. – (Его пальцы скользят по моему подбородку, накрывают щеку, приподнимают голову. Я закрываю глаза, чтобы не видеть его чертового лица.) – Элли, это была ошибка. Нам не следовало...

– Ты прав, это было глупо, – невыразительно говорю я.

Отличный способ дать понять девушке, что она особенная.

– Однако я не могу жалеть об этом.

Когда я открываю глаза, он улыбается. Не уверена, видела ли я, чтобы он кому-нибудь улыбался, так улыбался. Как будто видит что-то самое прекрасное.

– Я тоже, – шепчу я и поднимаюсь на цыпочки поцеловать его.

Он не прижимает меня к себе, поцелуй почти целомудренный. Наши губы сомкнуты, глаза открыты, но, когда мы отстраняемся друг от друга, мы тяжело дышим.

– Нам надо готовиться, – говорит он. – Надо было сделать это раньше – я пришел сюда, как раз, чтобы рассказать тебе. Прости. Я не хотел...

– Хватит, – перебиваю его я. – Мы сделали ошибку, и мы ее не повторим.

– Но быть внутри тебя... – Его голос хриплый и грубый, он царапает мои нервные окончания. – Я не насытился. Это так... Если мы... – Он сглатывает и закрывает глаза, и, когда открывает их снова, я вижу сияющий в них свет. – В следующий раз, Элли, мы сделаем все как следует, и я попробую на вкус тебя всю.

Когда он уходит от меня, полы его плаща хлопают, и я предпочитаю думать о том, как это сексуально, а не о том, что он имел в виду под словом «если».

Рокси поднимает бровь, когда мы с Райаном поднимаемся вверх. Яжимаю плечами. Она ухмыляется. Как будто мы разговариваем, только я понятия не имею, что мы говорим. Я вся пахну сексом, и знаю это.

– Я иду в душ, – говорю я ей.

– Тебе это надо, – отвечает она, я бросаю на нее сердитый взгляд, но на самом деле не сержусь.

По пути вверх я слышу, как она говорит Райану, что в следующий раз ему неплохо было бы побриться и оставить на мне немножко кожи. Жаль, я не могу вернуться и посмотреть, как он краснеет.

Я принимаю душ очень быстро; я не расслабляюсь, не брею ноги. Я просто моюсь, мою волосы, смываю пыль подвала и пот. Я больше не пахну Райаном и сексом. Да, больше не пахну сексом. Я пахну сандаловым мылом, которое у меня все время ворует Райан. Когда я начинала им пользоваться, это было самое дешевое мыло в маленьком индийском магазинчике за углом, и оно ассоциировалось у меня с бедностью. Теперь это самая сексуальная вещь в мире, потому что так всегда пахнет Райан.

Я так возбуждена. Так возбуждена. Я фантазирую о... толком не знаю о чем. Я не мечтаю о детях или белом заборчике. Я мечтаю о том, что мы не умрем. Это кажется мрачным. Но пока мы не умрем, мы можем быть вместе. Наши орбиты могут сближаться друг с другом, пока мы не взорвемся.

Если только Райан не рассердится всерьез из-за того, что я могу оказаться экстрасенсом. Что бы я ни сделала со Стэном, это надо исправить. Это не должно было случиться, он не должен был забывать о Двери и охотниках.

Я выхожу из душа, натягиваю джинсы и футболку и вытираю волосы полотенцем. Я все еще влажная, но хочу спуститься вниз, подальше от удушающе жаркой комнаты. Чего я на самом деле хочу – это свернуться на кровати перед кондиционером и спать целую неделю, но вместо этого я помогаю Рокси собрать то, что нам понадобится за Дверью... и я хочу поговорить с кем-нибудь насчет Стэна.

Рокси кажется очевидным выбором, но, когда я выхожу из комнаты, на моем пути появляется Райан. Дверь слегка разбухла от сырости и жары, но я с силой закрываю ее.

– Что? – спрашиваю я, и это звучит действительно стервозно.

Черт! Я прислоняюсь лицом к двери. Райан кладёт руку мне на спину, и мне почему-то хочется плакать без особых причин. Хотя причины есть – мы, вероятно, умрем, если не в каком-то неизвестном Аду черт знает где, то, значит, здесь, сражаясь с демонами. Потому что, даже если мы закроем миллион Дверей, останется еще миллион Дверей открытых и Райан никогда не прекратит сражаться.

Я тоже никогда не перестану сражаться. Как я могу теперь, когда я знаю, что там?

– Останься здесь. Не ходи с нами. – Он бормочет мне в шею, во влажные волосы.

– Как ты можешь просить меня об этом? Правда, как я могу... – Я останавливаюсь, пока не наговорила какой-нибудь сентиментальной чепухи, и откидываюсь назад, так чтобы прижаться к нему спиной, его лицо утыкается мне в шею.

Моя кожа чувствует его горячее дыхание, мне жарко и неудобно, но я счастлива, что теперь могу прикасаться к нему.

– Я знаю. И это... – Он замолкает. Что он хотел сказать? И это ему во мне нравится? Что-то позитивное? Я жажду от него нежности, не только желания. – Ты очень сильная, Элли. И это пугает меня. Потому что женщины рядом со мной... – Он снова замолкает.

– Мы... – Я откашливаюсь. – Нам не обязательно сентиментальничать, – говорю я, мне больно говорить это, но это так.

Я знаю, как трудно ему говорить о своих чувствах. Я умираю от желания узнать о нем больше – шесть лет, и я до сих пор не знаю его фамилию, – но я не буду на него давить. Я не буду торопить его. С учетом наших темпов, если мы будем живы лет через десять-двенадцать, я, возможно, узнаю, есть ли у него где-нибудь семья, как он стал охотником, кем он хотел стать, до того как узнал о демонах. Может быть, я научу его смеяться без этой нотки горечи и сарказма.

Может быть, охотники объявят меня королевой федор. К черту лоа и сайентолога!

– Нет, – говорит он, разворачивая меня спиной к стене и обнимая, прижимаясь лбом к

моему лбу. – Послушай, я хочу, чтобы ты знала. Я хочу сказать тебе. Я не хочу делать одни и те же ошибки. Я...

– Ладно, пташки.

Я поднимаю голову и вижу Рокси, лицо которой перекошено от раздражения.

– Довольно, черт побери! – продолжает она. – Давайте отложим это шоу, чтобы успеть поспать до того, как низвергнемся в колыбель зла, ладно?

Я закрыла глаза, а когда открыла, увидела, что Райан смотрит на меня и улыбается. Настоящая улыбка, не мрачная и не ухмылка, когда он приподнимает один уголок рта. Затем, через миг, все исчезло, и он снова становится Райаном-нахалом, охотником на демонов, и поворачивается к Рокси.

– Что там у тебя, Рокси? – говорит он, возвращаясь к делам.

Я прислоняюсь к двери и делаю глубокие вдохи. Конечно, ей надо было прервать нас именно в тот момент, когда он был готов открыться и сказать мне... что-то. Что-то важное. Дерьмо! Большое спасибо, Рокси.

Я глубоко вдыхаю, расправляю плечи и иду следом за Рокси и Райаном вниз по лестнице в закусочную. Пришло время спасти мир.

9

Рокси методична. Повсюду кучи запасов: кожаные фляга, деревянные колышки, гвозди, огромные цепи, покрытые надписями, которые я не могу разобрать, горы камней, связки трав. Даже стопка одежды.

– Что это? – Я прикасаюсь к тонкой ткани, на ощупь она похожа на то, что носит Райан, – на кожу.

– Это шкура ламии, – отвечает Рокси.

У нее сигарета во рту, но она не курит. Даже не зажгла ее. Сигарета просто свисает.

– Что такое ламия, в конце концов?

– Дорогуша, молись, чтобы ты никогда не узнала об этом. – Рокси берет верхний предмет одежды и разворачивает его передо мной. Это плащ, но со слишком длинными рукавами. – В этом измерении ты носишь его для защиты, но там, куда мы идем, это соответствует правилам.

– Там есть правила?

– Естественно. Никаких искусственных тканей, святой воды, сплавов металлов, обработанной пищи, ни...

– Как же вы вообще попадаете туда? Они, похоже, привередливы.

Она пожимает плечами:

– Нельзя изменить Двери-ищейки, дорогуша. Они реагируют на вещи, сделанные людьми.

Двери-ищейки? Это еще что? Она протягивает мне плащ и начинает копаться в стопке в поисках остальной одежды. Я провожу рукой по коже, морально созревая надеть это дерьмо. Беспокоюсь по поводу своих трусиков – есть ли у меня хоть одни из натурального шелка? Или из хлопка – хлопок ведь натуральный, верно? Вот только я не думаю, что нитки сейчас делают из хлопка, так что выбор одежды для меня сводится к нулю. Но мне действительно не нравится изображать из себя спецназовца в костюме какого-то убитого охотника, уверена, это единственный способ, как они ухитрились так быстро найти для меня одежду из ламии; наверное, где-то у них есть запасы, снятые с мертвых охотников.

Конечно, это лучше, чем выкидывать их или отдавать в секонд-хенд, но все равно бросает в дрожь.

– Земля и вода, – говорю я Рокси. – Скажи мне честно, что это.

Она бросает на меня взгляд, которого, полагаю, я заслуживаю. Потом пожимает

плечами:

– Есть много способов гибели мира, дорогуша. Один – когда Двери начинают закрываться и исчезать. Тогда мир гибнет в огне и воде. Мы можем справиться с этим, если собрать вместе достаточно охотников. Просто надо открывать больше Дверей.

– Но почему? Имею в виду, если Дверей больше нет, значит, нет демонов и прочего сверхъестественного дерьма.

Она качает головой:

– Ошибка новичка. Двери ведут в Ад и высвобождают сверхъестественное, но так устроено наше измерение. У нас есть Двери. У нас есть равновесие. Двери исчезнут – и мир начнет разрушать сам себя огнем и водой. Очень неприятно, насколько я слышала.

– Так, значит, когда утром Райан ходил смотреть на Дверь Оуэна...

Рокси кивает:

– Проверял, грозят ли нам огонь и вода.

– Ладно, – продолжаю я. – Но Дверь не исчезла. И теперь мы знаем, что Дверей больше, чем должно быть. Так что...

– Слишком много Дверей – тоже проблема. Нет равновесия. Мир погибнет в земле и воздухе, все наше измерение пожрет Ад. И в мире недостаточно охотников, чтобы помешать этому.

Я бросаю взгляд на впечатляющий набор запасов, которые Рокси выложила на столах, и думаю, как все это растопчет орда демонов.

– Кажется, я теперь понимаю, зачем нам идти сквозь Дверь, чтобы понять, как со всем этим справиться, – говорю я.

– Именно. Райан сказал тебе насчет крови? – спрашивает Рокси.

– Крови?

Райан должен был сказать мне о крови?! Рокси долго смотрит на меня, откладывает в сторону куртку из ламии.

– Мы говорили об этом, пока ты была внизу, обсудили со всех сторон, Кристиан даже звонил Нарнии, когда Райан ушел будить тебя. – Она снова возвращается к одежде и теперь вообще не смотрит на меня. – Единственный путь попасть в Ад – сквозь Дверь. Единственный способ путешествовать по адским мирам – через Двери. Никто из нас прежде не открывал Двери – никто, кроме тебя. Ты уже отмечена этим знанием, и твоя кровь теперь на их языках. Двери, они как животные, понимаешь? Они учуяли тебя. Они знают твой вкус. Они откроются перед тобой.

Она протягивает мне куртку и брюки и начинает выкладывать вещи, которые мне надо положить в карманы: кожаную фляжку с солью, острые ножи из обсидиана, аккуратно завернутые в кожу ламии.

– Если мы откроем Двери, мы выпустим неисчислимое множество демонов и, вероятно, умрем при этом. Ты уже это делала – урон нанесен. Никакие новые Ады не появятся от твоей жертвы. Так что нам нужна твоя кровь, так или иначе, если мы хотим войти туда и вернуться живыми.

Не знаю, что сказать на это.

– Только моя? Имею в виду, я открыла Дверь со Стэном и...

– И Амандой, я знаю. Нам хватит тебя одной, думаем. – Рокси открыто смотрит на меня. – Чем больше вас, тем лучше. Если один умрет, останется резерв.

Останется резерв.

Значит... значит, так. Теперь я знаю. Я не охотник. Никто не думал, что я могу стать охотником. Я... я как эта фляжка с солью и нож. Орудие. И если я сломаюсь, они хотят быть уверены, что есть замена. Чтобы спасти свои шкуры.

– Где Райан? – спрашиваю я.

– Вышел, – отвечает Рокси и снова берет плащ. Упаковывает его с остальной одеждой. Одеждой, которая должна сохранить мне жизнь. Потому что я такая ценная.

Я отворачиваюсь и принимаюсь вытирать со столов.

– Мне кажется, что я сделала кое-что плохое, – говорю я, стоя спиной к Рокси. – Что-то с сознанием Стэна, раньше. Я заставила его, я сказала ему уйти и забыть обо всем, а когда в следующий раз позвонила ему, он не помнил ни об охотниках, ни о Двери, ни о...

– Дьявольщина, – говорит Рокси.

– Да, правильно говоришь. – Я поворачиваюсь и смотрю ей прямо в глаза. – Так что, может быть, Райану будет нелегко найти Стэна. Упс.

– Я нашел Стэна, – окликает нас Райан, входя в закусочную. Он чуть ли не тащит его на себе, голова Стэна безвольно болтается. В довершение всего Стэн, как совершенно распушенный молодой идиот, пускает слюни. – Он был снаружи, слонялся вокруг, будто не знал, куда идти. Я думал, он больше не употребляет такие сильные штуки.

– Это не наркотики. Вовсе нет, – говорю я. Тяжело смотреть на Райана, но я не могу оторвать взгляд от Стэна. – Я сказала ему забыть. – О Стэн, мне так жаль! Я не хотела, чтобы это случилось. – Я сказала это так, как делают Двери. Я велела ему забыть.

– Отлично. – Райан действительно рассержен. Очень плохо. – Займитесь им, мне надо уйти и найти...

– Аманду?

Он толкает Стэна ко мне, и я пошатываюсь под его тяжестью. Райан уходит.

– Э-э-э-э-эй, – говорит Стэн. Его зрачки расширены. – Разве вы не друзья Аманды?

– Черт! – выдыхает Рокси.

Сначала я думаю, что это она в адрес меня, Райана и всего этого. Но потом я вижу то, что видит она. На руке Стэна, около локтя, воспалившийся комариный укус – покрасневший и опухший, сочащийся струйкой зеленоватого гноя.

Это укус оборотня. Стэн одержим демоном. И очень быстро демон им овладеет, и он умрет, только сначала может добраться до кого-то из нас.

Это моя вина, потому что я велела ему забыть, и он забыл – обо всем, включая безопасность. На нем даже нет серебра или железа; я его не чувствую. И он под кайфом, конкретно под кайфом.

– Не знаю, что хуже – наркотики или то, что я натворила, – громко говорю я отвратительно трясущимся голосом.

Я натворила это – пусть отчасти – с близким другом. Конечно, он не самый лучший друг в мире, но он старался, как мог, и это плохой способ отблагодарить его.

Мало того, чертовы охотники хотят использовать его как запасную Дверь.

Рокси помогает мне аккуратно усадить его в кабинку. Я не хочу, чтобы она касалась его. Он засыпает или теряет сознание, и я мучусь.

– Сколько? – спрашиваю я.

Рокси пожимает плечами:

– Довольно долго.

Внезапно меня охватывает приступ ненависти к ней. Как будто читая мои мысли, Рокси трет лицо и вынимает сигарету из рта.

– Черт, – говорит она, – как ты это сделала, Элли?

– Не знаю, – тихо отвечаю я.

Я сижу в кабинке, где Рокси сложила талисманы. Они все сделаны из серебра, я определяю по их весу. О, эти вещи, которых я прежде не знала и которые необходимы, чтобы выжить. Как сосчитать налог на продажи и каково на ощупь чистое серебро.

– Но чувствую. – Я поднимаю взгляд на Рокси. – Во мне есть что-то большее. Я могла бы сделать это снова. Я не знаю, Дверь дала мне это или нет.

– Дверь исчезла, а твои способности остались, – говорит Рокси.

Она вынимает «зиппо» из кармана кожаных брюк – фу, отвратительная одежда, – закуривает сигарету и задумчиво выпускает дым.

– Может быть, Дверь просто раскрыла то, что в тебе и так было.

– Шесть лет спустя? – Я бросаю взгляд на Стэна. – Шесть лет спустя я внезапно стала экстрасенсом?

– Шесть лет спустя ты внезапно использовала это, – поправляет Рокси. – Тебе нужен другой экстрасенс, который научит тебя, как этим пользоваться. Но... – Рокси постукивает длинным пальцем по столу. Ее ногти короткие и ненакрашенные, но в идеальном состоянии. Я обращаю внимание на такие вещи, ничего не подделаешь. – Но, возможно, мы можем тебя использовать. Твоя кровь проведет нас через Дверь, а там, может быть, мы управимся быстрее благодаря твоим новым способностям.

– Отлично. Буду рада помочь.

Рокси снова начинает паковать багаж. Сидя рядом со Стэном, я достаю телефон и набираю Аманду. Рассказать ей о Стэне? Предупредить о приходе Райана? Сидеть и ныть, что она была права насчет этих чертовых охотников?

Но нет. Как я и подозревала, она не берет трубку.

Я качаю головой. Смотрю на экране телефона, который час.

– Нам надо убрать все это отсюда. – Я показываю рукой на запасы Рокси. – Скоро Джейк и Тиара придут открывать закусочную, и знаешь ли, они видали всякое, но не думаю, что им доводилось видеть подобное.

– Хорошо. – Рокси делает еще одну затяжку и бросает сигарету на пол, раздавливая ее сапогом.

Тиара будет в ярости, когда ей придется подметать перед открытием, но я не собираюсь говорить этой амазонке – охотнице на демонов, куда ей следует девать свои сигареты. Хотя мне очень, очень хочется.

У Рокси большой белый микроавтобус «форд-эконолайн», вроде тех, с помощью которых похищают людей в детективных фильмах. И в нем много всякой всячины. Надеюсь, копы нас не остановят, потому что я понятия не имею, как объяснять наличие арбалетов. И тем более как объяснять, что со Стэном.

Я неловко устроилась рядом с арбалетом. Через секунду Райан сгружает бессознательное тело Стэна рядом со мной – хорошо хоть, голова Стэна приземляется мне на икры, а не на пол. Я приподнимаю его и кладу его голову себе на колени. Кажется, будто он спит. Укус оборотня на его предплечье уменьшился. Очень надеюсь, он не проснется, пока мы едем.

Райан возвращается, как только мы заканчиваем грузить микроавтобус. Он выглядит расстроенным. Хорошо. Вряд ли он мог успеть добраться до Лонг-Айленда в поисках Аманды, разве что проверил клубы, где она обычно бывает. Ему уже случалось это делать, когда мы о ней беспокоились. Или когда я беспокоилась о ней, а он просто отлично притворялся.

Грустно? Еще бы!

Но теперь он снова тут и, думаю, заметил, что я не в духе, или он сам не в духе, потому что у него нет трижды прикрытого выхода из Ада, или... даже не знаю.

Как только Райан скрывается из виду, я начинаю ерзать от неудобства. Я все еще не привыкла к плащу и кожаным брюкам, которые слишком тесны в бедрах и слишком свободны в талии. Брюки смотрятся довольно глупо вместе с уродливыми белыми туфлями, которые я обычно ношу на кухне. Медсестры носят похожие, и они суперудобные. И я ни в коем случае не собираюсь надевать совершенно новые неразношенные сапоги, отправляясь бродить по Аду; имею в виду, кому охота возиться с мозолями, охотясь на демонов? Не мне.

Здесь нет пристяжных ремней. Как можно вообще надеяться, что нас не остановят, потому что отсутствие ремней в Нью-Йорке равняется проблеме с большой буквы «П» и грозит отметкой в правах. Что хуже – отсутствие ремней или то, что мы везем сзади? Интересно, волнует ли это охотников за демонами – имею в виду, лишение прав, – или какая-нибудь их ведьма-экстрасенс может поколдовать и решить проблему?

Готова поспорить, что Дверь есть в каждом отделе транспортных средств. Уверена, Двери в ОТС замедляют время, и поэтому там всегда все так медленно и такие длинные очереди. Уверена, демонам это нравится. Если бы я была демоном, я бы точно устроила

что-нибудь подобное.

Что-то толкает меня в ногу. Это арбалетный болт, короткий и тупой, надеюсь, он не сможет порвать брюки. На конце болта вырезана крошечная Звезда Давида. Ужасно. Райан в основном сражается с христианскими и языческими демонами, кажется, раз или два ему приходилось драться со штуками вроде Звезды Давида и Печати Соломона, но такие демоны не часто проходят сквозь Дверь. Во всяком случае, в мою Дверь – она выпускает множество вампиров и оборотней. Скукота, если не считать последние пару дней (серьезно, шеду? – да ну, фигня).

Хорошо, что я занимаюсь этим так давно, что отлично разбираюсь в определенных видах демонов. О, вампир, тоска. Я отталкиваю болт и пытаюсь устроиться поудобнее в компании кучи оружия и будущего оборотня.

Кристиан и Джэксон забираются внутрь и садятся напротив меня. Райан и Рокси устраиваются впереди, поскольку они соперничают за главенство, им следует сидеть на местах с ремнями.

– Ты волнуешься? – спрашивает меня Кристиан, отодвигая сумку с деревянными колышками.

Я никогда прежде не пользовалась деревянным колом, интересно, от них бывают занозы?

– О да, очень, – отвечаю я. Я действительно волнуюсь. Я все еще злюсь, но справляюсь с этим. Вот только Райан... Он все еще в моем списке подонков. – Но у меня такое ощущение, что мне не следует волноваться. Да?

– Не следует, – говорит Джэксон.

Спасибо, Джэксон. Он сидит рядом с Кристианом, между ними стоит коробка с солью. Они оба выглядят отлично в кожаной одежде – их брюки, похоже, сидят идеально. Интересно, есть ли у них портной, которого можно подкупить пирогом?

Джэксон неожиданно улыбается:

– Но я тоже волнуюсь.

– Ага. – Кристиан поворачивает бейсболку козырьком назад.

Если бы он был одет не в кожу, а, скажем, в спортивный костюм или что-то в этом духе, он бы ничем не отличался от парней, с которыми я ходила в колледж на Лонг-Айленде. Каждый раз, когда он открывает рот и начинает растягивать слова, я удивляюсь.

У Джэксона на самом деле нет акцента, что тоже удивительно. Со своими высокими скулами и мягким ртом, он, по-моему, похож скорее на француза, такого скользкого и, может быть, немножко вкрадчивого и кокетливого. Но нет – он обычный парень. Возможно, из Калифорнии или откуда-то оттуда; у него такое же правильное произношение, как у людей из телевизора. И у него очень темная кожа, словно постоянный загар.

Кристиан толкает меня сапогом.

– Ты не так плоха для непосвященной, – произносит он, когда Рокси заводит машину.

Для сосунка у него славная улыбка. Думаю, он заигрывает.

– Ты так говоришь, потому что я тебя накормила, – говорю я.

– Все готовы? – окликает нас Рокси, но, не дождавшись ответа, трогается с места.

У нее привычка носиться как сумасшедшая, мы явно едем слишком быстро.

Машина резво заворачивает за угол.

– Эй, нам надо придумать какую-нибудь легенду? – быстро спрашиваю я. – Мне интересно, как мы будем объясняться с копами, когда они остановят нас, чтобы выписать штраф Рокси.

Я шучу только отчасти, но Кристиан и Джэксон оба смеются.

– Мы работаем в театре «Средневековые времена», – говорит Райан с переднего сиденья.

Интересно, что, если он действительно это делает? Может быть, он занимается этим, когда исчезает? Сэр Райан из Пеннитуэйта. Я подшучивала бы над ним до конца времен.

– И если до этого дойдет, Стэн пьян.

– Но ты не волнуйся. – Джэксон качает головой. – Копы ничего не спрашивают. А когда спрашивают, это не непосвященные копы, а другие охотники, которые доставляют нам неприятности.

– Есть охотники, работающие копами? Seriously? – Не знаю, почему я удивлена; охотники, похоже, тяготеют в профессиям в униформах.

– Конечно. Охотники работают везде. Мы повсюду – или пытаемся быть повсюду. Это намного упрощает жизнь. Охотник, работающий полицейским, может потянуть за ниточки и спрятать улики лучше, чем охотник, работающий в «Таргете». – Джэксон ухмыляется, а Кристиан хмурится.

Должно быть, это камень в огород бейсболок.

– Так, значит, большинство охотников, работающих полицейскими, носят федоры? – догадываюсь я.

Кристиан снова морщится:

– Да, но они не охраняют Двери.

Я постепенно постигаю иерархию охотников.

– Значит... охотники, охраняющие Двери, лучше, чем охотники, не делающие этого? – вслух предполагаю я.

– У охотников, охраняющих Двери, просто есть свои посты. Охотники, которые не стерегут Двери, делают другие вещи, например контролируют, чтобы демоны, которым удалось сбежать, были уничтожены, – объясняет Джэксон.

Кристиан фыркает.

– Хорошие охотники, охраняющие Двери, не позволяют ничему сбежать, – говорит Кристиан.

Его акцент стал отчетливее, видимо, он не в духе.

– Я не стараюсь никого обидеть, – говорю я слишком громко.

Райан отвлекается от разговора с Рокси и смотрит на меня.

– Элли, просто заткнись! – резко командует он.

– Сам заткнись! – отвечаю я.

Джэксон и Кристиан переводят взгляды с Райана на меня и смеются; Кристиан смеется громче и качает головой.

Джэксон пихает Кристиана в руку.

– Значит, вот оно как, – говорит Джэксон. – Для нее эта тема запретная.

– Ничего подобного. – Я раздражена и не хочу говорить об этом. – Я просто хочу знать...

– Можно немного тишины? – спрашивает Рокси.

Она тоже говорит грубо. Отлично, мы все не в духе. Наверняка это будет здорово для нас – сражаться спина к спине. Если они позволят своему банку крови сражаться.

– Элли, надень чертову шляпу.

– Я отказываюсь принимать участие в этой нелепой партизанской войне шляп, – язвительно говорю я. – Можете оставить свои шляпы при себе.

– Тебе надо будет что-то, потому что, когда мы войдем в Дверь, – говорит Кристиан, похлопывая меня по ноге, – нам ни к чему, чтобы ты металась от одной фракции к другой.

Я достаю солнечные очки из кармана плаща.

– У меня есть очки. Я организую новую фракцию, – объявляю я.

– Годится, – кивает Джэксон. – Нам нужна свежая кровь.

– Элли обучит команду задир-охотников в очках. – Кажется, Райан сдерживает смех. Его голос также выдает его возраст, что странно. – Они будут сражаться с силами безвкусной моды повсеместно.

Это грубо даже для Райана.

– Что ж, никогда не знаешь. – Я мило улыбаюсь, надевая очки. Я купила их в аптеке, по бокам у них стразы. – Мое чувство стиля может спасти тебе жизнь.

– Наверняка, – отвечает Райан. – И тогда...

– Вы все, заткнитесь! – рявкает Рокси, и мы умолкаем.
Полагаю, все-таки главная – она.

Рокси любит свою Дверь, насколько охотник может любить ее. Она подтверждает это, говоря, что ее Дверь очень легко охранять. Мы идем к ее Двери, потому что она достаточно велика для того, чтобы мы вчетвером одновременно прошли в нее, к тому же рядом есть бесплатная парковка. Охотники – скряги.

Когда мы подъезжаем к театру в Шипшед-Бей, Райан снова превращается в Темного Рыцаря-Охотника и берет ситуацию под контроль. Дверь – кованое железо, как у меня и в торговом центре, и она не говорит со мной, но я слышу, как она бормочет что-то дружелюбное Рокси, – втиснута в дальний угол балкона. Налево – завешенная ковром стена, направо – большая куча коробок с наклейками «Повидловый ароматизатор», перегораживающих путь к сиденьям на балконе в этой стороне. Куча в полном беспорядке – уверена, что это Рокси ее навалила и делает это каждый раз после того, как театральные уборщики наводят порядок.

Райан кивает:

– Хорошо сделано. По-фермопильски.

Понятия не имею, о чем он, и думаю, Рокси тоже не в курсе, потому что она бросает на него сердитый взгляд. Она указывает на Дверь ножом, на ходу, возможно случайно, отрезав щупальце черноты, которая, я только что заметила, высовывается оттуда. Не особенно дружелюбно.

– Они выходят оттуда, – говорит она. – Им некуда идти, только ко мне. Я их убиваю.

Райан моргает:

– Я это и имел в виду.

Кристиан и Джэксон хихикают. Из-за дурацкой вражды между фракциями они наслаждаются, наблюдая стычку стетсонов. Рокси хмурится сначала на них, потом на меня, потому что я в стороне. Я широко улыбаюсь. Она отсекает еще одно щупальце, на этот раз не глядя.

Я думаю про себя:

«Однажды я хочу стать такой же крутой. И такой же ужасной».

– Ладно, – говорит Райан, – пора идти. Есть информация напоследок?

Кристиан поднимает подбородок:

– У меня. Я опять звонил Нарнии, пока вы... – он бросает косой взгляд на меня, потом переводит глаза на Райана, – отсутствовали. Она сказала, что гадает по внутренностям. Они говорят, что надо взять с собой что-то нужное, чтобы найти путь через Двери, и оставить что-то свое позади, чтобы вернуться домой.

Джэксон серьезно кивает:

– И больше не звонить ей.

Кристиан утаскивает федору Джэксона и мнет ее, чтобы она потеряла форму. Они ухмыляются друг другу. Полное взаимопонимание.

– Что-то, что нам надо? Мы не знаем, что нам надо. Потому и идем.

Рокси ударяет по коробкам из-под пищевых добавок и потом мрачно бормочет под нос, аккуратно возвращая их на место.

– Ведьмы, – глубокомысленно говорю я. Они все смотрят на меня. Черт, это значит, я должна сказать что-нибудь умное. – Это аллегория?

Райан закатывает глаза, потом смотрит на Дверь и снова на меня:

– Что нам надо найти?

Я знаю, я сердита... но это то, что мы делаем. Я поднимаю брови:

– Ответ?

– На какой вопрос?

– Куда переместилась моя Дверь.

Он отмахивается от моих слов:

– Мы даже не знаем, связано ли это. Нам надо справиться с симптомами, перед тем как мы хотя бы задумаемся о проблеме.

– Ладно, – соглашаюсь я. – Симптомы. Почему появилось больше Дверей?

Он качает головой:

– Полагаю, нам стоит оставить метафизику Нарнии. Забудь «почему».

Рокси наблюдает за нами, теперь она выглядит менее расстроенной.

– Нам надо действовать. Как остановить увеличение их количества? – рассуждает она.

Я закусываю губу:

– Слишком просто. Это лишь один пункт. А нам надо все в целом. Замедлить увеличение, снизить активность...

– Контроль, – говорит Райан.

Кристиан тоже начинает раскачиваться. Как будто они никогда не слышали о мозговом штурме. Где они были, когда по телевизору показывали три семинара по лидерству?

– Нельзя, – говорит он. – Двери – это Хаос, это Ад. Это территория богов – богов, которые знают подлинные имена, и я не думаю, что мы найдем кого-то, желающего помочь, за Дверью.

– Подлинные имена? – спрашиваю я, потому что я легко отвлекаюсь.

– Ты думаешь, Рокси – это мое настоящее имя? – спрашивает Рокси с улыбкой.

Райан в этот момент очень внимательно рассматривает Дверь. Очень-очень внимательно.

– Я знаю, что у всех вас бзик на именах, – медленно говорю я.

Ох, если Райан – это его ненастоящее имя, я его убью. Или буду звать Найджелом.

Я буду называть его Найджелом вечно. Кристиан пожимает плечами:

– Твое настоящее имя – не Элли, верно?

– Меня зовут...

Райан поворачивается и через мгновение оказывается рядом. Его рука закрывает мне рот. Он заглядывает мне в глаза.

– Никому не говори свое подлинное имя. Это же ты, – говорит он. – Это сильнее, чем соль.

Его глаза... я просто... я не могу. Его глаза пылливо смотрят в мои, они обеспокоенные, молодые, старые, испуганные. Я киваю, и, поскольку не могу не вспоминать о шести годах, когда я хотела его, я касаюсь языком его ладони.

Он закрывает глаза и шумно втягивает воздух. Теперь я знаю: как бы его ни звали, ему это нравится.

– Хватит, влюбленные пташки, – говорит Рокси. – Вы думаете, мы не стоим на краю бездны?

Райан делает шаг назад.

– Сильнее, чем соль, – повторяет он и потом переводит взгляд на Рокси. – Это то, что надо оставить позади. Чтобы снова найти путь домой. Привязать нашу кровь к этому измерению солью, и тогда мы вернемся.

Рокси обдумывает эти слова и кивает:

– Хорошо. Мне это нравится. Но что мы возьмем с собой?

Если соль – ответ на вторую часть загадки, то... бьюсь об заклад, я знаю ответ на первую.

– Соль связывает, серебро исцеляет. Мы хотим исцелить Двери – сейчас они вышли из строя. Равновесие нарушено. Мы хотим исцелить все.

И в этот момент я думаю о Стэне. Хотя не произношу вслух. Он мешком лежит на полу там, где Джэксон оставил его съездившегося в комочек. Он выглядит так же, как в день, когда я с ним познакомилась, – двенадцатилетним, взъерошенным и веснушчатым.

И теперь он без сознания. И забыт. И укушен.

Мы исцелим все.

– Серебро, – говорю я теперь. – Мы возьмем с собой серебро.

Джэксон колеблется:

– Серебро пробуждает Двери-ищейки. Мы умрем.

Райан говорит:

– Только нечистое серебро, и мы все отмечены им, для начала, разве что ты заранее предусмотрел, чтобы все твои шрамы прижигались исключительно чистым серебром?

Все выглядят растерянными. Я лишь прижимаю руку к обожженному серебром животу. Райан продолжает:

– Но может быть, никто из нас не умрет. И как бы то ни было, считаю, что Элли права.

Хотя я, будучи бедной непосвященной дурочкой, благодарна за эти слова, я тем не менее хочу знать.

– Двери-ищейки?

– Прекрати задавать вопросы, – говорит Рокси. Она сужает глаза и смотрит на нас. – Нас пятеро. Думаю, что только один погибнет, не больше.

– Нас шестеро, – поправляю я ее. – Стэн тоже идет.

Она кривит лицо. Хотя это была ее идея, для нее он – зло.

– Значит, шестеро. Может быть, нам удастся уберечь одного из вас двоих. – Она говорит о крови.

Спасибо за напоминание.

Райан смотрит на меня. И отводит взгляд. Думаю, он тоже вспомнил. Отлично.

Я надеваю очки. Ничего не вижу, но плевать. Я здесь, чтобы развлекаться.

– Давайте сделаем это, – говорю я.

У Джэксона нож меньше, чем тесак Рокси, и он говорит, что нож чистый, так что я не сильно дергаюсь, когда он надрезает мой палец. Выступает кровь, и я посыпаю ее солью для «Маргариты» (крупная соль не так печет – вот какие вещи доводится узнавать), потом вытираю палец о стену зала. Ой, как жжет!

Когда он заканчивает делать порезы остальным и пока они делают отметины в этом измерении, я беру нож Джэксона и делаю надрез на пальце Стэна. Кто-то же должен это сделать. Ему тоже надо найти путь домой.

Его кровь темная и маслянистая.

Я вспоминаю вечеринку по случаю четырнадцатилетия Стэна. Мы ускользнули от детей, которых заставили пригласить его родители, и от «друзей семьи», которых родители позвали, чтобы было с кем посплетничать, и пили охлажденное малиновое вино у него в комнате. Он плакал и признался мне, что, кажется, ему нравятся мальчики. Позже я поддерживала его, когда он позвонил Аманде и сказал ей об этом. Секунду Аманда ничего не говорила, а потом засмеялась и начала перемывать косточки всем мальчикам в классе, с которыми, по ее мнению, ему следовало бы попробовать.

Я не хочу, чтобы Стэн умер.

– У нас есть серебро? – спрашивает Райан.

Рокси кивает и достает вещевой мешок, один из тех, что я помогала ей упаковывать. Она объяснила, что хочет оставить запас серебра перед Дверью, на случай если придется исцелять раны, которые мы можем получить в адских мирах. Мне кажется, с ее стороны это очень преждевременно – думать, что мы выберемся из Адов живыми. Она даже не называет их Ады – она зовет их «потусторонние миры».

Пока она копается в вещмешке, из основания Двери, извиваясь, вытягивается большое щупальце тьмы и осторожно обвивается вокруг щиколотки Рокси. Она протягивает руку и, я готова поклясться, гладит щупальце, перед тем как отодрать его от ноги.

Дверь хнычет. Их отношения очень, очень странные.

– Вот, – говорит Рокси, – серебро для всех. Талисман на шнурке – моя опытная рука определяет, что это шелк, – который Рокси протягивает мне, – это анк, египетский крест.

Я ошупываю его секунду. Он удивительный. Анк символизирует вечную жизнь, но я не спец в символизме. Так что, и место того чтобы надеть его себе на шею, я надеваю его на Стэна. На мне и так уже шелковые трусы, не хватало только шелкового колье. И Стэну

нужна вечная жизнь больше, чем мне. В этом измерении ему остался час, может быть, два максимум, перед тем как он навсегда превратится в оборотня. Зеленоватый гной больше не сочится из ранки, она размером с булавочный укол, но светится зеленым. Нехороший знак, совсем нехороший.

Рокси качает головой, но дает мне еще один талисман. А, Печать Соломона. Жаль, я не взяла ту, что подарил мне Райан. Эта Печать самая изощренная из тех, что я видела, и на ней много надписей, которые я не опознаю. Наверное, на иврите. Та, что у меня под подушкой, – это простое сочетание линий и точек. Тоже действенная, менее красивая и намного более тяжелая. Эта Печать висит на кожаном шнурке. Я надеваю ее на шею.

Серебро холодит мне грудь. В коже ламии я смотрюсь круто – без лифчика, но куртка достаточно тесная, чтобы подчеркнуть что надо. Если бы это был боевик, я бы точно стала главной героиней. Или, по меньшей мере, лучшей подружкой героини.

Вот только моя лучшая подруга – Аманда, и она не отправляется в Ад. Слава богу. Я звонила ей кучу раз по пути в кинотеатр. Но ответа нет, только автоответчик. И я рада. По крайней мере, у нее есть шанс не умереть прямо сейчас.

Райан смотрит на меня:

– Ты готова? – Райан достает свой нож – я единственный человек в мире без ножа, клянусь, – и протягивает его мне. – Сила в боли, причиненной добровольно, – говорит он мне.

Я морщусь и колю себе палец. Приходится надавить посильнее, чтобы пошла кровь, потому что я снова сделала недостаточно глубокий порез, но я не буду трусить. Я позволяю капле упасть и затем брызгаю ее на Дверь. Или надо сделать как-то по-другому?

Дверь смеется надо мной.

Она смеется и ничего не делает, и все пялятся на меня, и это... это неправильно, Дверь. Так не должно быть. Если это все, что я могу сделать для этих людей, если это все, чего я стою, ты возьмешь эту чертову кровь и откроешься для этой команды и...

– Возьми это! – наконец кричу я. Мысленно я говорю, как Двери, и приказываю: «Ты знаешь меня. Откройся. Сейчас».

Дверь недовольно рычит, длинным низким рычанием, как гром, и затем открывается. Здесь нет ворот. Нет пурпурного свечения. Она выглядит как любая дверь, ведущая в холодный подвал, или на безмолвный чердак, или в какое-то человеческое место, где чувствуешь себя некомфортно.

Рокси выходит передо мной, делает глубокий вдох и ступает в Дверь.

Она исчезла.

Из открытой Двери дует ледяной ветер. Джэксон и Кристиан следующие, они несут Стэна. Остались только я и Райан. Он берет меня за руку.

– Когда пройдешь, подожди меня, а потом капни еще каплю и скажи, что ты там сейчас говорила Двери. Она должна сделать... что-то. Что-то полезное. Готова? – говорит он, глядя на меня, держа мою руку в своей, а его глаза...

Я приподнимаюсь и прижимаюсь губами к его рту. Если мне надо идти, я сделаю это стильно. Прижимаясь к моим губам, он притягивает меня к себе, его пальцы скользят по застежкам моих кожаных брюк.

Я отодвигаюсь первой. Я отодвигаюсь и оборачиваюсь на Дверь. Я так зла – она так много отбирает у меня. Она даже сделала поцелуй другим, не таким, каким он должен быть.

«Ты сука, – думаю я в ее адрес. – Ты никогда не победишь».

В ответ мне доносится что-то вроде смешка, но к черту. К черту!

Я делаю глубокий вдох, прислоняюсь к Райану и затем проскальзываю в Дверь, и Райан прямо позади меня. Он такой теплый, он источает жар, и я тоже горю, я горю изнутри этим огнем, этим синим пламенем, которое никогда не погаснет, синим пламенем, которое убивает демонов, синим пламенем, которое убивает меня.

Внезапно наступает небытие.

Я открываю глаза, почувствовав прикосновение руки Рокси. Я ощущаю ее так же, как ощущаю Райана и демонов. Так же, как ощущаю Аманду (водка, медленно разлагающаяся печень и блеск для губ с ароматом «Доктора Пеппера»¹³), которым она пользовалась годами, потому что я его ей подарила); Стэна (несвежий макияж и секс, который никогда полностью не смывается, и запах горелого пластика от идеально исполненного трюка на стене на высококлассном скейтборде); так я ощущаю закусочную (хлорка, блины, тушеное мясо, кровь); так я почувствовала мертвых под магазином (кровь, кровь, медь, железо, кровь и ужасные, мерзкие цветы).

Я никогда прежде не осознавала, что могу так ощущать, но, стоя здесь, в морозной долине из красного песка с пеплом, словно снег, плававшим в воздухе, я могу чувствовать все и могу вспомнить запахи, которые хранятся во мне, а я этого и не знала.

Я ощущаю Рокси как теплую змею, она горячая, словно чешуя на солнце, скользкая. Мне холодно и хочется обернуть ее вокруг себя, словно электрическое одеяло. Вот только внезапно я вижу ее, открыв глаза от прикосновения горячей руки, – на ее ладони змеи, на руках тоже. Повсюду вокруг нее змеи.

Пожалуй, я погожу заворачиваться в нее.

Но эти змеи... это аватары? Охотники сказали, что здесь будут аватары, но я, скорее, ожидала светящиеся фигуры, спускающиеся с небес, или что-то подобное, они укажут нам дорогу и будут говорить загадками. Может быть, так и окажется. Может, Рокси просто в глубине души змея.

Я смотрю на себя. Змей нет. Слава богу. Просто кожа и синее пламя... и, кажется, что-то промелькнуло на границе видимости. Надо будет спросить, что это – то, чего я не вижу. Я не хочу быть тем, чем не являюсь, особенно если это что-то вульгарное. Кто хочет быть вульгарным? Сидеть тут, лишиться всех денег, пройти через искупляющую бедность.

Я смотрю на Стэна. Его дыхание стало легче, это хороший знак? Плохой? Он никак не изменился. Ничего нового, дополнительного. За одним исключением: он пахнет местом, к которому принадлежит.

Мне не нравится, что теперь он принадлежит Аду.

Отрывистый хлопок доносится сзади; я поворачиваюсь – это Райан выступает из Двери. Я вижу, что на него, словно диапозитив, наложилась прозрачная женщина, она копирует его движения. Она выглядит как... – да, она похожа на древнюю египтянку, какими мы их видели. Она красивая и одновременно пугающая. Она что-то несет с собой и одета во что-то красное и обтягивающее, слишком легкое для здешних температур.

Райан подходит ближе, и диапозитив двигается вместе с ним, позади египтянки еще одна женщина, с крыльями, она окружена звездами. Когда она двигается, за ее спиной я вижу еще один призрак, последний в очереди, – это просто львица с рыжевато-коричневой шерстью и большими золотыми глазами. Райан – явно сложная натура. Удивил меня. Он последний, так что я режу палец и роняю каплю крови на землю.

– Ты знаешь меня, – громко говорю я, чувствуя себя глупо.

Но это сработало раньше и на расстоянии (очень далеко), мне кажется, я слышу, как Дверь говорит: Здравствуй, Элли.

Это все, что случается после того, как я роняю каплю, так что я пожимаю плечами и указываю направление. Мы оказались в долине – здесь есть горы с огнем, где расположена следующая Дверь, за пургой из пепла и под красно-черным небом. Туда нам и надо. Элли, экстрасенс-любитель, теперь с дополнительной функцией компаса. Похоже, это далеко

¹³ «Доктор Пеппер» – безалкогольный напиток со вкусом вишни, производимый компанией «Кока-Кола».

отсюда, и ничто не защитит нас от жалящего ветра на всем пути.

– Полагаю, это Кур, – говорит Райан. Вместе с ним говорят как минимум два голоса, а то и три. – Значит, мы в очереди шумерских Адов. Доставайте платки.

Шумерских? Что? По-видимому, я произношу это вслух, потому что Рокси спокойно отвечает:

– Он не знает, дорогуша. Точно не знает. Пойдем. Я скажу тебе, если надо будет менять планы. – Она говорит, как шипит.

Не уверена, что это успокаивает.

Я стягиваю бандану с головы на нос, ветер ерошит волосы и жалит щеки, но я не хочу дышать этим пеплом. Моя бандана розовая, у всех остальных – черные. Я полная индивидуалистка. Я наклоняюсь и прикрываю лицо Стэна платком, раз никто об этом не побеспокоился. Я беспокоюсь. Это важно. Только после этого я достаю резинку из кармана и связываю волосы в хвост.

В голосе Кристиана слышится клецанье. Он выглядит как гигантский паук, или он и есть гигантский паук, или его всего покрывают пауки. Я не уверена; когда я моргаю, все движется, и я не могу толком разглядеть.

– Джэксон, где...

Его здесь нет. Я, наконец, замечаю. Он струсил? Я наложила чары узнавания слишком быстро? Он не вошел вместе с Кристианом? Он...

Райан смотрит на меня, вздыхает и отворачивается. О...

Джэксон, должно быть, погиб. Первый из нас. Я знала, что это случится, Рокси ведь говорила, что один из шести, если повезет, и я надеялась, что это буду не я, а Джэксон сказал, что серебро убьет нас, и... «Это моя вина», пытаюсь я сказать, слова рвутся наружу, все, что происходит в последнее время, – моя вина, но все, что мне удастся выдать из себя:

– Джэксон...

– Пошли, – командует Кристиан.

Он натягивает бейсболку на глаза и перекидывает Стэна через плечо. Он идет в направлении, которое я указала, и не оглядывается.

Мы бредем по песку, холод пробирается сквозь сапоги, и мои ноги немеют. Небо темное. Я провожу пальцами по железной цепи на поясе. Я чувствую себя лучше с железом. Железо убивает, железо убивает, железо убивает, железо убивает.

Передо мной Кристиан все щелкает и щелкает. Мы идем по подъему, приближаясь к тем горам. Двери замедляют время, но в самом Аду все движется быстро. Ирония, да?

Теперь мы идем по тропинке. Должно быть, в Аду есть горные козы. Поворачиваем за угол – и натываемся на тело Джэксона. Оно наколото на пять колышков – голова, сердце, гениталии, обе ладони. Его окружают трепещущие крылья – это крошечные вампиры. Или просто бабочки. Не знаю. Он мертв. Это все.

Ад холодный и гористый, и мне хочется остановиться, но сомневаюсь, что это возможно. Мы оставляем Джэксона позади.

Рокси берет меня за руку и сжимает. Я чувствую, как змеи скользят по мне, горячие и сухие. Каждый раз, закрывая глаза, я вижу ладонь Джэксона, пронзенную колом, его железный нож лежит рядом, кожа ладони не тронута, за исключением того места, где в спину вонзен кол.

Мы не можем взять его с собой. Мы и так уже тащим на себе мертвую тяжесть Стэна, однако мы всегда оставляем людей позади. Охотники не могут возвращаться.

Я испугана и дрожу.

Долина, где мы вошли, осталась теперь далеко позади, и я едва слышу ее Дверь. (Хотя то, что я слышу, – это нежное гудение, словно колыбельная. Бросает в дрожь.) Следующая Дверь, однако, по моим ощущениям, не стала ближе. Не знаю. Мы идем уже давно, и Кристиан сгрузил Стэна на Райана. Я предложила помочь, но Райан покачал головой, и Рокси пояснила:

– Мы не можем объединять вас двоих.

Я полагаю, это значит, что если кто-то нападет, то хоть один из нас уцелеет, двоих одновременно не съедят. Рада слышать, что прагматический подход сохраняет силу.

Для Ада это место удивительно пустое. Интересно, что за демоны выходят отсюда к Рокси? Я думаю о ее шрамах.

Райан останавливается; рядом с тропинкой – голова пласта, голый камень, очищенный ветром от песка и пепла. С одной стороны отвесный утес – Райан направляется к нему и усаживает Стэна на землю. Райан сильнее кутается в плащ и кивает мне.

– Здесь, – говорит он под аккомпанемент голоса египтянки.

Он достает из кармана старый сточившийся карандаш и протягивает его мне. Я не знала, что бывает карандаш телесного цвета. Черт, Райан, прекрати эти сверхъестественные фокусы.

Мне хочется произнести это вслух. Хочется-хочется-хочется. Но я не в состоянии. Египтянка говорит:

– Нарисуй круг. Капни туда свою кровь. Защити это место.

Карандаш – он скорее розовый, чем телесный, и в любом случае сейчас ничья кожа не имеет такой цвет, о боже мой, большое тебе спасибо, – слишком прозрачный, его почти не видно на красной скале. Я рисую нечто вроде корявого овала по всей скале, потому что кому хочется стеснять себя? Сначала надо оттащить Стэна от утеса, он шлепается набок, и это выглядит очень смешно. Когда я заканчиваю, Райан жестом подзывает Рокси и Кристиана, я укладываю Стэна у наших ног. Я оглядываюсь в поисках ножа, чтобы ткнуть себе в палец. Как он у меня будет болеть после всего этого...

Я ищу нож Джэксона, потому что он самый чистый. Проклятие!

Рокси протягивает мне свой большой нож, которым она резала всякие мерзкие штуки, и он грязный. Я качаю головой и вынимаю нож Райана из петли на поясе.

Втыкаю его в большой палец, и кровь капает на землю. Кому какое дело, если я подцеплю стафилококк? Я и так уже в Аду.

Как только моя кровь касается земли, голос возвращается ко мне. Я едва не давлюсь словами, которые собиралась произнести. Как смеет Ад, Кур... или как его там... отбирать у меня голос? Черт бы их побрал. Но я знаю, что то, что я скажу первым, должно быть, важно.

– Ты знаешь меня, – повторяю я, и телесный карандаш вспыхивает, и я слышу шепот, шепот.

Элли.

Здравствуй, Элли.

Мы ждем.

Элли.

Элли.

Здесь так много Дверей. Так много. Они повсюду. Самая громкая – напротив огненной горы – внезапно оказывается намного ближе, поэтому я думаю, мам надо все-таки идти туда. Но сколько здесь Дверей? Сколько Адов?

Сейчас меня волнует еще одна большая проблема. Я капнула лишь каплю крови, и Двери начали петь мне песни. Еще больше крови мне предстоит отдать. Когда ее окажется слишком много? И что тогда случится?

Что бы ни освободило мой голос, оно освобождает и других. Райан говорит своим собственным голосом:

– Может появиться Эрешкигаль¹⁴. Надо вести наблюдение.

Рокси фыркает и, скрестив ноги, садится подальше от нас – наблюдать за горой, к которой мы направляемся. Она потирает колено рукой, и я задумываюсь, сколько ей лет.

Кристиан садится рядом с тропинкой, лицом туда, откуда мы пришли. Паук щелкает, и щелкает, и щелкает. Паук, должно быть, щелкает уже несколько часов, и это действует мне

¹⁴ Эрешкигаль – в шумеро-аккадской мифологии богиня, властительница подземного царства (страна Кур).

на нервы, но, должно быть, он расстроен из-за смерти Джэксона.

Райан садится между мной и Стэном.

– Если бы Джэксон был жив, что бы я увидела? – громко спрашиваю я.

Райан пялится на меня, паук Кристиана щелкает еще громче, а Рокси пожимает плечами не оборачиваясь.

– Я никогда не ходила с ним в Дверь. Черт побери, дорогуша, я вообще никогда не была здесь. Я не знала, что я змея.

Я обращаюсь к Райану:

– Рай, а ты ведь знал об этой женщине, верно?

– Нет, – отвечает он.

Женщина расprostерлась по обе стороны от Райана, а львица стоит позади, глядя на меня через его плечо.

– Кто они? – спрашиваю я.

Он хмурится, но не успевает ответить, как Рокси тихо смеется и говорит:

– Я узнаю Изиду.

Она оглядывается на нас через плечо. Змеи шипят.

– Из потустороннего мира, спасает своего мужа. Богиня волшебства. Все знают Изиду.

Египтянка – Изидида – улыбается. Ее улыбка бросает в дрожь.

Я не обращаю на нее абсолютно никакого внимания.

– А кто вторая? С крыльями?

Она тоже мне улыбается, еще более зловеще, чем Изидида.

Рокси рассматривает Райана щурясь.

– Иштар? – предполагает она.

Когда Райан улыбается, обе женщины тоже улыбаются и львица распахивает пасть.

О да, точно мороз по коже.

– У меня от тебя мороз по коже, мне страшно.

– Иштар. – Райан произносит это как-то по-другому, в этом имени звучит что-то склизкое, звучит смерть. – И не Изидида, а Исида. – Как по мне, это одно и то же. Плюс один балл за то, что его аватары – три богини, минус миллион баллов за то, что он сосунок.

– Ладно, – соглашаюсь я. – А львица?

Рокси пожимает плечами:

– Не в курсе.

Райан оборачивается и минуту смотрит на львицу. Поворачиваясь обратно, он меняет тему.

– Думаю, Стэн не проснется, – говорит он.

Стэн бормочет:

– Не хочу.

Он жив! Но внутри его демон. Я в расстройстве. Райан наклоняется и расправляет платок так, чтобы он закрыл глаза Стэна. Райан бросает взгляд на меня:

– Не позволяй ему что-то увидеть, Элли.

– Почему?

– Потому что я так сказал, черт возьми. – Он выглядит уставшим и постаревшим. Он трет глаза и продолжает: – Прости. Ему нельзя видеть, где он, потому что не только он будет смотреть. Теперь внутри его оборотень – он увидит Кур, и, что хуже, Кур увидит его. Они проследят за ним.

Райан встает, прикрывает лицо полями стетсона и идет к Кристиану.

Я смотрю вниз. Стэн пытается сесть. Невнятно бормочет:

– Элли, что за черт...

Он берется за платок, и я отвожу его руку:

– Привет, Стэн. Не трогай это.

– Но я ничего не вижу, – ноет он.

– Я знаю, – говорю я. – В любом случае тут нет ничего приятного. Просто слушай меня,

ладно? Ладно? – Он наконец кивает, и я прислоняю его к себе. Утыкаюсь носом в его волосы. Он пахнет сигаретами и роскошью. – Что ты помнишь?

Я чувствую, как он кривится у моего плеча.

– Я шел домой. Нет, я шел в закусочную. Я только что провел дивное время с Мэттом – я тебе рассказывал о Мэтте?

– Нет.

Он говорит почти застенчиво.

– Я познакомился с ним пару недель назад. Он такой классный, Элли, он такой... помнишь, когда мы были детьми, бывало, представляли себе идеального спутника жизни? Он как раз такой парень, с каким я хотел бы провести жизнь.

Я всегда хотела выйти замуж за красивого и богатого, Аманда – за сексуального и знаменитого. Стэн, конечно, мечтал о настоящей любви. Больше ничего не помню, я ужасный друг.

Я глажу Стэна по волосам.

– Расскажи мне о нем, – прошу я, пытаюсь, чтобы это звучало не внушением, а просто дружеской болтовней.

– У него такие глаза, Элли, и он так танцует. Он любит ту же музыку, что и я, клубную, а еще ему нравится классическая. Он играет на фортепиано. Его руки...

Стэн умолкает и чихает мне в шею. Я начинаю плакать. Потому что это мой друг, мой лучший друг, и он умирает. Он умирает, и я ничего не могу с этим поделать. У него нет аватара. Он пахнет так, словно принадлежит этому месту. И его рука перестала светиться. Нет даже следа в том месте, куда его укусил оборотень. Он теперь целиком внутри Стэна.

Пока он рассказывает мне о Мэтте, я плачу, потому что выхода нет. Выхода нет, ничего не поделаешь, ничего не исправишь.

– И тут я услышал какое-то странное жужжание, Элли, знаешь, как было у меня с ушами, когда мы пробовали амилнитрат?

– Нитрит, – автоматически поправляю я. Шмыгаю носом и пытаюсь вытереть глаза рукавом кожаного плаща, который явно был сделан не для этого. – Да, помню.

Такие звуки они и издают – жужжат, как бабочки или пчелы или еще что-то с быстро движущимися крыльями. Похоже, демонам нравится принимать форму насекомых, тех видов насекомых, которые допекают людей тысячи лет. Это отличная маскировка, ведь так?

– Жужжание... – Стэн снова умолкает и теснее прижимается ко мне. – Мэтт жужжал, Элли. И потом он оцарапал меня ногтем, и я тоже зажужжал, и я не помню... там был парень в кожаном плаще, он привел меня к тебе.

– Это Райан, – говорю я Стэну.

Боже мой, он не помнит даже Райана. Не могу успокоиться.

– Райан – твой бойфренд? – Стэн пытается быть беззаботным, но по его голосу слышно, что он знает, что-то не в порядке.

Сомневаюсь, что он знает, что умрет или превратится в демона, жужжащего паразита, который убьет меня, как только увидит.

Сомневаюсь, что Стэн знает это, но он чувствует, что дела очень-очень плохи.

– Да, Райан – мой бойфренд, – говорю я в волосы Стэна.

– Ну, давайте, ребята, – произносит Стэн, и мне кажется, он действительно рад за меня. Несмотря ни на что, он рад за меня. Боже, я такая дрянь.

Я слышу смешок – это Райан присел на корточки рядом со мной.

– Я предпочитаю термин «вторая половина». Бойфренд – это так банально.

Я смеюсь и смеюсь, пока снова не начинаю рыдать, потом я прислоняюсь к Райану и всхлипываю в его чертов плащ, потому что мой лучший друг скоро умрет, и это моя вина. Джэксон умер, и это тоже моя вина. Мы по уши в дерьме, мы в Аду, мир, похоже, гибнет, и это все моя вина.

Стэн засыпает. Я тоже. Наверное, не очень умно спать в Аду. В компании оборотня в стадии трансформации. В пронзительном холоде.

Может быть, мне плевать.

Свет не меняется. Пепельный снег ударяется о края моего круга и кружится в танце. Я закрываю глаза. Последнее, что я вижу, — как Рокси трет колено. Последнее, что я чувствую, — легкое прикосновение к моим волосам.

Я просыпаюсь оттого, что кто-то очень-очень громко говорит.

Открыв глаза, вижу дракона с лицом змеи, извивающегося в черном небе над нами.

Стэн спрашивает:

— Что, черт возьми, происходит? — и пытается снова снять платок.

Я прижимаю платок к его глазам.

— Я скоро скажу тебе, — говорю я, надеясь, что это не ложь.

— Ритуалы! — кричит дракон. — Есть ритуалы, которые должно исполнять в загробном мире!

— Назад! — командует Рокси.

Она стоит на краю нашей скалы, обнажив ножи, ее шрамы, словно змеи, горят ярким серебром. Она изгибается, балансируя на краю, яростно и широко улыбаясь.

Кристиан медленно двигается, не обращая внимания на Рокси, он занимает позицию позади нее, его паук припадает к земле, расставив лапы и приготовившись к прыжку.

Райан не спешит им на помощь. Вместо этого он подходит ко мне, и я не понимаю зачем, но потом вспоминаю, что Рокси говорила раньше, насчет банка крови.

— Знаю, — сердито говорю я. — Держи его.

Я помогаю Стэну встать и толкаю его к Райану. Райан неловко подхватывает его. Стэн хватается за кожаный плащ Райана и что-то бормочет насчет Мэтта, который его действительно любит; лицо Райана ничего не выражает. Черт бы его побрал!

— Ритуалы!

Дракон, извиваясь, летит по небу, громада яростных мышц и чешуи, плывущая сквозь вихри как угорь сквозь водоворот. Он приближается.

Райан отворачивается от меня и тащит Стэна за собой.

— Ты Эрешкигаль? — кричит он змееподобному.

Рокси не отводит взгляда от приближающегося к нам дракона, но все ее змеи извиваются и кричат; не дай бог еще раз услышать такие крики. Дракон не отвечает.

— Ты Нети? — снова настойчиво спрашивает Райан.

Пасть дракона величиной с пять человек моего роста. Я знаю это, потому что он только что распахнул ее, и я четко увидела, что подхожу по размеру.

Райан еще что-то выкрикивает, на этот раз, судя по всему, на шумерском. Дракон качает головой и приближается. Ножи Рокси сверкают. Она собирается ступить за пределы круга. Кристиан просто смотрит вверх, его руки пусты, он ждет.

И наступает мой черед.

Я — девушка, которая управляет закусочной. Это даже не моя закусочная. Я переспала с парнем, о котором мечтала годами, и теперь все, чего он хочет от меня, — это магия крови. Мой лучший друг умрет, если мы не сможем излечить его в Аду. Я не знаю, где моя лучшая подруга и надо ли радоваться, что она скрылась, а это значит, что она сегодня не умрет.

Надо мной дракон, и я ощущаю его гнев. Но я тоже сердита, черт возьми.

Элли.

Это просто шепот. Но я знаю этот шепот. Это Дверь за горой. Элли. Тебе что-то надо, Элли? Дракон подлетает к нам. Он балансирует в воздухе перед Рокси. Когда он распахивает пасть, Рокси орет и прыгает к нему, пытаясь добраться до его глаз и носа. Ей удается отсечь кусок плоти рядом с пастью; кипящая кровь проливается на камни в опасной близости от наших ног.

Дракон визжит без слов, и Рокси падает спиной на скалу, тяжело дыша. Порез на драконе затягивается, словно его и не было.

Ты чего-то хочешь, Элли?

Осталась одна только мысль: прочь отсюда, прочь, прочь прочь прочь.

Сделано, шепчет Дверь, и горы сворачиваются вокруг нас, шепчущая Дверь распахивается рядом со мной, я выхватываю Стэна у Райана и толкаю его внутрь. Райан смотрит на меня, он выглядит... Ладно, он может разочароваться во мне позже, когда мы будем живы и в другом месте. Иштар, женщина с крыльями, кладет руку ему на плечо, он резко кивает и тянется к Кристиану.

Я поворачиваюсь и прыгаю внутрь.

11

Оказалось, что огненные горы – это не место, где расположена Дверь. Это и есть сама Дверь.

Я вываливаюсь на край кратера. Песок, дым и жара, очень жарко, я уже вспотела. Столб пара поднимается из кратера с ужасным шумом.

Стэн кричит:

– Если никто не объяснит мне, что происходит, я снимаю эту чертову повязку!

– Это бандана, – громко говорю я. – Не делай этого. Я здесь.

Я поворачиваюсь вокруг своей оси – из темных вод в отдалении поднимаются два, четыре, шесть громадных конусов из черного камня, и я стою на верхушке седьмого, а Стэн скорчился подальше от Двери, всего в пяти шагах от края, рискуя упасть в гигантский кратер с лавой.

Я обхожу Дверь и оттаскиваю Стэна от края.

– Справа от тебя, к твоему сведению, огромный провал с лавой, – говорю я ему. – Не упади туда.

– Уж конечно, – обижается он. – Где Райан?

Хороший вопрос. Я осматриваюсь. Чпок. А вот Кристиан со своим жутким пауком. Чпок. Это Райан со своими женщинами. Львица ошеломленно оглядывается и останавливается, увидев меня. Райан на меня не смотрит, он не сводит взгляда с Двери.

Минута, другая. И затем появляется Рокси, у нее свежий порез. Райан наконец переводит взгляд на меня и кивает, словно я солдат. Что ж, я знаю свое место. Я толкаю Кристиана, он дает мне нож, и я режу подушечку большого пальца.

– Ты знаешь меня, – говорю я, и Двери загораются – они в буквальном смысле горят.

Когда я закрываю глаза, я вижу карту Дверей, у каждой Двери свой цвет. Я и не знала, что в мире существует столько цветов.

Может, в мире и нет. Возможно, так много цветов только в Аду.

Я слышу, как некоторые из них смеются.

Громче всех – Дверь на ближайшем конусе-острове. На расстоянии лишь дня пути, наверное, вот только между нами сплошная вода. Я указываю на нее. Остальные вздыхают.

Снизу снова вырывается пар, и на миг шум оглушает. Не самое лучшее место для разговора, но Райан поворачивается ко мне:

– Что ты натворила?

Он уже спрашивал меня об этом – когда, вчера утром? Тогда это звучало совсем по-другому. Более обеспокоенно, менее... что бы там ни было.

– Нас собирался сожрать дракон, – говорю я. – Дверь предложила другой вариант.

– Дура! – рычит Рокси, прижимая руку к боку, где из длинного широкого неглубокого пореза вытекает кровь, – зуб промахнулся мимо цели. Ее змеи шевелятся над раной, вылизывая ее серебряными язычками, и на моих глазах порез медленно уменьшается. – Я бы сделала его, – говорит Рокси.

– Чушь! – возражаю я. – Он был в миллион раз больше нас, это дракон.

– С кем, по-твоему, я сражаюсь? – сердито спрашивает она и отходит, направляясь в

сторону черного острова.

– Она сражается с элементами, – объясняет мне Кристиан – нет, это говорит его паук, с клацаньем и шипением. – Она сражается с огромными безымянными существами, которые рождаются из снега и ветра.

Извините, но у меня такое ощущение, что я только что назвала такое существо драконом. Но я не произношу этого вслух. Я поворачиваюсь к Райану, и он кивает:

– Она бы остановила его.

– Я... – Я в шоке.

Кристиан, не говоря ни слова, уходит к Рокси. Ад не улучшил его манеры. Райан спрашивает:

– Стэн, ты можешь идти?

– Да, – отвечает Стэн, осторожно вставая и вытягивая руку.

Райан берет его за ладонь и смотрит на меня.

– Здесь тебе не нужна бандана, – тихо говорит он. – Мы не в шумерской преисподней. Это что-то другое. Держи глаза открытыми.

И он бережно уводит Стэна.

Я переживаю, как мы попадем на тот остров. Однако другие, судя по всему, не беспокоятся. Спуск вниз был легким – просто иди, избегай случайных выбросов лавы, извергающихся из скалы, и ненавидь всех вокруг. Очень легким. Жаль, у меня нет «сникерса». Я не большая любительница сладостей, но мне очень неуютно.

Внизу, на берегу, где нет песка, а только уродливые глыбы того, что, по-видимому, являет собой охлажденные куски лавы, попавшей в воду, они останавливаются и выжидательно смотрят на меня. Даже Стэн, хотя он ничего не понимает.

Я достаю телесного цвета карандаш из кармана. От него осталось немного. Надеюсь, у Райана есть другой карандаш, потому что иначе мы влипли. Я против того, чтобы рисовать меньшие круги.

Потому что я упряма и, вероятно, глупа. Как я уже продемонстрировала. Я действую согласно своим подозрениям и ожиданиям.

Я рисую круг. Капаю кровь. Произношу слова. И никто ничего не говорит. Рокси продолжает смотреть на новый остров; Кристиан сидит, глядя на старую Дверь. Райан бродит между ними, а я в центре со Стэном.

Я сильно проголодалась.

Когда Райан в очередной раз проходит мимо меня, я хватаю его за брючину. Кожа ламии, да будет вам известно, суперскользящая. Так что я заканчиваю тем, что вцепляюсь в львицу. Ее мех сверху грубый, но, когда мои пальцы погружаются глубже, я чувствую мягкость. Это нормально для львов? Понятия не имею. Она бросает на меня взгляд, и это чудовище издает рокочущий звук, в котором я опознаю мурлыканье.

Райан вздрагивает.

– Что такое? – спрашивает он.

Он смотрит на Рокси.

– Я хочу есть, – говорю я.

Он вздыхает и садится рядом со мной. Львица сворачивается вокруг него, однако достаточно близко, чтобы я продолжала чесать ей голову.

– Нет, – возражает он, – не хочешь.

– Хочу, – настаиваю я. – Умираю с голоду.

– Я тоже, – говорит Стэн. – Но это странно. Никто из нас не знает, что сказать на это, разве что: «Ты хочешь расчленил нас и поглотить нашу грязную плоть?»

Звучит неуклюже и может огорчить Стэна.

– Ты, может, и проголодался, – говорит наконец Райан Стэну. – Но ты – нет, Элли. Ты не можешь здесь проголодаться. Это все у тебя в голове.

Я сужаю глаза.

– Я голодна, – говорю я, – и устала оттого, что не понимаю, что происходит. Здесь есть

правила, которые я нарушаю, и вовсе не преднамеренно, и от этого я злюсь. Я хочу помочь, черт побери, но не могу, раз ты ничего мне не рассказываешь!

– Я... – Райан оглядывается на Кристиана, чей паук скользит лапами верх-вниз по скале, потом расстроено смотрит на меня. – Рокси тебе расскажет. Мне надо отойти ненадолго.

Конечно, расскажет она. Но Рокси, по всей видимости, слушает и не держит на меня зла, потому что отрывается от созерцания плещущейся воды и подходит к нам.

Я поднимаю очки на макушку. Рокси смотрит на меня. Ненавижу признаваться в этом и никогда не скажу этого вслух, и буду отрицать даже под присягой, если меня спросят, но она права. Мне нужна шляпа.

– Ну так расскажи мне о том, о чем я не знаю, – начинаю я, и это доказывает, что я выиграла в разговорном гамбите.

Рокси пожимает плечами:

– Особо нечего. Когда дело доходит до драки, шансы за то, что мы знаем больше тебя, поэтому не мешай нам разобраться. Держись подальше от Стэна не только потому, что ты нам нужна, – он теперь оборотень. И если увидишь бога, попроси его о помощи. Хорошенько.

– Но о чем мне просить? – раздражаюсь я. – Никто до сих пор не рассказал мне о худшем сценарии!

Рокси задумчиво хмурится, достает нож и начинает рисовать завитушки на грязи перед ней.

– Мир может погибнуть разными способами, дорогуша. Иногда мы можем что-то сделать, иногда – нет. Некоторые способы предопределены, и тут уж ничего не попишешь. Мир может погибнуть в огне и воде – однажды это случилось в Калифорнии, лет сто назад. Двери начали закрываться и исчезать. Баланс вещей нарушился, но обошлось. Со всей страны приехали охотники и заставили Двери снова открыться. И это произошло до того, как какой-нибудь чертов лоа встал на пути охотников.

Я представляю многочисленные ряды дружно марширующих крутых ребят, затянутых в кожу. С обрезами и солью в руках.

– Теперь, – продолжает Рокси, – другое, мир кончается в земле и воздухе. И у охотников нет приемов, чтобы исправить это. Когда Двери открываются и открываются, мир без конца... как Кристиан уже говорил, это территория богов. Никакое человеческое существо не может справиться с этим. – Она вздыхает. – Но мы охотники, и это наш долг. Вот почему мы в Аду, ищем богов, способных изменить судьбу. Если ее надо менять, конечно.

Я пытаюсь сделать вид, что у нас только что чуть не произошел самый пугающий разговор в моей жизни.

– Значит, мы просто будем брести по адским измерениям вечно?

– Да, – говорит Рокси. – Таков план. Но мы все-таки надеемся уговорить какого-нибудь бога или кого-то столь же полезного.

– Ладно, ребята! Мы правда в адском измерении? Это чересчур замысловато для простой шутки. – Стэн улыбается, но он очень слаб.

– Заткнись! – командует Рокси.

Я изо всех сил пытаюсь не согласиться с ней мысленно. Что, если я про себя велю ему заткнуться и он навсегда замолчит? Я не в состоянии нести ответственность за что-нибудь еще в этой жизни. Не могу брать на себя что-то еще. Никогда больше.

– Послушай... – Я делаю глубокий вдох. Спокойно. Спокойно. Спокойно. – Послушай, – повторяю я, – я не хочу обидеть тебя. Сегодня я это и так не раз уже делала. Но разве не было бы легче, если бы у нас был более конкретный план, чем «брести по адским измерениям в ожидании, пока какой-нибудь бог вступит с нами в контакт и скажет, что делать»?

– Совершенно верно, – говорит Рокси. Она рисует маленькие завитушки ножом на

земле между нами. – Но какой план мы можем составить? Мы никогда этого не делали.

– Большинство из нас. – Райан вернулся, он устраивается поближе ко мне. – Элли, ты ближе всего подошла к тому, чтобы пройти сквозь Дверь, из всех, кого я знаю. Кто выжил, чтобы рассказать. У большинства людей, коснувшихся Двери, душа была высосана, и они превратились в демонов.

Его львица сидит позади него и взмахивает лапой. Исида кивает.

– Отлично, – говорю я. – Я все еще могу превратиться в демона?

Райан кивает:

– С учетом того, что ты делала в последнее время, – определенно. Но каждый из нас и так в любой момент может стать демоном. – Он бросает взгляд на Кристиана, тихо клацающего сам с собой. – Похоже, Кристиан уже на этом пути.

Я смотрю на Рокси, шокированная, но она уставилась вниз.

– Серьезно?

– Да. – Райан вынимает нож и начинает перечеркивать завитушки Рокси.

Может, это такое развлечение у охотников?

– Я думала... Я не знаю, что я думала, – говорю я. – Не думаю, что я поверила, когда ты сказал, что души можно высосать и люди могут превратиться в демонов.

– Тебе следовало поверить мне. Я не лгу, – говорит Райан, и Рокси фыркает:

– Конечно, дорогуша. – Она смотрит на меня. – Ты знаешь достаточно, чтобы не призывать Двери. Вот и все, что я хочу сказать на эту тему. Я не знаю, что нам надо здесь делать. Но если Нарния говорит, что это поможет...

– Нарния говорит загадками. – Райан закатывает глаза. – Если бы она не была такой занозой в заднице, это не так раздражало бы, но...

– Сомневаюсь, – говорит Рокси и тоже закатывает глаза. – Стерва.

Львица Райана шевелится, придвигаясь ко мне. Я прислоняюсь к ее боку. Она такая твердая, огромная и успокаивающая. Она зевает. И я зеваю, хотя не хотела.

Рокси тоже зевает. Я где-то читала, что серийные убийцы не зевают после того, как зевают другие люди, потому что коллективное зевание – это эмпатическая реакция. Шансы за то, что я не отправилась в Ад с серийной убийцей?

– Ты спишь со мной, – говорит Райан, и я думаю, что он говорит это Рокси, потому что смотрит на нее.

Мы собираемся поспать? Мне наплевать, что она не серийная убийца.

– Нет, я не хочу спать одна. – Я знаю, что это звучит ребяческим нытьем, но я не хочу спать одна в Аду, о боже мой.

Рокси смотрит на меня, как на ребенка, и я знаю, что она именно так ко мне и относится.

– Ты будешь спать с Райаном, – говорит она. – А я со Стэном.

– Эй, – встречает Стэн, и Рокси щиплет его.

– Заткнись! – произносит она. – В любом случае ты не в моем вкусе.

Я делаю глубокий вдох и медленный выдох. Мне намного лучше теперь, когда я знаю, что буду спать не одна.

– Лучше тебе спать не слишком крепко, – все, что я говорю, – потому что, если я проснусь с воплями, мне придется тебя стукнуть.

– Ладно. – Райан широко зевает, точно как его львица. – Ты дерешься как любительница.

– Ненавижу тебя, – ворчу я, но, когда он распахивает плащ, я колеблюсь с минуту.

Я плохо пахну – кровью, песком и серой. В моих полосах пепел из страны Кур. Я потная из-за лавы.

– Давай, Элли, – тихо говорит он. – Все в порядке.

Как будто он знает, о чем я думаю.

Я устраиваюсь в его объятиях. Мой плащ все еще на мне, он липкий от пота, но это здорово.

Я знаю, что часто говорю «здорово», когда упоминаю о всяких мелочах, которые делает Райан, но это действительно здорово. Здорово быть защищенной. Здорово знать, что ты можешь кого-то защитить. Я обнимаю Райана, и, даже несмотря на то, что сейчас мы чуть ли не ненавидим друг друга – ненависть, которую ты чувствуешь к кому-то, который, как ты знаешь, может заставить тебя чувствовать не ненависть, вы понимаете, что я имею в виду? – мы будем стоять бок о бок. Я чувствую оружие внизу его спины – вместо пистолетов железо и обсидиан.

– Прости, – говорю я Райану, уткнувшись лицом ему в шею, а его лицо утыкается в меня.

Я обвиваю его бедра ногами, и мы прислоняемся к его лавице. Это совсем неудобно, и я не устала, но я ускользаю в сон, расслабляясь.

– Не делай так больше, – говорит он мне скрипучим голосом. – Ты мне нравишься в человеческом виде. – Это, наверное, самые романтические слова, которые он когда-либо говорил мне.

Его сердце стучит рядом с моим, и я засыпаю.

Я бреду по лугу со свежескошенной травой. Пахнет чудесно, как весной, и над головой звезды.

– Райан обеспокоен, ты знаешь? – говорит глубокий голос.

Я кручусь вокруг себя, но никого нет.

– Кто здесь? – окликаю я.

– Ты меня знаешь. Я богиня Вавилона, богиня куртизанок, богиня...

– Исида? – гадаю я.

Я слышу смешок, похожий на смешок Райана, и внезапно голос становится не таким властным:

– Иштар. Отдыхай спокойно, дитя, тебе не надо меня опасаться. Я предпочитаю любовников, и мои любовники немного больше... немного больше.

– Спасибо. Я подумаю.

Я сажусь на траву. Она влажная. Я ложусь на спину и смотрю на звезды. Луны нет, и я не узнаю ни одного созвездия. Не то чтобы я в этом разбиралась, но, может быть, я бы разглядела Большую Медведицу.

Я чувствую ладонь на своем лбу, она гладит меня по голове, но когда я изгибаюсь, то никого не вижу.

– Ты знаешь мою историю? – спрашивает Иштар.

– Нет, я ничего о тебе не знаю, – сконфуженно говорю я.

– Я прошла через Дверь, в ворота, которые охранял лев, преграждавший путь всем, кто отваживался бросить вызов Эрешкигаль, богине подземного мира. Но я была горда и считала, что могу получить все, что хочу.

«Похоже на мою подружку Аманду», – хотела было сказать я, но придержала язык.

– Да, очень похоже на Аманду... – Рука у меня на лбу замирает, затем продолжает поглаживать. – Эрешкигаль позволила мне пройти через шесть врат Ада, но у каждой Двери я должна была снимать один предмет одежды, поэтому я обнаженная, теперь и всегда. Когда я это сделала, она – эта глупая корова – взяла меня в плен и убила шестьюдесятью болезнями, и никто на Земле больше не мог заниматься любовью.

– Тем хуже для них. – Я переворачиваюсь и опираюсь головой на руки.

Несуществующие руки Иштар дарят прохладу моей шее.

– Наконец остальные боги рассердились настолько, что потребовали у Эрешкигаль окропить меня водами жизни, и я вернулась на Землю, у каждых врат получая обратно свою одежду. Но я все равно всегда чувствую себя обнаженной. – Она выпускает глубокий вздох.

– Похоже, Эрешкигаль – стерва.

– Что ж, я нарушила ее владения. Разумеется, если бы она пришла нарушить мои, я бы вела себя так же. И тем не менее...

– И тем не менее... – подсказываю я, поскольку Иштар, похоже, не собирается продолжать.

– И тем не менее я так и не сделала того, за чем пришла в подземный мир. – Ее рука сжимается на моей шее. – Воды жизни истекают из руки Калатурру, бесполого существа, сотворенного моим отцом. Найди эту руку. И ты получишь то, за чем пришла.

Я утыкаюсь носом в грязь и делаю вдох. Пахнет чудесно – жизнью.

– Зачем ты пришла? – спрашиваю я.

– Я пришла за любовью моей юности. – Она развеселилась. – Но если ты спросишь Райана, он расскажет тебе то, что думают другие, что, конечно же, я пришла завоевать подземное царство и укрепить свои позиции как самой могущественной богини Вавилона.

– Разве ты не хочешь быть самой могущественной богиней? – спрашиваю я.

– Что могущественнее любви? – отвечает она, ее голос стал нежнее, ее прикосновение к моей шее нежнее.

– Не знаю, – бормочу я себе в предплечья. – Не думаю, что я вообще знаю, что такое любовь.

Я жду ответа Иштар, но – молчание, нутряной запах земли исчезает, и все, что я чувствую, – это Райан, плотный и горячий.

– Райан? – бормочу я, и он притягивает меня ближе. – Иштар странная, – невнятно шепчу я.

– Ш-ш-ш, – говорит он, и мы синхронно поворачиваемся на бок, я утыкаюсь головой ему в шею.

Когда мы просыпаемся, Кристиан на том же месте, где был раньше, Стэн потирает руки, и Рокси напевает что-то под нос, глядя на воду. Мы лежим, Райан и я; я свернулась клубочком рядом с Райаном. К другому моему боку прижимается львица, сохраняя тепло. Мое тело одеревенело от сна на земле, – должно быть, мы с Райаном ночью отодвинулись друг от друга.

Он рассматривает меня со странным выражением лица. Я улыбаюсь ему, потому что на миг мне показалось, что мы вовсе не в Аду. Лишь на секунду, глядя ему в глаза, я подумала, что остались только мы с ним и наши прижавшиеся друг к другу тела.

– Ты долго спала, – говорит он.

Его дыхание неожиданно пахнет шоколадом. У меня изо рта, должно быть, несет помойкой, но я все равно открываю рот, чтобы поговорить с ним.

– Мне приснилась Иштар, – объявляю я.

Иштар, сидящая рядом с Райаном, улыбается мне.

У нее такая высокая торчащая грудь, что я дико ревную.

– Что она тебе сказала? – спрашивает Рокси.

Она выглядит почти взволнованной, что странно.

Я отклеиваюсь от Райана и сажусь, потягиваясь. Уф, все затекло от сна на земле.

– Она сказала, что нет ничего более... Нет, она спросила меня: «Что могущественнее любви?» – и сказала, что мы ищем воды жизни. В чьей-то руке. Или что-то в этом роде. Звезды выглядели очень странно.

– В подземном мире нет звезд, дорогуша, – говорит Рокси, но Райан качает головой.

– Воды жизни. Из руки? Это может значить много чего. Много измерений. Ни одно предание не говорит о местонахождении такой штуки. – В голосе Райана слышится расстройство.

– Вода жизни – это то, что шотландцы называли скотчем, – хмуря брови, припоминает Рокси.

Она действительно великолепна, даже когда злится на меня, и я продолжаю сердиться на нее. Шрамы на ее лице только прибавляют ей мистической харизмы.

Райан, правда, считает меня привлекательной. Пусть он сосунок, но он говорил мне об этом. Я вспоминаю его руки на своем теле и вздрагиваю.

– Эй, эй, Элли. – Райан щелкает пальцами. – Она сказала что-нибудь еще?

– Да, она сказала, что ты слишком много беспокоишься.

Я показываю ему язык, и он закатывает глаза:

– Спасибо, очень ценная информация.

Я перевожу взгляд на Кристиана:

– Кристиан? У тебя есть идеи?

Он щелкает в мой адрес, и я хмурю брови.

– Напрасно, – говорю я, но ему, похоже, наплевать.

Райан встает и вытирает ладони о брюки.

– Пора идти, – говорит он.

Рокси поднимается и протягивает мне руки. Полагаю, я прощена. Я чувствую, как ее змеи скользят по мне, и опять вздрагиваю, на этот раз не от удовольствия.

– Спасибо. – Я заставляю себя сказать это.

Мы стоим у воды. Я все еще не понимаю, как мы переберемся на ту сторону. Вплавь – не буду. Я ясно дала это понять. Не в этой одежде. И не по этой воде – не доверяю я водным путям Ада.

Райан подошел ко мне сзади. Я чувствую его тепло сквозь кожаную одежду и запах сандалового дерева. Он бормочет мне в ухо:

– Ты видела сон, Элли. Это все, что дала тебе Дверь?

Нет. Это не голос Двери – это Иштар у меня в голове. Я почти вижу, как она морщится от этой мысли.

– Нет, – отвечаю я.

Его губы скользят по моим стянутым резинкой полосам, касаясь кожи.

– Что ты получила, Элли?

Двери здесь ничего мне не давали. Не думаю. Но теперь я посылаю мысли к Двери на другом острове, к той, куда нам надо добраться, и все, что я говорю, это: «Помоги».

Райан выдыхает.

И из вод всплывает черная лодка.

Больше всего на свете я не хочу садиться в эту лодку. Но выхода нет. Она хлипкая и старая и, я замечаю, не совсем черная. Она темно-темно-красная. Настолько красная, что кажется черной. И она чуть больше гребной шлюпки.

Знаете что? Не нравятся мне все эти адские штуки. Правда. Мне не нравятся демоны-элементали, и я не одобряю хлипкие лодки, и вообще мне не нравится все это дерьмо. Особенно мне не нравится работать банком крови. Эти чертовы охотники, включая Райана, с тем же успехом могли быть вампирами, потому что всё, что они видят, глядя на меня, – это кровь.

– Давай, Элли, – говорит Райан.

Одной рукой он поддерживает Стэна, второй – берет меня за локоть. Ненавижу это чувство, которое я испытываю каждый раз, когда он ко мне прикасается. Он прикасается ко мне, и я просто хочу раствориться в нем.

– Не хочу, – упрямлюсь я.

– Ты должна, дорогуша, – с другой стороны подходит Рокси.

Кристиан уже забирается в лодку, его ноги издают странные звуки. Не те звуки, которые издают сапоги, понимаю я, а паучье шарканье. Он шуршит, как паук, и эти звуки производит он сам, не паук.

Я бросаю взгляд на Райана, чтобы понять, заметил ли он. Он наблюдает за Кристианом, искривив рот. Судя по всему, заметил.

– Ладно, – объявляю я, – сяду в эту чертову лодку. Но мне это не нравится.

– Тебе это не должно нравиться. – Рокси берет меня под второй локоть. – Давай, дорогуша, пойдем. – Она делает глубокий вдох, перед тем как вскарабкаться в лодку.

Лодка покачивается на волнах, и вода плещет на берег. В том месте, где вода попадает на лаву, она шипит.

И я понимаю: Рокси тоже не хочет этого делать. Никому это не нравится. И если бы я не была так погружена в себя, я заметила бы. Да, это приключение, но при этом никто не получает от него удовольствия, не только я.

Так что теперь я чувствую себя дерьмом.

Я сажусь в лодку осторожно, стараясь, чтобы она не качалась и чтобы я не коснулась воды. Не уверена, отчего она шипела – оттого, что холодное попало на горячее, или по другой причине. Как бы то ни было, я не хочу прикасаться к воде.

Я помогаю Рокси устроить Стэна в лодке, Райан запрыгивает внутрь, разумеется с минимумом всплесков и покачивания. Он все делает идеально с первой попытки? Я бы возненавидела его за это, если бы это не выглядело так впечатляюще.

Лодка быстро плывет по воде.

– Как ты думаешь, тут так же, как в египетском потустороннем мире, надо класть монетки под язык?

Рокси хихикает.

– Где ты набралась этой чепухи? – спрашивает она. – Это все работает совсем не так.

– Греки?

Рокси качает головой. Ее шляпа лежит на коленях, и я вижу ее волосы. Они коротко подстрижены, но в тех местах, где волосы чуть длиннее, они вьются, сильно вьются, так, как я всегда хотела, чтобы они вились у меня. Но я заурядная шатенка, не глубокая брюнетка, как она, и моя шевелюра абсолютно прямая. Довольно густая, но прямая.

– Я не знаю, где мы. То есть не уверена. – Она смотрит на Райана.

Он качает головой. Стэн сидит, прислонившись к нему, и опять спит.

– Он должен был уже превратиться в оборотня, да? – спрашиваю я.

– Да. – Райан хмурится. – Не знаю, почему это еще не случилось. Возможно, что-то в потустороннем мире мешает ему полностью превратиться. Но вероятнее всего, процесс просто замедлился.

Я протягиваю руку и касаюсь Стэна в месте укуса. Там еще блестит и синяк есть, какой был у него, когда он колосся героином. Я рассказываю об этом Райану и Рокси и затем говорю:

– Поэтому он бросил, понимаете? Вы знали об этом?

Рокси обнимает меня одной рукой. Я стою на коленях в лодке.

– Он бросил колотся, потому что ему было не по вкусу, как выглядит его рука. – Я хихикаю, пытаюсь сдержать слезы. – Он такой тщеславный придурок.

Рокси и Райан ничего не говорят. Жаль, что это не Райан обнимает меня. Это нечестно.

Я поворачиваюсь и смотрю за борт. Вижу в воде женщин Райана и кое-где змей Рокси. Одна змея извивается и шипит на меня, и я отшатываюсь.

Кстати, если я вижу их аватаров, наверняка они могут видеть моего. Я сильнее перегибаюсь через край и вижу...

Синеву. Синее пламя, языками пылающее вокруг меня. Пара призрачных крыльев поднимается за моей спиной. Я втягиваю воздух, и, я не шучу, крошечный язычок пламени прыгает мне в рот. Я открываю рот, вытягиваю язык – вот он прыгает. Выдыхаю – огонек выскакивает.

Рокси внезапно толкает меня назад в центр лодки.

– Играть будешь позже, – говорит она.

Я бросаю на нее сердитый взгляд.

– Я синяя, – громко говорю я.

– Ш-ш-ш, – в унисон отвечают она и Райан.

Они наверняка сговорились, когда критиковать меня, даже если не могут договориться по прочим вопросам. Вот засада!

Я усаживаюсь в углу лодки, напротив Кристиана, и разглядываю его паука. Этот паук не уродлив, как они обычно бывают. Не знаю, я не эксперт по наукам. Он черный, с длинными лапами и глазами-бусинками, и, клянусь, он смотрит на меня, и это адски жутко.

Глаза Кристиана будто растворяются в этих глазах, ноги – в лапах, и мне совершенно не нравится то, что я вижу. Потому что, как мне кажется, я вижу, как человек реально превращается в демона прямо на моих глазах. Да, думаю, он в буквальном смысле слова превращается в демона.

Я опускаю голову на колени, не желая смотреть ни на что. Оказавшись лицом ближе к лодке, я понимаю ужасную вещь: лодка сделана из крови. Это не какое-то покрытие. Это пахнет человеческой кровью.

Я поднимаю голову, глубоко вдыхаю. Я чувствую Стэна. Теперь он пахнет иначе. Как будто что-то более сильное вытесняет то, что делает его Стэном. Несвежий макияж полностью стерся, остался лишь запах секса. Что осталось от Стэна – это те бесконечные летние закаты, когда я наблюдала за тем, как он отрабатывает трюки на скейтборде снова и снова, доводя до совершенства и, может быть, желая, чтобы я не беспокоилась так о своем маникюре и занялась чем-нибудь веселым.

Вот и все, что осталось от Стэна.

Остальное... оно трещит у меня в мозгу и пахнет смертью. Начинаю думать, что я «унюхиваю» не только носом.

Не думаю, что его можно спасти, – но не хочу сдаваться. Если есть способ помочь ему в этих потусторонних мирах, я найду его.

Может, когда мы в следующий раз ляжем спать, ко мне придет Исида и расскажет, как спасти Стэна. Или что это за синяя штука вокруг меня. Но крылья крутые. Я от них в восторге. Лодка ударяется об окаменевшую лаву. Я встаю и оборачиваюсь: места, откуда мы приплыли, не видно, но, закрыв глаза, я вижу Дверь, слегка мерцающую, но она очень далеко. Это навевает мне воспоминания, как мы сидели на крыше закусочной, лицом к Манхэттену. Аманда, Стэн и я делали так несколько раз, созерцали горизонт. Без башен-близнецов Манхэттен был бы похож на любой другой город, если бы не мосты. Но от закусочной мосты видятся туманными и расплывчатыми, и, если не знаешь, куда смотреть, ты их не увидишь.

Вот на что это похоже – закрыв глаза, смотреть на Дверь по ту сторону воды.

– Пойдем, Элли, – говорит Райан.

Он стоит на камнях и протягивает руки, чтобы помочь мне спуститься. Я повисаю на нем всей тяжестью, и он переносит меня через борт лодки, словно я перышко, крепко держа меня под мышки. Мой плащ развевается вокруг меня, и я надеюсь, это выглядит потрясающе.

Я балансирую на камнях из застывшей лавы, и Райану приходится помочь выбраться Стану.

Стэн потирает виски в том месте, где повязан платок.

– Я так голоден, – жалуется он. – Я очень голоден, Элли.

Рокси ловит мой взгляд и смотрит на меня так, как порой на Райана, поднимая бровь и все такое. Я четко понимаю, чего она не говорит: Стэн больше не человек и мы должны убить его.

Я слегка качаю головой, легчайшее «нет». Она приподнимает одно плечо и роняет его, затем отворачивается. Как бы говорит: это твои похороны.

Кристиан, пощелкивая, отходит к Двери. Эта Дверь светится коричневым. Она старая, истертая непогодой, похожая на мою Дверь, какой та была, когда только открылась. Мне не хватает моей Двери отчасти, но не по-настоящему. Ведь она была по-своему милой, пусть и отталкивающим, пугающим образом. Высокая арка, кованая железная решетка, позади которой – ничто, лишь мрак и временами демоны.

Мне даже не надо смотреть на Райана: он протягивает мне обсидиановый клинок, я режу очередной палец, роняю кровь к порогу Двери.

«Ты знаешь меня, – говорю я мягко. – Ты знаешь меня».

Элли.

Дверь вспыхивает ярче коричневым, становится почти желтой или оранжевой, и мне

приходится жмуриться. Я оглядываюсь на Райана. Его руки сжаты в кулаки. Он не щурится. Я возвращаю ему нож.

– О-о-о, привет, – говорит Стэн. Он спотыкаясь идет к Двери и прижимает руку к деревянному косяку. – Привет, – повторяет он.

– Что за черт? – спрашивает Рокси.

Она распахивает плащ и кладет руку на меч.

– Не надо, – говорю я. – Не надо.

Я оттаскиваю Стэна от Двери. Он хнычет. Я глажу его волосы вокруг банданы. Откуда-то на моей руке возникает блеск.

Я все еще чувствую лето.

– Я не могу просто так сдаться, – отрывисто говорю я и ускользаю прочь от недовольства Рокси, неодобрения Райана и Кристиана, шагнувшего к нам. – Давай, Стэн, пойдем в Дверь.

12

Мне нравится думать, что своими решительными действиями я добилась чего-то действительно важного. Пункт первый: никто до сих пор не сожрал мою компанию. Даже моих полудемонических товарищей. Это потому, что я решительна, что является другим названием для «упряма», что, в свою очередь, иногда означает «глупа».

Но есть и пункт второй, которого я достигла благодаря тому, что прошла сквозь Дверь со Стэном и высоко поднятой головой: я вошла беззащитная в неведомый Ад.

Стэн впереди меня, и я сначала не осознаю свою ошибку. Имею в виду, если бы я сделала это в другое время, было бы не так ужасно – просто изобилие полных лавы кратеров, куда можно случайно свалиться. Во всяком случае, там был свет. В этом же Аду мы оказываемся в темноте и тесноте, словно в чулане. Я слышу, как наше со Стэном пыхтение отражается от стен, сырых стен, которые где-то рядом. Я ничего не вижу, однако эти ощущения помогают мне с новой силой понять, через что прошел Стэн, когда ему завязали глаза в Аду. Имею в виду, я в Аду. Я ничего не вижу. В темноте может быть что угодно.

Я тяжело дышу. Звук отражается эхом.

Стэн говорит почти нормальным голосом:

– Так, значит, вот на что это похоже?

– Мм... – отвечаю я.

Надеюсь, остальные появятся быстро. Я очень хотела бы разжиться светом, пусть даже это будет свет Дверей, сияющих у меня в мозгу.

На миг мне кажется, что я, возможно, подумала об этом, вы понимаете, этим думательным голосом Двери, который заставляет вещи происходить, потому что я вдруг чую свет. Я смотрю вверх. Он зеленый, похож на глоустик¹⁵. Не уверена, что это хорошее развитие событий, но, с другой стороны, я действительно радуюсь свету.

Пока он не начинает двигаться. В свете я вижу, что Дверь открывается трещиной и по диагонали в трещине идет каменная труба. И вниз по трубе сползает все ближе и ближе... Вы когда-нибудь видели вблизи мокрицу? Подходящее имя для существа без лица, с дюжиной коротких перепутавшихся ног, склизким панцирем, скользящим взад-вперед, когда оно ползет по камням, нащупывая путь длинной изгибающейся антенной.

Теперь представьте, что оно большое. И из каждой щели в его броне исходит зеленоватый свет.

¹⁵ Глоустики – неоновые гибкие пластиковые трубочки, светящиеся в темноте и в свете ультрафиолетовых ламп.

Оно уже близко. Прямо над нашими головами. Останавливается.

Надо мной смыкается мрак, еще темнее, чем было прежде, потому что я знаю, что здесь. Существо внезапно снова начинает светиться и так же быстро гаснет. И это повторяется. И опять.

В отдалении, высоко над нами, я вижу еще один свет. Оно привело с собой друзей.

Я сильно моргаю. Зрение затуманено. Но мне не надо глаз для того, что я собираюсь сделать: я осторожно, очень медленно сую руку под плащ и вытягиваю железную цепь из петель брюк.

– Стэн, – спокойно говорю я. Мокрица надо мной не шевелится при звуках моего голоса, хотя мне кажется, что она дернулась, когда воздух слегка шелохнулся рядом с ней. – Стэн, надо, чтобы ты сидел тихо, ладно? – (Он не отвечает.) – Ладно?

– Дела плохи, Элли? – шепчет он.

– Идет к тому, – отвечаю я.

Я провожу рукой по цепи, нащупывая конец. Теперь оба конца цепи крепко сжаты в моих ладонях, и я сворачиваю цепь так, чтобы получилась прочная петля, подходящая для любого демона, который окажется поблизости. Серебро исцеляет, соль связывает, железо убивает. Это хорошо, потому что теперь над нами четыре огромные мокрицы, и выше их я вижу еще три.

Стэн садится. Я приподнимаю цепь и жду, чтобы кто-нибудь приблизился.

Дверь внезапно распаивается, снова ослепляя меня, и появляется Рокси.

– Ты в порядке, дорогуша? – окликает меня она.

Она тоже ничего не видит.

– Я здесь, – спокойно говорю я. – Пожалуйста, осторожно, на полу сидит Стэн, а вверху и чуть правее – чудовища.

Я слышу, как Рокси резко уходит вбок и чей-то нож ударяется о камень, я вижу вспышку...

Жаль, Рокси не может воспользоваться мечом: он у нее большой, впечатляющий и наверняка волшебный, но, полагаю, здесь слишком мало места, чтобы воспользоваться длинным оружием. Темнота возвращается, и мокрицы темнеют.

Рокси не произносит ни слова. Я рада, что она верит мне. Но лучше бы она сказала, где Райан и Кристиан. Или хотя бы где Райан.

Первая мокрица снова начинает светиться. Потом остальные – всего семь. Они неритмично пульсируют. Рокси втягивает в себя воздух. Членистоногие приближаются, сползая по стенам, окружая нас. Дверь открывается.

– Черт побери! – громко ругаюсь я, потому что я только что пожелала, чтобы это произошло.

Жаль, у меня не хватило упрямства, чтобы проташить в Ад лук, даже если бы в результате нас вычислили Двери-ищейки или что-то подобное. Тогда я могла бы отгонять чудовищ своим, ну я не знаю, неожиданным сверхъестественным умением прицеливаться и очень бы обрадовалась, увидев Райана и Кристиана живыми.

По крайней мере, живыми в данный момент. Мы все молчим. Дверь темная. Мы ориентируемся вслепую.

Райан говорит:

– Что за...

Рокси перебивает его:

– Над нами демоны.

И они все держат оружие наготове и ждут.

Довольно долго сохраняется темнота. Достаточно долго, чтобы я начала думать, что Дверь их отпугнула. Надеюсь.

Мокрицы вспыхивают одновременно, напомним мне фокусы со вспышкой и шумом, которые как-то показал мне один охотник: огонь и сера, и шум ты слышишь скорее в своей голове, чем ушами. Я прищуриваю глаза, чтобы сфокусироваться, – мокрицы двигаются. И

быстро двигаются.

Их свечение угасает – не думаю, что они хотят выдать свои позиции. Первая из них встает на задние конечности, цепляясь за стену, прицеливается и прыгает на Рокси. Рокси ворчит, и я слышу, как она бормочет себе под нос: «Фу-фу-фу», и раздается хруст, когда она отрывает от себя демона и швыряет его в стену. Еще один хрустящий звук. Я впечатлена ее меткостью.

Что-то трогает меня за волосы.

Я припоминаю ночи в закуской, когда нам было нечем заняться, Дверь была спокойна и Райан показывал мне разные приемы, как убивать. Вместо того чтобы кричать, я вспоминаю эти приемы. Я отклоняюсь в сторону и бросаю железную петлю по направлению к стене, где почувствовала эту штуку. Я попадаю по верхушке чего-то, но, вместо того чтобы приятно хрустнуть, как у Рокси, мокрица отклеивается от стены и падает на землю. К моим ногам. Рядом со Стэном.

Я топаю по ней каблуком.

Теперь наконец хруст. Я поднимаю ногу, подо мной слабый блеск – я вступила в светящуюся клейкую жидкость.

Я поворачиваюсь спиной к стене и жду. Среди шаркающих шагов и быстрого поскрипывания кожи от движения я слышу резкий лязг чьего-то ножа по камню, что-то твердое касается моей руки, и потом раздается долгожданный хруст. Все стихает. Потом Райан спрашивает:

– Сколько?

Рокси отвечает:

– Три.

Кристиан щелкает. Но поскольку он делает это один раз, полагаю, это означает количество.

– Один, – говорю я.

– Правда? – удивляется Рокси.

– Заткнись, да.

– И я прикончил двоих, – подытоживает Райан. Ребята явно были заняты, пока я тут пыталась расплющить свою мокрицу. – Это все?

– Думаю, да, – отвечаю я. Я приподнимаю ногу. Легкое свечение. – Но у меня есть идея.

Если расколоть панцирь мокрицы, получишь светящееся вещество. Если окунуть в него что-нибудь, например острие ножа Райана, пока тот не заметил, что ты делаешь, можно получить достаточно света, чтобы видеть на фут вперед. Хотя оно легко оттирается, и это единственная причина, почему Райан не перестал со мной разговаривать навеки.

Рокси сует руку в мокрицу, затем поднимает кулак, с которого капает жидкость, и осматривает стены.

– Никого, – говорит она. – Похоже, мы со всеми разобрались.

– Это круто, – признаю я.

– Растем, – говорит она и улыбается мне. Похоже, я получила баллы за свое поведение во время сражения. Она кивает. – Тебе надо наложить чары. Тогда мы сможем добыть немного света и убратся отсюда.

Я протягиваю руку за ножом Райана и тут вспоминаю, что он покрыт внутренностями мокрицы. Он поднимает бровь, давая понять: это ты испачкала нож жидкостью демона. Я хмурюсь и протягиваю руку к Рокси. Она смеется и дает мне чистый нож, которым она ударила о стену.

Я надрезаю палец – от этого мне очень больно, может быть, пора начать использовать предплечье? – капаю кровь, произношу слова. Двери загораются.

Наверх.

– Простите, – говорю я и показываю. – Но нам туда.

Как минимум нам надо взобраться по каменной трубе, чтобы приблизиться к

следующей Двери.

Кристиан исследует окрестности своими паучьими лапками и наваливает камни рядом с мокрицей со вспоротым панцирем. Он предусмотрителен. Мне грустно, что он превращается в демона.

Я опускаюсь на колени и начинаю макать камни в вязкую жидкость, и, когда Кристиан принимается помогать мне, я обнаруживаю порез у себя на руке. Он маленький, просто клочок кожи сорвало до крови. Может, это был отлетевший камень, когда нож Рокси врезался в стену, или же это мокрица.

Я сглатываю.

– Мне нужно серебро, о боже мой, – говорю я, и Райан поднимает на меня взгляд с того места, где снова и снова отчищал нож рубашкой.

– Я... – Он замолкает и прочищает горло. – Нам нечем расплавить его, нечем расплавить.

– Что, никто не захватил зажигалку? – спрашиваю я, и Рокси качает головой.

– Даже если бы мы взяли, дорогуша, она не дает нужной температуры. И здесь негде развести огонь.

Рокси взмахивает рукой, обводя расселину, где мы оказались. Камень – теперь, когда света стало больше, видно, что он похож на песчаник или что-то подобное, мягкое и странное. Как оно называется? Осадочные породы, верно? Такая штука, которая разрастается слоями на большую высоту.

Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза. Жидкость мокриц воняет, Кристиан продолжает макать и макать. Свет становится ярче. И у меня на руке порез.

Не могу понять, он зеленоватый от света жидкости или оттого что...

– Ладно, думаю, нам остается лишь ждать, чтобы понять, заражена я демоном или нет. – Я вовсе не так спокойна, как мой голос.

Райан берет мою руку и рассматривает ее. Шляпа закрывает все его лицо. Не могу прочитать, что он думает.

– Ты можешь спросить Дверь, – наконец говорит он.

Он что, серьезно предлагает спросить Дверь? Кто этот незнакомец?

С этой стороны Дверь – пещера в скалах, отливающая сероватым серебром. Она кажется заторможенной, словно ее редко используют. Может, так и есть. Может, она одинока, как остальные Двери в этих краях. Как Дверь Оуэна в больнице. Может, ей просто нужен кто-то, кто будет ее любить.

Что ж, у нее есть Стэн. Он сидит, прислонившись к Двери, у него течет кровь. О черт, Стэн!

– О черт! – Я отодвигаюсь от Райана. – Стэн. – Я падаю на колени, мне больно, камень твердый, но... Стэн.

– Больно, Элли, больно, – удивленно говорит он.

Его кровь черная и липкая на вид, она капает на камни, стекая между пальцев Стэна. Он прижимает ладонь к ноге, там большой укус, и теперь я знаю, что сделали бы с нами мокрицы, если бы подобрались близко.

– Не прикасайся к нему, – говорит Райан.

Он садится на корточки с одной стороны, и Рокси – с другой. Кристиан не реагирует, он продолжает макать камни. Они скоро закончатся.

– Уверен, это больно, – наконец произносит Райан.

Он просто смотрит, как кровь Стэна течет у него между пальцами. Большая капля образуется и падает на камни – и я вижу, что Двери резко загораются, так же как когда я роняю кровь. Только цвета темнее, и Дверь, которая светится для Стэна, – не та, которая светила для меня. Она зеленая и влажная, и мне она не нравится. Райан ничего не замечает.

Он говорит:

– Мне так жаль, приятель.

Стэн издает нервный смешок:

– Конечно, дружок.

Райан пожимает плечами и смотрит на меня: – Мы не можем прикасаться к нему. Ты не можешь прикасаться к нему – у тебя открытая рана. Если хоть капля его крови попадет в тебя...

Райану не обязательно договаривать. Если хоть капля крови Стэна попадет в меня, мне крышка, верно? Я наверняка стану после этого оборотнем. И поскольку нет способа помочь Стэну, наверняка не найдется способа помочь мне.

– Стэн, – говорит Райан, – ты можешь двигаться?

– Я не уверен, могу ли я хотя бы дышать, – отвечает он, однако пытается встать на ноги, медленно скользя спиной по камням Двери.

Он делает глубокий вдох и выдох, и я чувствую исходящий от него запах смерти. Аромат лета угасает. Не знаю, сколько он еще продержится.

– Пойдемте, – понукает нас Рокси. – Нам предстоит долгий подъем.

Она прячет ножи в ножны и берет меня за руку. Быстрое пожатие – и внезапно я чувствую себя лучше. Рокси рядом и прикрывает мне спину. Должно быть, я все-таки нравлюсь ей хоть немножко, иначе она убила бы Стэна, когда у нее была такая возможность, во время сражения.

Райан делает движение головой в сторону Кристиана:

– Ты готов, Кристиан?

Впервые он обратился прямо к Кристиану, на моей памяти, за все время путешествия.

Кристиан просто кладет в ответ. Я смотрю на Рокси, и мы общаемся бровями. Я натренировалась в бровеговорении. Если Кристиан не умрет, нам придется убить его в конце; теперь он почти превратился в демона.

– Как аватар может превратиться в демона? – тихо спрашиваю я.

– Что такое хлопок одной ладонью? – отвечает она, и я морщусь:

– Я серьезно.

Райан аккуратно бинтует ногу Стэна банданой Кристиана. Полагаю, Кристиану она больше не нужна. Райан помогает Стэну встать и смотрит на нас:

– Вы все, возьмите каждый по камню. Пошли.

– Как, черт возьми, мы сможем подняться туда?

Я не захватила с собой спелеологическое снаряжение, да никто и не сказал мне перед началом похода, что оно может понадобиться.

– Взберемся, – отвечает Райан. – С помощью рук. – Он слегка улыбается мне.

Похоже, ему это нравится.

– В этом нет ничего веселого! – огрызаюсь я.

– Нет, но это интересно, – возражает он, и я хмурюсь:

– Сопляк.

– Стерва.

– Влюбленные птички, – говорит Рокси, пытаюсь сдержать смех.

Но безуспешно.

– Ладно, дайте я... – Я вздыхаю и закрываю глаза.

Здесь повсюду Двери, в большинстве случаев наверху, и, когда я сосредоточиваюсь на них, они все ярко вспыхивают и хотят поговорить со мной.

Элли!

Элли!

Элли!

Ближайшая мерцает синим, она огромная, в четыре или пять раз больше меня, высокая, широкая. Наверху.

Я указываю на нее и снова вздыхаю.

– Вверху, примерно в пятидесяти футах, – сообщаю я.

Кристиан издает какой-то невнятный звук.

Я поворачиваюсь к нему:

– Послушай, у тебя ведь есть руки. Вспомни, как ими пользоваться.

«Вспомни, как ими пользоваться», – приказываю я ему.

Райан задает темп, достаточно легкий для Стэна, но постоянный. Он болтает, думаю, для того, чтобы отвлечь меня, но через некоторое время я перестаю слушать, потому что это меня расстраивает, а когда я расстраиваюсь, то злюсь. Он читает лекцию на тему демонов, рассказывая об одном, называемом друдж, – это зороастрийский демон лжи. Звучит не очень интересно. Бла-бла, он лжет и погружает все в хаос, и победить его можно только правдой. Какой прок в демоне, с которым нельзя сражаться?

Рокси карабкается рядом с Кристианом. Он щелкает, и она шипит, и я уверена, что это что-то означает, но у меня начинает болеть голова. Стэн просто идет на звук Голосов наших аватаров, он тише, чем обычно, и я слышу, как он втягивает воздух каждый раз, когда делает неверное движение.

Взбираться на горы – действительно тяжело, и чем дальше мы уходим от коричневой Двери, тем темнее становится в этом измерении и тем громче гудение.

Я прерываю Райана в тот момент, когда он рассказывает о ладжаблессе – Карибском демоне с коровьим копытом, завлекающем людей на их погибель.

– Что это за жужжание?

– Насекомые. – Райан говорит так, словно это не самая ужасная вещь на свете. – Ты не думала, почему тут нет света? Насекомые закрывают его.

– Ты врешь.

Я поскользнулась на камне, и мне приходится ухватиться покрепче. Мокрицы, насекомые, и меня уже чертовски тошнит от потусторонних миров в целом, о боже мой. Руки болят, и я уверена, что они скоро начнут кровоточить. Ну хоть туфли подходящие. С круглыми носками, достаточно прочными, чтобы легко втыкаться в мягкий камень, но подошвы поизносились от ходьбы и стали скользкими.

– Честно. Они не кусаются, ничего такого, просто они... существуют.

– Отлично, – бормочу я. – Мне намного лучше.

– Ты когда-нибудь слышала о двен? – спрашивает он.

– Не-а, это очередной карибский демон?

– Тринидадский. Когда умирает некрещеный ребенок, его ступни поворачиваются пятками вперед и он не может ходить.

Я не ребенок и не крещена. Моя семья так далека – была так далека – от религии, как только возможно.

– Что ж, полагаю, я влипла, – говорю я и цепляюсь за очередной выступ в скале, подтягиваюсь, цепляюсь за другой выступ, подтягиваюсь...

13

Никогда в жизни я так не радовалась при виде Двери. Мягкий синий свет действительно успокаивает. Временами, пока мы карабкались, не оставалось ничего, кроме мрака и жужжания, шипения и клацанья Рокси и Кристиана и шума отламывавшихся и падавших камней, но грохота от падения на землю не было.

Я падаю перед Дверью и перевожу дух. Все пахнет и чувствуется на вкус синим, ледяным, как мятная резинка или мятный чай. Нет, как зубная паста. Воздух напоминает зубную пасту, и, вместо того чтобы стать более разреженным на такой высоте, он, наоборот, более плотный. Дверь расположена на утесе, над той глубокой расщелиной. Наши светящиеся камни начинают угасать, но света от Двери достаточно.

– Мой живот, – ною я.

Вы когда-нибудь пытались втащить себя куда-нибудь? Я только что пользовалась

мышцами, о которых даже не знала, что они существуют.

– На самом деле не больно, – говорит мне Райан. Он помогает Рокси перетащить Стэна через край. – Все это не существует. Вот почему ты не голодна.

– Да, но почему тогда Стэн ранен? А аватар Кристиана...

– Потому что они демоны, – шипит Рокси. – Они существуют тут на самом деле. Мы – нет.

– Но это, похоже, существует. – Я показываю на ссадину на своей руке. – И посмотри! – Я вытягиваю руки ладонями вверх. – И если Стэн – мистер Существующий, как он смог забраться на скалу с распоротой ногой?

– Он сделал это, потому что должен был. Пределы выносливости человека ли, демона ли, – кого угодно... – Райан делает паузу. – Ты понятия не имеешь, на что на самом деле способна, Элли. Никто из нас не знает.

– Я способна рассердиться, – ворчу я, укладываясь спиной на скалу.

Скала довольно гладкая, и тут нет мокрых, ничего такого. Лишь синий свет от Двери, заставляющий все вокруг светиться. Моя кожа кажется полупрозрачной.

– Поздоровайся с Дверью, Элли. – Рокси садится на корточки рядом со мной и протягивает нож.

Я качаю головой.

– Мне это не надо, – говорю я ей и перекатываюсь на живот лицом к Двери.

Рядом с Дверью все остальное кажется маленьким. Это наверняка Дверь-небоскреб. Она похожа на дверь у подножия ущелья, хотя эти камни и скалы напоминают что-то из «Властелина колец».

Теперь Вигго Мортенсен. Он ставит меня вертикально.

(Кого я обманываю? Райан куда круче Вигго Мортенсена, клянусь.)

Я сдираю корочку с одной из старых ран и провожу пальцем прямо перед порогом Двери.

«Ты знаешь меня, ты знаешь меня, ты знаешь меня...»

Ты так устала, Элли, – говорит Дверь. – Я могу исправить это. Я могу помочь тебе.

«Я не хочу твоей помощи».

Ложь. Ты лжешь, лжешь, лжешь, – поет она. – Лжешь, лжешь, лжешь.

«Ты можешь помочь Стэну?» – спрашиваю я.

Ничто ему теперь не поможет!

Клянусь, Дверь даже хихикает.

«Тогда заткнись!» – говорю я и мысленно отталкиваю, отодвигаю Дверь от себя прочь. Ее голос стихает. Слава богу.

– Элли, нарисуй круг. – Райан протягивает мне другой карандаш.

Я беру его, он совершенно новый, цвета «макароны с сыром». Я поднимаю брови в адрес Райана – я же говорила, что намного лучше научилась общаться с помощью бровей, серьезно!

И он пожимает плечами:

– Он настолько близок к телесному, насколько мне удалось найти.

Так круто. Я рисую круг, для гарантии роняю каплю крови в месте соединения и затем достаю соль.

– Соль? – Рокси сидит рядом со Стэном, но не так близко, чтобы он мог коснуться ее.

Кристиан сидит по другую сторону круга, как можно дальше от Двери, и Райан стоит посередине, глядя на меня.

– Эта Дверь заставляет меня нервничать.

– Это говорит Элли Заклинательница Дверей? Это... нехорошо. – Райан качает головой. – Соль.

– Соль, – соглашаюсь я и вытряхиваю немного из фляжки.

Соль пенится, попадая на мою кровь, и это, знаете ли, странно. Для пущей уверенности я сыплю чуть-чуть на ссадину на тыльной части ладони. Не пенится, только щиплет. Я

шиплю сквозь зубы, но ничего не говорю.

Пределы человеческой выносливости и всякое такое.

Мы все укладываемся немножко вздремнуть. Кроме Райана – он сидит спиной к нам, уставившись в пропасть. Трудно держать глаза закрытыми: свет Двери обжигающе яркий, ярче, чем когда глаза открыты.

Наплевать, что говорит Райан, – я измучена, и это на самом деле.

Я скучаю по закусочной. Очень скучаю. Я оставила записку Дон с просьбой открывать и закрывать закусочную и уверена, что она будет это делать. Не то чтобы я беспокоилась на этот счет – нет, я ужасно беспокоюсь.

Я провела три года под руководством Салли, учась управлять закусочной. На второй день моей работы она заявила, что, как только я вошла, она сразу поняла: либо я приму управление закусочной, когда она уйдет на пенсию, либо буду несчастной неудачницей.

Теперь, когда я знаю то, что знаю о Дверях и о том, что они дают тебе то, что ты хочешь... что ж, мне интересно, как было на самом деле. Временами я много размышляю об этом. Неделями эти мысли не приходят мне в голову, но каждый раз, когда я делаю ошибку, каждый раз, когда касса не сходится, каждый раз, когда я готовлю заказ и выполняю его неправильно, я задумываюсь. Думаю, действительно ли Салли хотела оставить мне закусочную? Думаю, действительно ли она хотела перебраться во Флориду? Закусочная мне не принадлежит – она принадлежит Салли. Полагаю, я что-то вроде исполняющего обязанности, на случай если она когда-нибудь вернется.

Или на случай, если я когда-нибудь смогу купить ее у Салли. Я коплю на это деньги уже четыре года. И у меня больше денег, чем следовало бы быть, правда, и я думаю, что это опять Дверь.

Кто-то похлопывает меня по плечу и говорит:

– Эй!

Я перекатываюсь и сажусь спиной к Двери. Мне неудобно от этого, но я хочу сидеть лицом к Райану и знаю, что, если из Двери что-то вырвется, Райан управится с этим лучше, чем я.

Не то чтобы что-то выходило из Дверей в потусторонних мирах, но осторожность не повредит.

Райан присел рядом со мной, его женщины – позади него. Они жутковато улыбаются. Он усаживается, скрестив ноги. Иштар сидит рядом со мной, а львица сворачивается клубком так, чтобы касаться одновременно и Райана, и меня.

Он ведет себя так, будто не замечает, что они делают; он лишь снимает шляпу и проводит рукой по волосам; они немного торчат, прямо на задней части шеи, и, если бы он сел поближе, я бы их ему пригладила.

Мой взгляд привлекает Исида, она приглаживает полосы на загривке Райана, но, поскольку она бестелесна, волосы продолжают торчать. Тем не менее я ценю сентиментальность.

– Можно было слышать твои мысли, пока мы избирались сюда, – говорит он.

– Ты мог слышать меня? – неверяще переспрашиваю я. – Это становится сильнее?

– Нет, я хотел сказать... – Он делает гримасу. – Прости. Фигура речи. Не самая хорошая идея в этих краях.

– Боже, спасибо тебе, – говорю я. Хотя я ненавижу напоминать ему о вещах, в которых он разбирается лучше меня... – Разве тебе не следует присматривать за демонами и тому подобным?

Он тычет пальцем за плечо. Позади него Рокси сидит на краю утеса. Она потирает колено.

– Ей нравится нести вахту, – спокойно объясняет он.

Я опираюсь головой на руку.

– Я думала о закусочной, – признаюсь я. – Я знаю, что мне следовало думать о чем-то более важном...

Райан кивает:

– Важно помнить о том, что мы в игре. Но также важно помнить, почему мы все это делаем. Ради чего. Сохранять связь с реальным миром.

– Вы, ребята, этого не делаете. – Я машу рукой в сторону Рокси и Кристиана. – Вы ненавидите мир.

– Мы не ненавидим мир. – Он хмурится. Иштар вздыхает. – Мы не ненавидим людей. Ты говорила уже, что мы не уважаем людей, которых защищаем. Это неправда. Ты не найдешь людей, более сосредоточенных на сохранении мира простых смертных в безопасности. Но... такие люди, как мы, какими нам приходится быть... это не работа с девяти до пяти. Мы охранники, и дальнобойщики, и синие воротнички. И многие непосвященные думают, что это нормально – обращаться с рабочим народом так, как...

– Как с дерьмом, – говорю я.

Это правда. Полагаю, это зависит от того, каким путем ты идешь.

– Почему ты занимаешься этим? – спрашиваю я Райана.

Он ничего не отвечает. Но кончики его пальцев касаются волос за моим левым ухом. Совсем чуть-чуть. Он касается моих волос.

– Разве я мог не делать этого? – говорит он. – Я знаю, что приходит в ночи. Как ты думаешь, я ввязался в это? Никто не врывался и не спасал меня в критический момент. – Его прикосновение исчезает. – Никто не спас остальных.

Остальных?

– Остальных? – спрашиваю я.

Райан долго молчит, и я думаю, что он больше ничего не скажет. Думаю, сказал бы он, если бы я не открыла рот?

Я слышу голос Иштар, когда он продолжает:

– Когда я был моложе, зимой я, бывало, подрабатывал, рубя елки для отправки на юг. Многие из нас это делали – это были легкие деньги, всего лишь несколько выходных работы. Парни, нанимавшие нас, везли нас большую часть дороги, а потом мы брели сквозь снега к деревьям. Недалеко. – Он делает паузу, потом: – Я рубил дерево, когда это произошло. Парни, которые были со мной, все погибли. Я выжил.

Я почти боюсь сказать что-нибудь, но я должна знать:

– Что это было?

– Хайдбихайнд. Один из тех демонов, которые могут являться без Дверей. Они быстро двигаются и не любят, чтобы их видели; поэтому их так называли¹⁶. Но они наблюдают, и ждут, и похищают лесорубов, когда никто не видит. – Он издает короткий смешок – смешок человека, рассказывающего что-то ужасное или грустное, но вовсе не смешок человека, которому действительно весело. – Я был последним, и единственная причина, почему меня не утащили тоже, – я работал бензопилой. Только у меня была в руках масса металла, которую можно было крутить вокруг себя, и именно я смог снести голову этому существу, до того как оно успело снова оказаться у меня за спиной.

Он вздыхает. Его дыхание касается моей кожи.

– Я вернулся к нашей точке сбора и пошел дальше. Все мои товарищи пропали, а у меня в руках окровавленная бензопила. Нехорошо. Так что я сбежал.

Снег, да? Я думаю о его «южном» акценте и потом понимаю: во многих местах говорят с таким акцентом.

– Сколько лет тебе было? – спрашиваю я.

– Девятнадцать.

– У тебя была семья? Имею в виду, они ведь интересовались, что с тобой случилось?

– Не знаю, – говорит он. – Я всегда боялся вернуться.

¹⁶ Hidebehind (англ. прятаться сзади) – ужасное ночное создание из американского фольклора, нападающее на тех, кто блуждает по лесам. Все время прячется за спиной предполагаемой жертвы, поэтому его невозможно увидеть.

– Но... разве ты не скучал по ним? Разве ты не хотел быть со своей семьей?

Я не могу себе представить, как такое может быть: иметь семью и не хотеть быть с ней. Я не могу, я так скучаю по своей семье. Не то чтобы у меня когда-либо была настоящая семья; можно ли скучать по тому, чего никогда не имел?

Я чувствую, что Райан смотрит на меня, так что я поворачиваю голову и смотрю на него, и внезапно я понимаю, как он устал, как одинок, как он ненавидит свое одиночество, но он чувствует, что это его судьба, потому что люди рядом с ним всегда погибают.

Всегда, но я – нет.

– Ты спас бы тех людей, если бы мог. Ты был просто подростком. Ты понятия не имел, с чем столкнулся. – Я протягиваю руку погладить его по ноге, но он дергается, и моя рука падает.

– Я убил существо, напавшее на них, но мертвецам уже все равно. Так что я не герой. Но я больше не смог вернуться в мир непосвященных.

– Думаю, что все-таки ты герой, – возражаю я и на этот раз не позволяю ему ускользнуть.

Львица, стоящая позади Райана, словно мать, защищающая своего детеныша, одобрительно улыбается. Иштар кладет руку поверх моей. Я чувствую ее едва-едва, прохладную и влажную. Теперь я их почти не замечаю, потому что они – часть его, но ощущение странное. Затем Иштар отнимает руку и исчезает. Когда я поднимаю взгляд, вижу, что она стоит рядом с львицей, возвышаясь над нами.

Львица мурлычет.

Я смотрю на свою руку: ранка зажила и даже шрама не осталось.

Добавьте это к списку сумасшедших происшествий, случившихся здесь.

– Почему ты это делаешь? – с вызовом спрашивает он, отодвигаясь назад, отдаляясь от меня в буквальном и переносном смысле.

Я отвечаю ему его же словами:

– Как я могла не делать?

– Стэн и Аманда ведь не стали.

– Да, знаю. – Я смотрю вниз. – Но я должна. Это моя закусочная. Это моя Дверь. Это была моя вина – во всяком случае, отчасти. Я не остановила Аманду, когда она накладывала свои дурацкие призывные чары. Я не... – Я прерываюсь.

Теперь я совсем другая по сравнению с той, что была, когда это все началось, и теперь я понимаю, несмотря на свое нытье по поводу того, чего я не делала, что это вовсе не моя вина. Я не виновата ни в чем, и я не должна принимать на себя всю ответственность.

Однако я все равно чувствую себя дерьмово.

– Это вовсе не твоя вина, – говорит Райан, словно читая мои мысли. Он улыбается мне – бело-голубая вспышка в свете Двери – и встает. – И ты... справляешься очень хорошо. – Он поправляет шляпу и опускает поля так, чтобы я не видела его глаза. – Пора двигаться дальше.

Я поднимаюсь и глубоко вдыхаю сильно пахнувший мятой воздух.

– Я готова.

Я вовсе не готова. Я хочу вздремнуть. Съесть шоколадку. Хочу обратно в закусочную. Дон, наверное, думает, что мы с Райаном где-нибудь в любовном гнездышке занимаемся любовью. Близко к правде, но недостаточно близко.

Синяя Дверь ведет в пещеру. Заметьте: я не вхожу в Дверь первой, потому что, хотя могу справиться со многими вещами, я (в большинстве случаев) не тупая и кривая моей успеваемости пока еще пологая.

Когда я вхожу следом за Рокси, демонов не видно. Но... здесь жутко, страшнее, чем в скалах, страшнее, чем где бы то ни было, потому что здесь все выглядит так по-человечески. Стершийся до гладкости пол, стены, выбитые в пещере стены. Факелы в настенных канделябрах, горящие оранжевым огнем. Имею в виду, это обычный огонь. Он оранжево-желтый, как нормальный огонь. Он слегка мигает. Это нормально, здесь все

нормальное, напоминает парк развлечений. Обычное.

Это пугает меня до смерти.

Я совершаю очередное представление с добровольно отданной кровью; следующая Дверь довольно далеко, но нам хотя бы не надо туда карабкаться. Паучьи лапки Кристиана стучат по каменному полу пещеры, когда мы идем. Сапоги Райана глухо стучат, а ботинки Рокси вообще не слышны. Мои туфли шаркают.

Стэн обут в теннисные туфли. Он хромает, но нам сильно повезет, если мы сможем выбраться из этих пещер, не вступая в схватку.

– Элли, я хочу есть, – говорит он, и его голос хриплый, слишком низкий и скрипучий. – Я очень, очень хочу есть.

– Скоро будет еда. – Я пытаюсь говорить убедительно, но уверена, что голос у меня испуганный.

Мы проходим мимо комнаты. Заглянув внутрь, Я вижу, как огонь отражается на инкрустированной хрусталем стене, как в огромной люстре. Мило. Мы идем дальше, и появляется еще одно помещение. Кажется, там пусто, только огонь и родник вдоль дальней стены. На краю родника балансирует жестяная кружка, полная воды, манящая взять ее и выпить. Я собираюсь войти, но это же Ад. Я полагаю, что, если глотну из этой чашки, все шансы за то, что мне откусят лицо.

– Минос? – бормочет Райан, и Рокси хлопает его по плечу.

Он не обращает на нее внимания и продолжает бормотать, и я слышу в голосе шепот, похожий на голос Райана. Я разговаривала со своим внутренним голосом, но в последнее время почти не слушала, и мне ужасно любопытно. «Однажды я видел этот фильм, – думает он, – что там было? Руки, держащие факелы, чудовище в конце коридора? Всегда чудовища. Эти Ады – мои воспоминания? Ад – это то, что ты приносишь с собой. Я принес...»

Его голос умолкает, и вместо слов я вижу... Вижу себя. Сверху, краснеющую и обнаженную и даже почти красивую. Воспоминания Райана. Я открываю глаза – я даже не заметила, что я их закрыла, я теряю очки на поле экстрасенсорики, и все останавливаются и смотрят на меня.

Райан громко говорит:

– Держись подальше от моих мыслей, Элли.

– Тогда поговори со мной, – прошу я и ненавижу, как отчаянно это звучит, но мне хочется немножко человеческого общения, общения вслух, не наполненного многозначительностью мира смерти. – Поговори со мной, пожалуйста.

– На скалах ты не могла дожидаться, чтобы я заткнулся, – поддразнивает он.

– Пожалуйста, Райан. – В смятении мой голос ломается посреди его имени. – Пожалуйста.

– Райан! – резко говорит Рокси.

– Пойдем рядом, Элли, – предлагает он, и я обхожу Кристиана, чтобы подойти к Райану.

– Расскажи мне об именах, – прошу я.

Я беру его под руку.

Львица и Иштар улыбаются мне одобрительно, и с каждым шагом львица легко трется об меня. Я опускаю свою новоисцеленную руку. Львица большая, так что моя рука ложится ей на спину, и я чувствую себя более уверенно.

– Имена... волшебны. – Райан кладет свою руку поверх моей. Она теплая и сухая и держит меня. – Это часть тебя, как кровь. Если демон или ведьма заведуют частью тебя...

Я хмурюсь:

– Это опять магия части и целого? Как с солью?

Он кивает:

– Они связаны. Делать что-то с частью тебя – то же самое, что делать что-то с тобой. Так что имена, подлинные имена... Это то, что хочешь защитить.

– Значит, у каждого есть два имени?

– Нет, не у каждого. Только у тех, кто знает. Вот почему охотники говорят: «Зови меня...» – а не «Меня зовут...». – Он делает паузу, но я не позволяю ему продолжить:

– Я произнесла свое имя перед Дверью.

– Свое настоящее имя? – резко спрашивает меня Райан. Я качаю головой, и он облегченно вздыхает. – Хорошо, – говорит он. – Если назвать свое настоящее имя перед Дверью, она сможет... что-то сделать. И не только твоя Дверь – что знает одна Дверь, то знают все.

Я закусываю губу.

– А как насчет Стэна?

– У него есть другое имя, не так ли? Дверь не знает его настоящего имени, только то, как его называют.

Я устремляю взгляд в пол. Свет от канделябров бросает диковинные тени. Теней больше, чем охотников; по всей видимости, Исида, Иштар и даже львица могут отбрасывать тени. Но львица отбрасывает тень не животного – это еще одна женщина.

Я вздрагиваю:

– А как насчет Аманды? У нее нет второго имени.

Я поднимаю взгляд на Райана и вижу его глаза под полями шляпы. Жаль, у меня нет шляпы. Только дурацкие солнечные очки, которые годятся лишь на то, чтобы челку на месте держать.

– Если у нее нет имени, могут быть два варианта. Возможно, именно поэтому она так легко зачаровала Дверь. Подлинное имя – сильная штука. Мы не полностью понимаем механизм создания Дверей – кстати, это я цитирую Нарнию, – но там может быть что-то привлеченное именно этой наживкой... – Я слышу, как Райан пожимает плечами. В моем мозгу это звучит словно похрустывание плечами, или, может, я просто повернула шею и там что-то затрещало. – Мы так и не поняли, почему Дверь явилась вам троим так быстро, так легко. Просто возникла.

– Спонтанная вивификация, – с умным видом говорю я, и он посмеивается:

– Жаль, что я научил тебя этим словам. – Он сжимает мою руку, перед тем как убрать свою. – Ты пользуешься ими слишком часто.

– Это отличные слова. Они мне нравятся. – Я сжимаю его руку и убираю свою. Лезу в карман плаща. Там моя бандана. Это та же самая розовая бандана, которую я надевала несколько дней назад, – такое ощущение, что прошло уже несколько недель. Может быть, время действительно движется с другой скоростью в потусторонних мирах. – Как ты думаешь, время движется в адских измерениях по-другому?

– Возможно. – Райан снова пожимает плечами, мысленно. – А может, нет. Полагаю, мы это выясним, если когда-нибудь выберемся отсюда. Просто надо найти чертову... – Я ощущаю, как его мысли со скрипом останавливаются, меняют направление, потом суматоха, которая выливается в слова: – Черт! Я знаю кое-что о руке и водах жизни. – Он взволнован. – Ты знаешь историю о руке Франклина? Я отрицательно качаю головой.

– Это случилось в Канаде. Парень по имени Франклин искал проход через северные территории, и его экспедиция потерялась. Не помню подробности, но об этом есть песня, о том, как рука Франклина до сих пор пытается достичь моря Бофорта.

– Может быть, мы как раз ищем руку Франклина? – поддразниваю я. – С тем же успехом можно ее так называть.

– С тем же успехом, – соглашается он.

– Ты думаешь, что рука Франклина в буквальном смысле – это то, что мы ищем? Имею в виду, наверняка оно называется совсем по-другому, но это что-то в этом роде?

– Что, если мы ищем руку, стремящуюся к морю? – переспрашивает Райан.

Я закатываю глаза:

– Я не знаю. Но разве не само собой разумеется, что большинство историй о воде, руках и жизни – это истории об одном и том же?

– Нет, вовсе нет, – отвечает он, усмехаясь.

– Так, значит, ты канадец? – спрашиваю я, уже зная, что он мне не ответит.

Он ухмыляется в мой адрес.

– Я не скажу тебе свое имя, – говорит он, – Тем более в Аду.

Я ухмыляюсь ему в ответ:

– Ладно, я тебе свое тоже не скажу.

Я бы сказала, если бы он спросил, но он никогда не спросит. Может, ему все равно.

Я щупаю свою бандану. Может, он не хочет знать, может, это подвергнет меня опасности, может, может, может...

Может, – что-то шепчет. – Может...

Черт, Райан убьет меня, если я опять залезу в его мысли, но он останавливается, и Рокси тоже. И шепот не превращается в слова, это просто тихое журчание, словно шум бегущей реки.

Рокси поднимает руку, во свете факелов ее лицо затеняют прыгающие тени. Тени не могут скрыть того, что она напугана.

Это женщина, прыгнувшая на дракона. Я не хочу видеть, что ее испугало. Ее змеи молчат и не шевелятся.

Журчание доносится из темного пятна в туннеле перед нами; судя по форме, это или очередная пещера, или новая тропинка. Новая чертова тропинка. Мы никак не можем обогнуть ее, разве что повернем в сторону, а это не вариант.

– Послушайте, – мягко говорит паук Кристиана.

Это первое, что он сказал за долгое время.

Паук Кристиана не обращает внимания на поднятую руку Рокси и движется мимо нее навстречу шуму. Райан трогается следом за ним, ведя Стэна, – затем Стэн останавливается и роняет голову набок.

– Все в порядке, – говорит Стэн.

Его голос еще ниже, чем прежде.

Стэн, мой Стэн, его уже почти нет здесь. Чувство вины стягивается узлом у меня в животе. Я заставила его забыть. Я это сделала. Я никогда не смогу это исправить.

«Стэн, прости меня», – думаю я и надеюсь, что он слышит, если он вообще может слышать.

– Это просто поет чья-то мама, – продолжает Стэн. – Мило на самом деле...

Райан отклоняется от Райана как раз вовремя, чтобы схватить Рокси, когда она пытается броситься в сторону журчания, он хватает ее руками за талию железным объятием, из которого она не может вырваться. Она старается изо всех сил, и я под серьезным впечатлением от их усилий, несмотря на то, что до смерти испугана.

– Элли, – Райан-Исида выдавливает из себя, – ослепи ее. Ох!

Рокси дерется грязно. И он хочет, чтобы я помогла ему. Отлично.

Я достаю бандану из кармана и пытаюсь проскользнуть боком к Рокси. Она вопит нечеловеческим голосом, и ее змеи... они умирают, повисая вдоль ее тела. Журчание становится громче, и Кристиан разрывается между желанием идти вперед и желанием вернуться и помочь нам справиться с Рокси, и Стэн трогается с места, вытянув руки, в сторону Кристиана и новой пещеры.

Рокси запрокидывает голову, пытаясь сломать Райану нос, и слава богу, что они имеют опыт спарринга, или чем там занимаются охотники в целях налаживания контактов, потому что его носа там нет, но есть мой платок. Не самая лучшая повязка на глаза, но ее достаточно – Рокси внезапно ослабевает в руках Райана, коротко дыша.

– Что за чертовщина? – спрашиваю я.

Райан осторожно выпускает Рокси, она стоит на ногах, но неуверенно.

– У меня есть подозрение, – говорит Исида.

Она почти материальна. Иштар тоже. Райан осторожно берет Рокси за руку и двигается в сторону пещеры. Я хватаю Стэна за рукав и слеую за ними.

Пещера достаточно велика, чтобы мы все могли встать плечом к плечу у входа, даже огромный паук Кристиана. Я вспоминаю строчку из «Мэри Поппинс»: «Плечом к плечу в сражении». Ладно, мы не суфражистки, но ощущение остается. На стенах пещеры нет факелов, только бушующее пламя в расщелине посередине. Пламя не оранжевое – оно черное. Огонь черный и настолько горячий, что я чувствую его жар от того места, где мы стоим, за много футов.

Вдоль дальней стены, за расщелиной, – огромная змея. Только это не просто змея – это наполовину женщина. Змеиная половина покрыта не чешуей, а, скорее, темной толстой кожей. С женской головы на спину густыми локонами спадают длинные темные волосы, рассыпаясь вокруг покрывалом. Это оно – она – производит журчащий звук, в котором Кристиан и Стэн, наши полудемоны, услышали какой-то смысл.

Стэн сказал, что это поет чья-то мама. Дверь Рокси любит напевать ей; я начинаю думать, что, возможно, мысль Райана, которую он высказал раньше, не была ошибочной: Ад – это то, что ты приносишь с собой.

Я призадумалась, какой кошмар Рокси принесла с собой, что он довел ее до такого безумия!

Эта штука, продолжая журчать, погружает руки в массу своих прекрасных волос и поднимает сверток, лежащий в изгибе ее хвоста. Она прижимает его к груди, что-то нашептывая и убаюкивая, затем подносит его к лицу.

Ее рот распахивается, словно пасть змеи, и она...

– Что она ест, Райан? – тихо спрашиваю я.

Я знаю, что она ест. Я знаю. Но я должна спросить.

– Ребенка, – отвечает Иштар и начинает плакать.

Рокси, чьи глаза закрыты повязкой, содрогается: Я хочу отвернуться – это не настоящий ребенок, настоящие дети не попадают в Ад, просто скажи мне, что это не настоящий ребенок, Райан.

Исида мягко поясняет:

– Это ламия.

Я опускаю взгляд на свой плащ. Я ношу кожу чудовища, пожирающего младенцев.

Я хочу выбросить его.

– Они живут в пещерах, – говорит Райан.

Он осторожно подталкивает Рокси вперед, мимо входа, дальше по коридору и прочь от этой мерзости.

– Они часто появляются в больницах. И в парках. И...

– Заткнись! – перебиваю я, сжимаю руку Стэна и тороплюсь за Райаном, как будто в нескольких футах от меня не происходит ничего ужасного.

И мы минуем пещеру с огнем и расщелиной, мы снова идем по коридору с факелами и обычным, оранжевым пламенем.

Вот только я все еще слышу журчание, все еще слышу шепот кошмара Рокси.

И думаю, что же я принесла с собой в Ад?

Я веду нас по коридорам, закрывая глаза через каждые несколько футов, чтобы убедиться, что мы идем в верном направлении. Мы поворачиваем налево на одной развилке в пещере, направо – во второй. У меня ощущение, будто мы ходим кругами, но этого не может быть, потому что мы все ближе и ближе подходим к черной Двери.

– Она черная, – бормочу я Райану, поняв это.

Он ставит Стэна за спину Кристиана, и они переговариваются между собой. Стэн мысленно поет песенку о Красной Шапочке и волке, который ее съест. В конце песни волк

съедает ее и она умирает. Сначала он пожирает ее внутренности, потом глазные яблоки.

Черт побери, как отвратительно! Когда песенка заканчивается, Стэн начинает сначала. Вот чем он занимается. Он не говорит, он напевает.

– Жаль, мы не знаем, что означают эти цвета. – Голос Райана звучит более расстроено, чем я думала.

– Ненавижу это дерьмо, – подхватывает Рокси.

Она оставила повязку на глазах и двигается медленно. Ее ботинки все еще не производят шума, а змеи выглядят больными, словно они умирают от близости ламии.

– Ламия – это элементарь? – спрашиваю я. – Она ведь не может быть ею, если заставляет Рокси плохо себя чувствовать?

– Нет, это обычный демон.

Я ударяю ногой о пол. Если бы здесь был булыжник, я пнула бы его, но здесь нет ничего. Лишь пустые каменные коридоры.

– Почему мы носим их кожу? Почему мы носим кожу этих мразей, которые...

– Потому что это работает, – спокойно отвечает Райан. – Это демон, действительно омерзительный демон, но благодаря его коже мы можем уцелеть в кое-каких схватках. Мы делаем то, что должны делать.

Райан проводит рукой по стене осторожно, чтобы не коснуться ближайшего факела. Похоже, это больно – трогать ее, из-за огня и всякого такого.

– Иногда мы считаем, что некоторые вещи – это просто фольклор, а они оказываются реальными. Это, как говорит Нарния, случилось с кожей ламии. Какой-то охотник заполучил ее, пройдя в Дверь, и неожиданно для нас открылся новый способ защиты. И опять-таки мы считаем что-то реальностью, а это оказываются сказки.

– Вроде зомби, верно?

Я совершила эту ошибку в первый месяц нашего знакомства с Райаном. Я попросила его научить меня стрелять из пистолета, на случай если нападут зомби. Он посмеялся надо мной и объяснил, что зомби существуют только в фильмах категории «В» и в дрянных ужастиках.

Мне нравятся зомби. Главным образом из-за этого. На самом деле я смотрю все фильмы о зомби, которые мне удастся заполучить. Ладно, их немного, потому что блокбастеры не пекутся как горячие пирожки, но я видела все части «Обители зла», и то английское кино о вирусе, и тот очень странный итальянский фильм с Рупертом Эвереттом, который Райан одолжил мне на вечер, чтобы мы обсудили ошибки.

О'кей, так что я видела парочку фильмов о зомби. Они остаются моими любимыми.

– Да, вроде того, угу, – отвечает Райан.

– За исключением голема, – устало добавляет Рокси. – Время от времени нам приходится убивать голема.

– Голема?

– На самом деле это не зомби. – Райан качает головой. – Это человек, сделанный из глины, у него во рту клочок бумаги с древнееврейским именем Бога. Или иногда он оживает благодаря клочку бумаги с надписью «Жизнь».

– Значит, если я сделаю голема, он может впасть в неистовство, типа разрушить город и сожрать мозги его жителей?

– Они не едят мозги... – Райан делает паузу, – но могут быть жестокими.

– Теперь, когда каббала популярна повсюду, многие люди делают големов, – говорит Рокси. – Они считаются элементарями, потому что сделаны из земли. – Она спотыкается, но восстанавливает равновесие до того, как я успеваю поддержать ее. Не то чтобы я сильно помогла бы ей; скорее всего, мы упали бы вместе. Но намерения имеют значение, верно? – В Уильямсбурге была эпидемия несколько лет назад, в то время, когда там жили преимущественно евреи. Многие еврей-хасиды изучают каббалу, и всегда подворачивается несносный подросток, желающий доказать, что ему не надо ждать, пока стукнет сорок лет, чтобы приступить к изучению.

– Это что, закон? Потому что я могу легко представить, как Аманда делает големов и оживляет их. Честно, армия, которая будет исполнять каждое ее желание? Может, поэтому она не отвечает на телефон?

Райан хмурится:

– Аманда недостаточно сообразительна, чтобы построить армию големов.

– Аманда, – возражаю я, – была достаточно сообразительна, чтобы открыть Дверь.

– Аманда не захочет пачкать руки и лепить людей из глины, – поправляет себя Райан. – И это только общее направление. – Райан потихоньку, осторожно подталкивает меня к стене, чтобы оказаться рядом с Рокси. Она не сможет сбить его с ног, так что я определенно одобряю его действия. – Вроде того что люди за сорок никогда не будут заниматься глупостями типа изготовления големов и выпускания их на волю.

Но я на самом деле не слежу за его рассказом, потому что я кое-что слышу: опять журчание. Перед нами угол, резкий поворот налево.

Если это еще одна ламия, я ее убью.

Мы заворачиваем за угол, и это не ламия, слава богу.

Это коридор с тысячами мерцающих Дверей по обе стороны, уходящих в бесконечность или в нечто равно поэтическое. Как бы то ни было, это меня не впечатляет.

Действительно? – говорит одна из них.

Что тебя впечатлит, Элли? – говорит другая.

Мы могли бы дать это тебе, – добавляет еще одна.

О дерьмо!

– У нас проблемы, – сообщаю я.

– Куча, – выдавливает Райан. Он смотрит на что-то, чего я не вижу, и его ногти впиваются в ладони. – Дверь, которая нам нужна, рядом?

Мы можем отвести тебя к ней, – предлагает Дверь справа от меня, весьма услужливо.

Я закатываю глаза. Двери высвобождают ужасных, отвратительных демонов и, полагая, могут манипулировать вашими чувствами и заманивать вас в ловушку, правда?

Я осознаю, что, когда Двери просто говорят с тобой, многие из них вроде как жалуются.

Я поворачиваюсь, чтобы утешить остальных, что все будет хорошо, но... м-да, может, не все будет хорошо. Райан покачивается на одном месте, бормоча: «Ненастоящие», снова и снова. Кристиан снял бейсболку и протягивает ее Двери слева. Рокси поигрывает ножами совершенно не успокаивающе. Стэн на грани того, чтобы коснуться Двери.

Я ору:

– Стоять! – И поскольку я идиотка, еще и думаю это.

Все замирают, каждый прилипает к месту. Только аватары тихо двигаются, глядя на меня с загадочным видом. Дверь рядом со мной говорит: Мы рады, что смогли сделать это для тебя.

О, боже мой, я устала от этого дерьма. Я осматриваюсь. Впереди есть Дверь, немного отличающаяся от остальных. Я подхожу к ней. Она выглядит так же, как другие, но пахнет совсем иначе.

– Привет, – говорю я.

Привет, Элли.

Я возвращаюсь к нашей группе и одного за другим подтаскиваю всех к Двери. Выстроив их как можно ближе к Двери, я мысленно команду: «Вперед!»

Все отлипают, как будто восковые фигуры оживают в музее. И я изо всех сил толкаю их в Дверь – она даже не хочет моей крови, она просто хочет меня – и сразу же иду за ними.

Мои колени подгибаются, и я падаю лицом вниз. Сначала мне кажется, что я свалилась с выступа.

Все, что я слышу, – это плач и вопли. Подо мной мусор, отбросы, это отвратительно, и я чувствую запах, потому что мое лицо уткнулось прямо туда. Весь этот мир воняет отбросами.

Под мусором люди, это люди, и они кричат, а передо мной – самьяза, и я тоже начинаю вопить точно как люди под мусором.

Люди обнаженные, они извиваются, и я с воплями отползаю назад как можно быстрее, назад, прямо в Райана.

Никогда больше, черт возьми, я не буду говорить «если мне повезет».

Львица прыгает передо мной, и, честно говоря, меня тошнит от символичности всего этого, мне хочется чего-то прямолинейного и простого, хотя бы однажды, Христа ради.

Я знаю, что он двигается, и знаю, что, наверное, мешаю ему, но не поднимаю головы от края пальто Райана. Я слышу хлюпающий звук.

– О, деточка... – Рокси становится на колени рядом со мной, сняв шляпу с головы и держа в руке бандану, она опускает солнечные очки мне на глаза, и все приглушается: вопли, вонь мусора – все.

– О, деточка – что? – спрашиваю я.

Мой голос охрип от воплей, и тело не слушается, я не могу встать.

– Это Ад, – объясняет она, обнимая меня, и змеи покрывают меня. – Тот, который ты знаешь.

Который я знаю?

О, тот, который я знаю. В который вроде бы верю. Иногда вера делает вещи реальными. Этому тоже учишься у охотников.

– Разве змеи не должны быть здесь злыми?

– И сделал Моисей медного змея, – говорит Райан.

Он сидит на корточках рядом со мной. Рокси притягивает Стэна поближе, и теперь Стэн и остальные столпились вокруг меня. В отличие от других Адов, где мы побывали, этот полон созданий, окружающих нас, наблюдающих и приближающихся слишком близко. Я чертовски боюсь самьяза, после того как один из них напал на меня, выйдя из моей Двери пять лет назад. Я притрагиваюсь рукой к животу, там, где шрам. Где-то здесь может быть еще один самьяза. Может, их здесь много. Возможно, они прячутся, они выжидают.

– И сделал Моисей медного змея, – повторяет Райан, высокие голоса Иштар и Исиды звучат в унисон, перекрывая крики из-под нас, и затем к ним присоединяется Кристиан, мягко пощелкивая.

– ...и выставил его на знамя, – тут присоединяется Рокси. – И когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив. И отправились сыны Израилевы¹⁷...

– Ну же, – шепчет мне Стэн, – где моя упорная девчонка?

И я чувствую себя лучше, и, когда они помогают мне встать, я вижу останки самьязы, разбросанные повсюду. Нож Райана, большой обсидиановый, сверкая чистотой, лежит на земле. Райан поднимает его.

– Пойдемте, – говорит он.

В этом измерении мне тяжелее, здесь есть драконы, похожие на дохлых червей, хуже, чем дракон из Кура, они летают над нами, кричат вместе с людьми, и змеи на Рокси шипят и извиваются, а паук Кристиана класает на ходу. Иштар, Исида и львица мягко ступают впереди нас, даже впереди Райана.

Стэн спотыкаясь бредет рядом со мной. Хотя оборотень уже почти завладел им, я вижу, что ему плохо. Должно быть, он тоже до некоторой степени верит в этот Ад.

Интересно, как это – быть гомосексуалистом и верить в этот Ад? Верить, что, может

¹⁷ Книга Чисел, 21: 9.

быть, ты попадешь именно сюда. Вот только Стэн уже мертв, и в его теле оборотень.

– Я голоден, – стонет он.

Его рука прижата к животу, я закрываю глаза и смотрю прочь. Сквозь очки все видится туманным; я почти не вижу Двери.

– Я не вижу Дверь, – говорю я.

– Что? – вскрикивает Рокси, глядя на меня через плечо.

– Я не вижу Дверь! – кричу я в ответ.

Кричать больно. Я просто хочу лечь. Я хочу и сдаться.

Тут Райан оказывается рядом со мной:

– Элли, Элли. Давай же. Идем.

– Я не хочу, я хочу лечь, я не могу, Райан, я больше не могу, не могу идти...

Я падаю. Крики оглушают. Мне больно, все болит. Здесь так одиноко, так страшно, все так испуганы...

Следующее, что я чувствую, – резкая боль. Райан, с мрачным видом держит обсидиановый нож в руке, и мои измученные, покрытые синяками руки кровоточат. Запах крови приводит меня в чувство, и я шмыгаю носом, делая длинный выдох. Райан держит мои окровавленные руки – он порезал мне ладони – над кругом, который нарисовал карандашом цвета «макароны с сыром». Кровь шипит и пенится, падая на землю.

– Говори с Дверью! – настойчиво требует он. – Найди Дверь!

Я прижимаю ладони к кругу, размазывая кровь, и закрываю глаза. Крики затихают – не полностью, но достаточно, чтобы я смогла увидеть.

– Ее нет. Ее нет... Она, может быть... может быть, попозже? – гадаю я.

– Тогда мы останемся тут на некоторое время, Элли. – Райан садится на землю рядом со мной, следя, чтобы не нарушить круг плащом.

Его плащ пошит из кожи ламии. Ламии едят младенцев. Я ношу кожу ламии, и они питаются младенцами и...

Тошнота поднимается к горлу, и я прижимаю руки к лицу. На моих губах, зубах и языке кровь, я чувствую ее вкус, металлический, как у мокрого пенни.

– О боже! – Я падаю со стоном. – Мы должны остаться тут? Я не могу, Райан, я не могу...

– Ты можешь и сделаешь это, – твердо говорит он. Он укладывается рядом и прижимает меня к себе, сердце к сердцу.

Львица устраивается рядом с нами. Райан не только укрывает меня своим плащом, он надвигает мне на голову свою шляпу, и крики становятся тише.

Я чувствую, что остальные ложатся рядом с нами. Полагаю, в глубине души мы все боимся этого Ада. Думаю, никто из нас не хочет верить, что этот мир реален. Легко не обращать внимания на сумасшедших норвежских демонов или на странных шумерских и на тупых вампиров – они все такие древние и ничего не значат в нашей повседневной жизни.

Но мы пропитаны христианством и до некоторой степени даже иудаизмом, думаю я, и чем дольше думаю, тем яснее осознаю, насколько это все нам близко. Есть вещи, которые я никогда прежде не видела, но, тем не менее, могу узнать, понимаете, о чем я? Создания со скалящимися человеческими лицами, длинными рогами, частями тел животных – все это перемешано. Демоны, какими нам их изображали.

Одно создание подходит ближе и садится прямо перед крутом. У него человеческая голова на теле льва с шеей змеи, из затылка человеческой головы растут бычья и овечья головы. При выдохе головы выпускают дым. Дым пахнет серой. Это, детки, традиция.

Я засыпаю под звуки голосов Рокси, Кристиана и Райана, они о чем-то бормочут между собой; я засыпаю в облаке дыма со словами «Смилуйся надо мной, Боже, смилуйся надо мной... Помилуй, моя душа среди львов...».

Я не вижу сон, что меня несколько разочаровывает. Открыв глаза, однако, я чувствую себя действительно отдохнувшей и...

И я голая. На поросшем травой холме. И под моим задом камень.

– Уф, Райан? – Я моргаю.

Он растянулся рядом со мной, лежа на спине. Тоже голый, за исключением шляпы. Что, должна я сказать, невероятно сексуально. Аватаров поблизости нет. Я сплю? Лучший сон в моей жизни. Мои волосы распущены, и, когда я забираюсь на него и утыкаюсь лицом в шею, они касаются его груди. Он чудесно пахнет. Я хочу съесть его. Уф, не в прямом смысле слова.

– Райан, – бормочу я ему в шею.

– Элли, – вздыхает он и садится. Я оказываюсь у него на коленях, и, о боже, это прекрасно. – Пожалуйста...

Кажется, я всегда умоляю его о чем-то, и на этот раз он дает мне то, что я хочу, просто приподнимает меня и усаживает на себя, еще пара дюймов – и он внутри, обжигающе горячий, и я двигаюсь на нем, и это лучшее, что я чувствовала в своей жизни. Мне больше ничего не надо, только ощущать Райана внутри себя.

Он покусывает мне шею, и я содрогаюсь в сильном оргазме, он едва дотронулся до меня – и я кончаю. Затем он переворачивает меня на спину, я обвиваю его талию ногами, впиваясь пятками в его мощные мускулы, и я снова кончаю, когда он приподнимает меня и врывается внутрь толчком снова и снова. Мои руки безвольно раскинулись по сторонам, голова повернута набок, и я задыхаюсь, я не могу перевести дух, меня захлестывают волны наслаждения, накрывают с головой. Все, что я чувствую, – это Райан.

Когда я снова открываю глаза, у меня все болит. Я смотрю на свое тело. Все еще голая. Все еще на травянистом холмике неизвестно где. Покрытая красными отметинами, которые превратятся в синяки, и следами укусов. Он так сильно укусил меня за левую грудь, что видны следы зубов.

Я роняю голову на землю и снова натываюсь на чертов камень.

Я перекатываюсь и смотрю на Райана из-под ресниц. В какой-то момент во время нашего сексуального безумия с него слетела шляпа, и теперь его волосы разметались во все стороны. Они отросли и начинают виться. Мне хочется запустить в них пальцы. Мне хочется куснуть его, впиться в его губы, пососать соски и потрогать его везде – но мне это не светит. Это лишь то, чего я хочу, не то, что я должна делать.

– У-у-у... – Я отворачиваюсь от него и кладу голову на руки.

Трава пахнет травой, и это так прекрасно, такая удивительная перемена после запахов крови и смерти. Солнце сияет и греет, и мне хорошо в первый раз с тех пор, как я обнаружила, что Дверь исчезла.

– Элли, – зовет он и нежно касается моего плеча. – Элли.

– Да-а-а-а? – отвечаю я.

Я чувствую его движение, когда он садится.

– Черт! Асмодей.

– Будь здоров, – говорю я, будто он чихнул.

Во всяком случае, это слово было похоже на чихание. Имею в виду, я привыкла к странным языкам и прочей ерунде, но Асмодей – это что-то новенькое.

– Асмодей. Демон-обманщик. Дерьмо! И мы ведь его видели. Он сидел за кругом, когда мы ложились спать.

– То странное существо, похожее на льва? – Он кивает. У меня зарождается смутное подозрение. – Что этот демон делает?

Райан вздыхает и трет лицо ладонью:

– Заставляет людей заниматься сексом.

– Что?! – Я тоже сажусь, и мои волосы рассыпаются по плечам.

Я словно еще чувствую руку Райана, как он потянул меня за волосы, заставляя голову откинуться, чтобы прильнуть к моей шее. Я слегка вздрагиваю. Я опять хочу его. Вот только...

– Нас только что изнасиловал демон?

– Нет, – отвечает Райан. – Он бы не смог нас заставить. Он... выявляет то, что есть.

Христианские демоны все такие. Ведь грех существует внутри человека, так что...

– Значит, этот демон приходит, заставляет нас раздеться, и все, что он делает, – просто говорит, что мы и так хотим это сделать? – Райан смотрит в сторону. Я резко моргаю. – Ладно, или что я хочу это сделать. Не ты, по всей видимости. Прости, что этот информированный демон сбил тебя с толку. Он не вернется, правда?

Райан качает головой, перед тем как снова взглянуть на меня.

– Это не только ты, Элли, – возражает он. – Ты знаешь, что я чувствую...

– Заткнись! – перебиваю я. – Я не нуждаюсь в том, чтобы ты был охотником, героем или еще кем-то и спасал меня с помощью заигрываний. Я видела, как ты делаешь это с другими людьми. Я видела, как ты это делаешь с Дон, с Аmandой, с тупыми блондинками на улице, – черт побери, я видела, как ты делаешь это со Стэном. Ну и что с того, что демон покопался в моем грязном белье? Мне ни к чему, чтобы ты пытался меня утешить.

Мозоли на его ладони – мозоли от пистолета, ножа, тяжелой работы и магии, – я чувствую их жесткость на лице, когда он поворачивает мою голову к себе и его рот грубо прижимается к моим губам. На вкус он словно трава, и соль, и жар, и – настоящее. Внезапно он прерывает поцелуй. Я испугана, но он просто смотрит на меня, и... он не смотрел на меня так со времен первого поцелуя, так, словно я убиваю его самым фактом своего существования. Словно он убивает меня.

– Нет, – говорю я. Я удерживаю его лицо руками, чтобы он не смог снова от меня отвернуться. – Я настоящая. Я здесь. И ты не моя погибель.

Я произношу это громко, словами, и затем я говорю это прикосновением губ к его лбу, к горячей коже и тревожным складкам. Я целую его щеку, нос и его. Я целую его, и его рот открывается под моими губами, и я падаю в него, в чувства, в его вкус, и его руки обвиваются вокруг моей талии, притягивая и прижимая меня.

Мы можем стать ближе, я знаю, что можем. Я увлекаю его обратно на землю, не выпуская из объятий. Он вздыхает и кладет мне голову на плечо.

– Я должен сказать тебе, Элли. Хочу, чтобы ты знала, – шепчет он мне в кожу.

Так тихо, так легко его дыхание скользит по моей коже, и мои соски поднимаются и твердеют от этого ощущения. Его рука медленно движется к моей груди. Ладонь касается соска, очерчивает круги, и от этого легкого прикосновения я схожу с ума. Он останавливается и снова убирает руку, как будто я – это конфетка, которую ему нельзя пробовать.

– Мои аватары, – продолжает он, – это не богини. Это те женщины, с которыми я был. Которых любил. Три женщины, все мертвы. Они пошли за мной. Они предупреждают меня. Предупреждают тебя. – Его голос пустой и одинокий; – Это плохая мысль, Элли. Эта мысль всегда была плохой.

– Ты идиот, – отвечаю я, потому что он действительно идиот, и мне хочется плакать. – Значит, Исида, Иштар и эта кошка – они были охотниками?

Он прерывисто дышит.

– Нет, они были обычными девушками, такими же, как ты.

Я притягиваю его голову к себе, и он так изумлен, что умолкает.

– Не такими же, как я! – яростно возражаю я. Посмотри, где мы. Не хочу обидеть твоих призраков или кто они там, но готова поспорить, что они бы обделались, если бы прошли сквозь Дверь в Ад. Готова поспорить, что они не убивали демонов. Не сражались. Я не они, Райан. Я никогда такой не была. Ты можешь быть со мной.

Он пристально смотрит на меня, сомневающийся и потерянный, и на какой-то миг мне кажется, что я слышу мурлыканье львицы, и в этот миг его глаза наполняются выражением, которое я никогда прежде не видела ни у него, ни у кого-то другого, и, когда он целует меня, это похоже на то, как мы целовались впервые, только на этот раз нежно и немного неуклюже.

Я научилась языку бровей, но я понятия не имею, что он говорит ртом.

Когда он отстраняется, я сильно возбуждена и рассчитываю снова заняться любовью,

но он действительно отстраняется и встает. Я хмурюсь. Что происходит в его чертовой переменчивой голове?

– Где моя шляпа? – спрашивает он, и я поднимаю ее с земли и протягиваю ему.

Вот он стоит, голый и в шляпе. Я так хочу прижаться к нему изо всех сил, клянусь, но он отворачивается. Сзади вид такой же чудесный, как и спереди, все эти мышцы, и круглый зад, и мощные бедра. Я никогда не считала себя поклонницей задниц, но Райан заставил меня по-новому посмотреть на саму себя – так почему и это не может измениться?

– Ненавижу просить тебя об этом, – говорит Райан, все еще спиной ко мне, – но тебе надо найти Дверь.

– Разве мы... Имею в виду, разве это не видение или что-то в этом роде? – неуверенно спрашиваю я. Потому что это может быть просто совместная галлюцинация, со мной и более странные вещи происходят каждый день перед завтраком.

– Нет, – подтверждает он мои опасения. – Это... послушай, есть адские измерения, так? Некоторые из них достаточно велики, чтобы занять собой целый мир. А некоторые очень-очень маленькие. – Он проводит рукой вокруг почти беспомощно. – Если это Асмодей, он, вероятно, просто подобрал что-то наиболее близкое к нашему идеалу.

– Мой идеал... это трава?

– Мм?..

Впервые я слышу в его голосе неуверенность относительно чего бы то ни было. Черт поberi!

– Значит, трава, вода и солнечный свет. Ладно.

Я убираю волосы за уши, хотя это выглядит ужасно, и мне отчасти хочется, чтобы Иштар оказалась поблизости и я не была единственной голой цыпочкой в этих краях.

– Ты можешь найти здесь Дверь? Ты не должна... имею в виду, тебе не надо говорить с ней. Не проси ее ни о чем. Просто найди. – Он не оборачивается.

Я знаю, он чувствует себя неловко, но я чувствую себя отвергнутой. Просто потому, что я понимаю его чувства? Ему не очень комфортно вести себя со мной так странно?

Но как бы то ни было...

Я закрываю глаза и шепчу: «Где ты?»

И когда я открываю глаза, рядом с Райаном стоит Дверь.

Привет, – говорит она, и клянусь, это звучит жизнерадостно. – Войди в меня, Элли.

«Чего ты хочешь?» – спрашиваю я подозрительно.

Я ничего от тебя не хочу, – отвечает она.

– Она ничего не хочет от меня, – говорю я Райану, и он резко кивает, поворачивается и входит в Дверь.

Я задерживаюсь. Здесь хорошо, и я на самом деле не хочу возвращаться в измерение христианского Ада, полное воплей и смерти. Дверь... она хорошенькая. Она высотой в половину меня, и внутри ее другая Дверь, и там еще одна, и еще одна, каждая следующая меньше предыдущей. Вверху она чуть-чуть шире, чем внизу, и на ней вырезаны иероглифы. Уверена, что Райан или Рокси – или, черт ее дери, Нарния – могли бы прочитать их, но для меня это просто орнамент.

Она мерцает медно-желтым блеском в лучах солнца.

Я глажу ее снаружи, и она мурлычет мне.

«Ты хорошенькая», – говорю я ей и вхожу внутрь.

Я снова в своей отвратительной одежде из кожи ламии, волосы все еще собраны в неаккуратный хвост, и все вокруг опять пахнет смертью, ужасно, повсюду крики – но на этот раз я готова к этому. Я не сломаюсь.

Я надеваю солнечные очки, и вопли становятся чуть тише.

«Чтоб вас!» – вызывающе думаю я.

Слышу, как Двери повсюду смеются надо мной.

– Асмодей, да? – спрашивает Рокси, подмигнув мне. Я смеюсь, с удивлением обнаруживая, что могу веселиться. – Ты должна мне рассказать все подробности.

– Ну-ну, – отвечаю я. – Это мой секрет.

– Мы чертовски заволновались, когда вы исчезли.

– Нас не было несколько часов, я удивлена, что вы до сих пор здесь, – говорю я, и она качает головой:

– Минут пять.

– Так, значит, время действительно идет по-разному. Хм...

Рокси протягивает мне мою бандану:

– Спасибо, но она мне больше не нужна. Если нам недалеко до Двери...

– Примерно час ходьбы, – говорю я.

– Тогда пойдем. – Она похлопывает меня по плечу, и одна из ее змей шипит на меня. Я шиплю в ответ и хихикаю.

Райан может беситься, как ему нравится. Я думаю, что он действительно привязан ко мне и поэтому психует. Я ему нравлюсь, пусть немного, и он сопротивляется этому или боится. Я не глупа, могу понять такие вещи.

И мне было здорово. К черту это адское измерение, и всех его демонов, и смерть! Асмодей – просто Санта-Клаус какой-то.

Вот только второй раз в жизни я занималась сексом без презерватива. Я начинаю чувствовать себя совершенно безответственной. Просто потому, что Райан заставляет меня позабыть обо всем... Когда мы выберемся из потусторонних миров, я зайду в аптеку и куплю утреннюю пилюлю. На всякий случай. Не знаю, сколько времени прошло в нашем измерении, но я не принимала противозачаточные таблетки. Я почти обеспокоена. Но сложно волноваться по поводу нескольких пропущенных приемов ортотрициклина. Особенно перед лицом угрозы быть выпотрошенными легионами проклятых.

Мы медленно тащимся, наталкиваемся на Дверь, и она сразу же открывается, крови не требуется. «Ты знаешь меня», – говорю я, когда мы идем сквозь ее розовое мерцание, и она смеется.

Ад, в котором мы оказываемся, прекрасен. Полагаю, они не могут быть все отвратительными и безобразными. Здесь реки и сочная трава точно как в потустороннем мире Асмодее. На горизонте садится солнце. Оно все время садится и никак не сядет. Все вокруг подсвечено розовым. Даже Кристиан больше не щелкает.

Рокси выходит вперед, ее плащ развевается очень сексуально. Если бы я была из тех девушек, которым нравятся другие девушки, Рокси наверняка пришлась бы мне по вкусу.

Она идет, пока не наткнется на лужайку, залитую солнечным светом. Я знаю, что я в чудесном, покрытом пышной травой Аду, но не думаю, что могу устать от этого. Я передаю Стэна Кристиану и устраиваюсь рядом с Рокси.

Рокси стягивает плащ и сбрасывает шляпу.

– Я собираюсь вздремнуть, – бормочет она и тут же засыпает.

Это первое измерение, где Кристиан в полном порядке; интересно, арахнидам нравится солнечный свет и трава? Ведь люди превращаются в пауков в каких-то египетских мифах?

Я говорю это Кристиану, который устроился по другую сторону от Рокси, растянувшись на спине и прикрыв лицо бейсболкой. Он приподнимает бейсболку и бросает на меня пренебрежительный взгляд. У него это ловко получается.

– Это Греция, и арахниды ее ненавидят, – отвечает он щелкающими звуками.

– Прости, мой бог. – Я закатываю глаза. – Ладно?

– Греки думали, что они придумали все на свете. – Голос Райана, прервавшего наш разговор, точь-в-точь похож на голос Исиды. – Они даже украли Осириса и превратили его в Диониса. – Он/она фыркает.

Львица подставляет мне голову под руку, чтобы я ее почесала, и я решаю, что не буду ругаться с Исидой прямо сейчас.

Искреннее признание: если эти аватары действительно призраки из прошлого Райана, кто бы ни был Исидой, это реально раздражающая штучка. Я слегка разочарована вкусом Райана, что и мне не льстит.

– Мы не будем рисовать тут круги, – говорит Исида через Райана. – Нам не требуется. – Исида потягивается. – Это мои владения. Вы никогда не видели ни одного моего демона.

Львица спит, и Иштар тоже.

– Осирис – это не Аид, он не какое-то мстительное, злобное, уродливое создание, пытающееся сделать всех такими же несчастными, как он сам. – Она похлопывает по земле. – Ему нравятся эти места. – В ее голосе проскальзывает горечь. – Без меня.

По земле пробегает рябь. Образуется рука, и она тянется погладить Исиду по шее. Мороз по коже.

– Иногда со мной, – исправляется она.

Райан потирает подбородок и гримасничает, – может, он заметил, что у него песок на лице?

– Я устал, – тихо говорит он своим собственным голосом, – оттого, что не понимаю, что, черт возьми, происходит. – Он качает головой. – Я снова чувствую себя новичком. Ты знаешь, как давно я последний раз действительно не знал, что делать?

Не могу сказать точно, со мной ли он разговаривает, но я в любом случае отвечаю:

– Пять лет назад. Ты хотел поцеловать меня, ты знал, что я хочу поцеловать тебя, но ты этого не сделал, и я тоже не сделала, и ты вылетел из комнаты, а самъяза распорол мне живот, и ты не знал, что с этим делать.

Минуту Райан ничего не отвечает. Он поворачивается взглянуть на меня, его глаза мрачные.

– Я знал, что делать, – говорит он. – Просто с тобой было сложнее.

– Даже не знаю, как это понимать, – произношу я. Он просто смотрит на меня. Я высказываю догадку: – Это... из-за твоих женщин?

– Нет, – возражает он. – Это из-за тебя и меня.

– Что ж, это, должно быть, ложь, потому что все, что ты делаешь, направлено на то, чтобы заставить людей держаться от тебя подальше! – огрызаюсь я. Ох, он меня отталкивает. – Почему ты отвернулся от меня в Аду Асмодея?

– Элли... – Все, что ты делаешь, – это уходишь от тех, кто к тебе равнодушен. От своей семьи. От меня. От всех...

– Элли...

– Твоя логика неверна. Люди страдают не оттого, что ты рядом, Райан. А от твоего отношения. Потому что у тебя могло бы быть много людей, которые тебя любят, тебе было бы легче...

– Элли! – рычит он.

Рокси бросает взгляд на нас, у нее странное выражение лица. Я встряхиваю головой, волосы развеваются, и она снова отводит взгляд.

– Ты не испугаешь меня своими криками, – заявляю я ему.

– Тебе следовало бы испугаться. Люди рядом со мной умирают, ясно? Я не могу ничего поделать с этим. Это не игра. Это не...

– Да? Что ж, я была рядом с тобой много лет, и я до сих пор жива!

– Но так будет не всегда. – Он не кричит теперь, а просто уставился на свои ладони.

Львица светится под его ладонями, однако она не совсем здесь.

– Никто не вечен. Если бедность и покинутость чему-то меня научили... – я делаю глубокий вдох, – так это тому, что надо брать то, что можешь получить. Просто надо брать то, что есть, и ценить, пока оно у тебя есть. Я никогда прежде не знала об этом, но теперь знаю, и знаю, что это трудно. Трудно ценить то, что когда-то у меня был полный шкаф «маноло блаников» и Гуччи, а теперь нет. Трудно ценить то, что мы со Стэном когда-то

близко дружили, а теперь он умрет из-за меня.

– Может, я хочу большего, – говорит он, и я не могу понять, сердится он или расстраивается.

Он трет лицо и поправляет стетсон. Отходит и садится рядом со Стэном, не глядя на меня.

То есть большая его часть уходит. Иштар и Исида тянутся следом за ним, словно призраки на фотографии с длинной экспозицией. Львица остается, проявляясь в реальность.

Она смотрит на меня.

– Молчи, – говорю я ей, и она качает головой и зевает.

Львица усаживается поудобнее, словно гигантская кукла на чайнике, и я вижу, что она собирается долго на меня пялиться.

Отлично. Отлично. Я надвигаю на глаза очки и пытаюсь уснуть. Хотя это трудно, потому что у меня не выходят из головы мысли о Райане, отталкивающем всех, чтобы умереть в одиночестве, никому не причиняя боли.

Он не оттолкнет меня. Я не позволю.

Я просыпаюсь, когда Райан прикасается к моему плечу.

– Пора вставать? – устало спрашиваю я, садясь.

– Прости, – говорит он, не глядя на меня.

Я не думаю, что он извиняется за то, что разбудил меня. Он такой грустный. Я придвигаюсь ближе к нему и кладу ему руку на колено.

– Спасибо за то, что ты делаешь, – мягко говорю я. – Я знаю, что это нелегко. Я знаю, что я заноза в заднице. Я знаю, что Аманда всегда увильчивает от ответственности, а Стэн... Стэна вообще здесь больше нет.

– Он умирает. – Райан смотрит на меня, похоже, виновато.

– Да, – признаю я, ненавижу эти слова.

Он замечает мои чувства.

– Мне следовало сделать больше. Я должен был пойти на его поиски раньше. Но я не сделал этого, потому что был слишком занят спорами, брать или не брать тебя с нами в Ад, – говорит он.

От уголков его глаз разбегаются тоненькие морщинки. Он подпустил меня так близко, что я могу видеть его морщинки.

– Я рада, что ты попытался, – произношу я. – Имею в виду, было бы не очень хорошо, если бы ты был человеком, который... Послушай, ты сказал, что я не должна идти. Помнишь? Ты сказал это.

За нашими спинами Рокси что-то бормочет во сне, и я слышу, как она шевелится, ее кожаная одежда шуршит.

– Если бы ты сказала «да», – Райан выглядит удрученным. – Я отвез бы тебя на Лонг-Айленд, спрятал бы от всех, я поехал бы в дом Аманды, вместо того чтобы бродить по Баттери-парку и думать о всяких глупостях. Ты была бы в безопасности.

Я фыркаю:

– И это точно был бы какой-нибудь умеющий готовить кофе демон, притворяющийся мною. Я никогда не согласилась бы... Нет. И даже если бы это была я и я бы согласилась, это была бы изощренная уловка. – Я решительно киваю. – Я бы просто нашла Дверь на Лонг-Айленде и пошла бы за тобой.

Он тихо смеется. Вытягивает ноги. Они такие длинные, затянутые в черную кожу ламии.

– Думаю, именно поэтому ты мне так нравишься, – заявляет он. – Ты не миришься с тем, что я пытаюсь быть рыцарем в белом.

– О да, именно. Только не в тех случаях, когда рыцарь в белом пытается вывести меня из игры. – Я делаю паузу и затем говорю с другой интонацией. – Я тебе нравлюсь? – Я смущена.

Опять начинается мелодрама из жизни золотой молодежи.

Два красных пятна на щеках, Райан опять краснеет.

– Да, – отвечает он. – Я... да.

Может, это не так уж и смущает. Я беру его за подбородок и поворачиваю к себе. Наклоняюсь и провожу губами по его рту.

– Спасибо, – шепчу я.

– Всегда пожалуйста, – шепчет он в ответ.

Он колеблется, останавливается, и на секунду, на долю секунды я думаю, что сейчас он оттолкнет меня, после всего, что было, но вместо этого его рука гладит меня по лицу, и мы целуемся, на самом деле целуемся, и боже мой, как же мне этого не хватало!

Его рот теплый, и его вкус ни на что не похож, это вкус Райана. Я дышу воздухом, который он выдыхает. Меня охватывает слабость, я могу разлететься на кусочки в любой момент.

– Нам не следовало, – говорит он мне в губы, но не отстраняется.

– Не следовало, – соглашаюсь я. – Но я хочу.

– Я тоже хочу.

– Я все еще здесь, – холодно говорит Рокси, и я хихикаю. – Я тоже, – добавляет Кристиан.

– И я, – подхватывает Стэн, посмеиваясь. – Но вы продолжайте, продолжайте.

– Простите, простите, извините. – Я отодвигаюсь от Райана совсем чуть-чуть.

Он убирает руку с моего лица, и мне хочется думать, что делает это неохотно. Его губы влажные и блестящие. Интересно, какой он видит меня. Я не красавица – красotka у нас Аманда. Я довольно симпатичная, с приятной полнотой. У меня толстые бедра.

Но он сказал, что я ему нравлюсь. И покраснел. И теперь он толкает меня на землю, укутывает плащом, и, перед тем как погрузиться в сон, я думаю, что Райан в глубине души романтик.

Когда мы просыпаемся, Кристиана нет. Мы не слышали, как он ушел, и никто ничего не видел. Перед нами только река, и больше ничего, и Дверь в другое измерение ничего не говорит.

17

– Будь здесь осторожна, – предупреждает меня Райан, перед тем как я вхожу в Дверь.

– Почему?

Что-то хрустит у меня под ногами, первая моя мысль, что это опять насекомые, и я осматриваюсь. Мы в каких-то лесах. Высокие деревья с густыми лиственными кронами, блокирующими почти весь свет, и земля, усыпанная сосновыми иголками и камнями и немного влажноватая. Я смотрю по сторонам. Во всех направлениях одно и то же; Плоская земля и деревья. Скучно.

Хотя деревья выглядят странно, замечаю я. Многие стволы испещрены большими царапинами снизу доверху. Кошки? Медведи?

Вот только я наконец узнаю эти царапины. Их ширину, глубину и...

Однажды я извела целый слиток серебра на спину Райана, чтобы заживить похожие отметины.

– Я знаю этот Ад, – говорит Райан. Он смотрит на меня и Рокси, потом переводит многозначительный взгляд на Стэна. – Думаю, мы все его знаем. Элли, после того как ты определишь местонахождение следующей Двери, погоди минутку, ладно? Но держи глаза открытыми.

Думаю, я знаю, что Райан имеет в виду. И мне это не нравится.

Стэн стоит в нескольких футах от меня, сжав руки в кулаки. Он все еще выглядит самым собой, хотя запах летнего дня я больше не ощущаю.

Я роняю каплю крови. Дверь послушно появляется, не успеваю я представиться. Хорошо. Я указываю дорогу Райану и Рокси, но, вместо того чтобы войти в Дверь, я приближаюсь к Стэну.

– Эй, – тихо говорю я и беру его за руку. Он теплый. Такой теплый. – Пойдем. Есть одна сплетня, которую я тебе не рассказывала...

Мы идем между деревьями, и я болтаю о Райане и себе, о закуской, о Дверях, о том, как я огорчена. Я говорю об Аманде, о том, как мне жаль, что она не с нами, несмотря на то, что от нее никакого толку. Она все время жаловалась бы. Наверняка притащила бы с собой в Дверь что-нибудь запрещенное, вроде пачки сигарет и фляжки алкоголя – скорее всего, скотча, потому что от него она пьянеет быстрее всего. Даже после многих лет пьянства ей надо сделать лишь пару глотков скотча, чтобы упиться в хлам.

Но она всегда покупает хороший скотч, не дешевле ста долларов за бутылку. И ей плевать, если часть прольется, ведь она всегда может купить еще одну бутылку.

Я помню, как это – не думать о деньгах. И я помню, как сразу после побега мамы, когда все было словно во сне, будто происходило не со мной, Аманда напоила меня бутылкой водки, которая стоила сотни долларов, потому что ее фильтровали через раскрошенные бриллианты, а не через уголь.

Аманда знала о таких штуках все, но, пока она рассказывала, я могла думать только о том, что у меня больше нет денег – они уплыли с мамой в Рио с Рио, и я больше никогда не смогу купить ничего подобного, если только не выйду удачно замуж. И за кого мне выйти замуж?

«Ты можешь выйти замуж за Стэна!» – радостно предложила Аманда, – и я чуть не стукнула ее.

«С какой стати мне выходить за Стэна? – Я презрительно фыркнула. – Какого черта я буду с ним делать?»

Аманда даже не моргнула в ответ на мое возмущение. Она просто ответила:

«Тратить его деньги, разумеется». – И налила мне еще водки.

Позже, ночью, я рыдала, а она убаюкивала меня, пока я не уснула. На следующий день она принесла мне кофе. Она его не варила – это было бы слишком даже для человека, гордившегося склонностью к крайностям. Нет, приготовить кофе – это было бы чересчур. Но она принесла его мне, опустилась на колени у кровати в домике у бассейна и нежно разбудила меня.

Она всегда была рядом, когда я нуждалась в этом. Легче всего помогать, когда нужны лишь деньги и алкоголь. Она даже дала денег моему отцу, чтобы он уехал искать себя в коммуну в Аризоне. Он все еще там, насколько я знаю. Я получила от него пару открыток в первый месяц, и все.

Аманда и Стэн – единственные люди, никогда не бросавшие меня даже в худшие моменты.

Вот только сейчас... Почему Аманда не взяла трубку, когда я ей звонила? Я же звонила много раз и оставляла сообщения на автоответчике. И каждое следующее сообщение звучало тревожнее предыдущего. Дверь исчезла! Мы уходим охотиться за Дверями! Я прикоснулась к одной! Мы решили войти в Дверь! Стэна укусил оборотень! Сложности нарастали, а я не могла ни поймать Аманду по телефону, ни найти ее.

Мне не следовало оставлять ее в нашем измерении. Что, если с ней что-то случилось? Мы с Райаном предположили, что у нее грандиозная попойка. Может, так и было, верно? Может, она до сих пор там?

Мне не хватает клацанья Кристиана. Интересно, куда он ушел? Может, мои слова об арахнидах сильно обидели его или что-то в этом роде. Возможно, он окончательно превратился в демона, в конце концов. Может, это моя вина. Может, все – моя вина. Может быть, он ушел в мир Аида, к другим арахнидам. Или вернулся к Джэксону. Может быть...

Я повторяю все это Стэну. Он ничего не отвечает.

Стэн. Стэн. Стэн. Пожалуйста, где бы ты ни был, помни.

Худшее в этом адском измерении – это скука. Худшее в этом мире – это то, что здесь тихо, и только мертвые сосновые иголки и ветки хрустят под ногами.

Худшее в этом измерении случается, когда Стэн срывает свою повязку, скалит зубы и рычит, и я на автомате вонзаю Бетси в его грудь. Я держала ее наготове весь последний час. Просто ждала. И теперь он изумленно смотрит на гвоздь, торчащий в его сердце. Его глаза черные и фасетчатые.

– Элли – произносит Стэн, перед тем как упасть.

Райан и Рокси стоят рядом. Я падаю на колени.

– Я люблю тебя, – говорю я ему, пытаюсь вложить все свои чувства в эти слова.

Я думаю, что надо вытащить Бетси из его груди, но не стоит; гвоздь весь покрыт его кровью, и оборотень сможет добраться до меня. Мне нет дела до умирающего оборотня. Мне доводилось убивать их. Я убила многих оборотней.

Стэн хватается за воздух ртом.

Железо замедляет движения оборотня, но, чтобы убить его, нужно серебро. Серебро исцеляет. Оно исцеляет тело, некогда бывшее человеческим, и убивает оборотня. У меня нет с собой пистолета или паяльника. Я вынимаю серебряный анк, который повесила ему на грудь, перед тем как мы покинули наш мир, и изо всех сил ударяю концом по Бетси, вонзая ее глубоко в грудь.

Оборотень кричит. И умирает.

Я снимаю свою Печать Соломона, красивую подвеску, и оборачиваю шнурок вокруг запястья Стэна. Кладу подвеску ему в ладонь. Ему нужна защита в Аду. Надеюсь, он найдет дорогу обратно в египетский мир. Или в мир Асмодея – я рассказала ему, где он находится и как выглядит. Может, он найдет его и будет там счастлив.

Это все, что я могу ему дать. Все, что я могу дать, как ни печально.

Райан прикасается к моей руке очень легко; я едва чувствую его прикосновение через ненавистную кожу ламии.

– Элли... – начинает он...

– Не надо, – перебиваю я, отстраняюсь и встаю.

Иду к Двери.

Я умею убивать вампиров и оставаться невредимой. Это вовсе не сложно. Они просто рассыпаются. Я умею убивать оборотней. Я знаю, как убить лучшего друга.

Я не хотела, но сделала это; я оглядываюсь. И вижу оборотней, спускающихся с деревьев и собирающихся вокруг тела Стэна, они уносят его наверх, в листву. Райан был прав насчет банданы; оборотень в теле Стэна увидел Ад, и оборотни Ада нашли его.

Дверь в этом измерении зеленая, конечно же, и она вспыхивает ярче, когда я прикасаюсь к ней. Мне снова надо резать руки, устало думаю я; нож едва касается кожи, как Дверь внезапно теплеет, радуясь мне, стремясь дать мне все, что я хочу. Но она не может вернуть мне Стэна или родителей. На самом деле она не может дать мне ничего из того, что я хочу.

Зеленая Дверь покрыта листьями и ветками, которые нам приходится разгребать, проходя.

Я оглядываюсь и прихожу в ужас:

– Мы что, вернулись в пещеры?

– Не знаю. – Рокси осматривается и щурится в темноту.

На гладких стенах пещеры непонятно как – с помощью магии? – прикреплены факелы. Снова тот самый сыроватый воздух, ветерок, который на самом деле не дует.

– Меня достало это дерьмо. – Я прислоняюсь к пещере и соскальзываю на пол. Здешняя Дверь – это просто вход в другую пещеру. Она почти не светится.

«Привет?» – настойчиво зову я.

Привет, – отвечает она, но неохотно.

«Разве ты не хочешь ничего мне дать? Или понять, как трудно быть Дверью в этот век людей, которые не ценят, как прекрасны адские измерения?»

Я отковыриваю грязь, прилипшую к туфлям. Они больше не девственно-белые. Не то чтобы они точно были девственные, когда мы отправились в путь, поскольку это мои рабочие кухонные туфли. На них был жир, соус барбекю и грязь. А теперь к этому добавились внутренности демонов и прочие ужасные вещи. Может быть, даже кровь Стэна.

Нет, – отвечает она. – Я лишь хочу, чтобы меня оставили в покое.

«Да, я знаю, как это бывает». – Я умолкаю.

Подняв глаза, я вижу, что Рокси и Райан яростно перешептываются. Рокси жестикулирует в мою сторону. Райан натянул шляпу на глаза. Исида, Иштар и львица выглядят скучающе. Змеи тоже скучают. И посреди этого всего я тоже начинаю скучать. Тоска зеленая. Готова поспорить – готова поспорить, что аватары, или что там меня защищает, знают, что здесь ничего не происходит, поэтому им не надо нас защищать. Ничего не происходит, ничего опасного... здесь, в Аду? Необычно.

– Это другое измерение, – объявляю я. – Во-первых, эта Дверь не хочет со мной говорить. Во-вторых, если бы мы снова оказались в мире ламий, змеи нервничали бы, не так ли?

– Да, мы уже вычислили, что ты общаешься со злом, – говорит Рокси.

– Не надо вредничать. – Я скольжу вверх по стене. – Я просто говорю.

– Так где же мы? – утомленно спрашивает Райан.

– Это... – Я закрываю глаза и ищу Дверь.

Весь мир темный. Я вижу еще более темные фигуры на месте аватар, тени зеленовато-синие. Двери яркие, водоворот красок манит меня к себе.

Но меня притягивает что-то еще – место между Дверями. Они маленькие по сравнению с тенью между ними. Они окружают ее.

Это рука.

Вот оно!

– Это место, где находится рука Франклина. Открыв глаза, я вижу, что Рокси сконфужена.

Я закатываю глаза.

– Это то, что мы с Райаном называли рукой, которую ищем. Воды жизни. Здесь мы это найдем, – говорю я. – Я вижу. Это здесь.

– Где? – Рокси весьма скептически смотрит на меня из-под полей шляпы.

«Где?» – спрашиваю я.

И голос, состоящий из множества голосов, отвечает:

Здесь.

Гм... Странно. Но давайте поразмыслим. Я указываю в другой конец пещеры, где туннель изгибается.

Райан странно смотрит на меня.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает он, и это почти забавно – видеть его растерянным.

– Ну... На самом деле мне не хотелось этого говорить, но мои экстрасенсорные способности усиливаются. Вроде вещих снов, понимаешь? И Двери.

– Я думал, у тебя был только один вещий сон.

– Да, но это на один больше, чем было до этого, – замечаю я и поворачиваюсь к Рокси. – И Двери – они много говорят. Это теперь даже не ощущение. Они хотят говорить со мной. Они хотят делать то, что я хочу. Это не совсем нормально.

Рокси фыркает:

– Дорогуша, мы бредем по потустороннему миру. Что в этом нормального?

Я едва не улыбаюсь:

– Точное замечание.

– Какого черта мы тут стоим? – возмущается Райан. – Если рука здесь и воды жизни тоже, или что там Иштар хотела, чтобы мы нашли, – если это здесь, пойдем и возьмем.

Мы быстро идем к туннелю и поворачиваем в первый загиб. Ничто не набрасывается на нас, ничто не пытается убить. Тишина сверхъестественная; даже сапоги Райана не

производят ни звука.

Туннель снова заворачивает и резко открывается в огромную пещеру размером с три мои закусочные, залитую огнями жаровен. Хотя можно ли назвать комнату, целиком сделанную из золота, пещерой? Думаю, должно быть другое слово. Например – вот дерьмо!

Я немедленно осознаю, что не забыла примерные цены на золото на открытом рынке. Может, это Ад соблазна. Великолепного золотого искушения.

Райан говорит, не глядя на меня:

– Тебе это не надо.

Вот, значит, как. Ему не приходится подводить баланс каждый вечер, думать о качестве пищи, которую надо купить, или где взять деньги на фирменную символику, или считать, как долго мне еще надо копить деньги, чтобы выкупить закусочную у Салли. Золото было бы отличной идеей.

Через секунду я понимаю, что, вместо того чтобы думать о дорогой одежде, больших домах и возвращении к прежней жизни, я представила, как вкладываю деньги в закусочную. Жизнь, которая у меня есть сейчас, более ценна, чем та, которую у меня отобрали, и не только потому, что в ней есть Райан.

Даже не знаю, что делать с этим пониманием.

Рокси касается моего плеча и показывает на противоположный конец пещеры. Там стоит трон.

Мы подходим ближе, поскольку других вариантов нет, и штука на троне становится различимой. Это... вы смотрели «Психоз»? Все смотрели «Психоз»; Та штука на троне? Это мать Нормана Бейтса, только без платья и парика. Труп с широко открытым ртом, склонившийся вбок, руки лежат на коленях ладонями вверх. Его ноги не касаются пола, как будто они усохли после смерти мумии.

Я нюхаю воздух. Чувствую металл и затхлость. И каким-то образом ощущаю время.

Я посылаю мысль с осторожным «Привет?».

Что-то отвечает. Это тот же голос, который я слышала прежде, голос из множества голосов.

Я Калатурру, – говорит он, на эти слова одновременно накладывается: – Я Кургарру.

Я сглатываю.

– Все это слышали?

Я бросаю взгляд на стоящую рядом Рокси. Ее змеи абсолютно спокойны, а глаза широко открыты.

– Да, – отвечает он. – Я слышу.

С другой стороны от меня женщины Райана столпились вокруг него, вереница призраков, притворяющихся богинями. Райан смотрит на меня. Он лишь кивает и становится впереди меня.

– Мы ищем воды жизни, чтобы закрыть Двери. – Его голос странно официален.

Похоже на то; как он благодарил Оуэна в больнице, говоря слова, которые надо сказать, а не которые ты хочешь сказать.

Зачем ты делаешь это? Зачем эти формальности, которые никому не нужны? Разве что когда-то они что-то значили. Может, они когда-то были важны и мы просто забыли почему – и поэтому с нами случаются всякие происшествия вроде того с драконом в Куре, который пытался сожрать нас, потому что мы не выполнили какие-то дурацкие ритуалы, о которых даже не знали.

Есть ритуалы, которые должно исполнять в Загробном мире!

Почему Нарния не упомянула об этом, перед тем как мы покинули наше измерение?

Мумия говорит многоголосо:

– Я жажду общения. Вы желаете воспользоваться моим гостеприимством?

Аватары, как я заметила, полезны в критические моменты. Например, змеи Рокси шипят, все змеи, единым долгим шипением, которое становится все тише и тише, словно спустила шина. Женщины Райана колышутся, становясь все менее реальными и похожими

на проекцию на дыме.

И мой аватар, что бы это ни было. Голубой, вот он какой. Голубой, сияющий, вокруг меня вспышки голубого и крылья, я внезапно чувствую их вес, который ничего не весит. Я делаю выдох, и вокруг меня закручивается внезапный ветерок, приподнимая мой хвост, забираясь под крылья, поднимая меня.

Все аватары ослабевают рядом с мумией. Кроме моего. Мумия хочет общения, она хочет кого? Равного? Кого-то достойного ее гостеприимства? Что бы ни было моим аватаром, оно думает, что пришло время бросить вызов, и больше никто этого не делает.

Что происходит, если ты просишь о гостеприимстве, которого ты недостоин?

Дерьмо.

Я ныряю в мысли Райана, вижу мысль, которая вот-вот облечется в слова, я вижу:

«Мы желаем воспользоваться вашим гостеприимством», и я уже бегу, когда слышу, как он произносит:

– Мы...

Я влетаю Райану прямо в спину. Он настолько захвачен врасплох, что пошатывается и изумленно смотрит на меня:

– Элли, что за черт?

– Заткнись! – говорю я, и не успеваю остановить, как я выступаю вперед и произношу: – Я хочу воспользоваться вашим гостеприимством.

Я не знаю, что мумия метнула в меня, но меня словно внезапно ударили в живот; я отлетаю назад по воздуху высоко, и долго падаю. Меня сейчас стошнит, если я не рассыплюсь на тысячи осколков сломанных костей, когда приземлюсь. Пол приближается, и я слышу крик Райана и выдыхаю...

Я вижу, как по моей коже бегут мурашки из синего света. Вокруг вихрится ветер, мои крылья ловят его, я парю. Я лечу. Я приземляюсь беззвучно.

Я чувствую удар, но он отнюдь не настолько силен, как мог быть. На самом деле мне как будто хочется танцевать. Я возвращаюсь к Райану и Рокси и становлюсь между ними. Рокси ругается, но скорее испуганно, чем раздраженно. Райан просто пялится на мои крылья, словно хочет их потрогать. Может быть, позже.

Я бросаю взгляд на мумию.

– Это было не очень мило, – сердито говорю я, Калатурру-Кургарру смеется, и его смех эхом отражается в пещере:

Духи элементали защищают тебя. Ты, можешь воспользоваться моим гостеприимством.

Мумия медленно поднимает руки с коленей. Звук невероятно резкий, хотя, может, мне просто кажется, потому что звук очень земной, будто бумага шелестит или кожа трется, вовсе не похоже на то, как должна шуршать высохшая кожа мертвеца. Мумия отламывает свою левую руку и протягивает ее нам правой рукой.

Я выдуваю легкий ветерок и подлетаю к мумии. Вблизи она выглядит не такой зловещей. Скорее печальной. Жаль, что ей не с кем общаться. Я беру ее руку.

– Благодарю. К... Калатурру и Кур... Кургарру. – Я еле выговорила эти имена, но эта мумия одинока и она оторвала для нас собственную руку, так что самое меньшее, что я могу сделать для нее, – это хотя бы попытаться.

– Есть ритуалы, которые должно исполнять в загробном мире, – говорит мумия, и я серьезно киваю.

Рука в моей ладони сухая и хрустит, как будто может рассыпаться в любой момент.

Мое голубое сияние окружает ее. Пальцы сгибаются, издавая отвратительное похрустывание, и только указательный палец торчит. Он указывает на стену пещеры, украшенную золотом на золоте, но когда я присматриваюсь, то вижу дефект в металле, странную линию, которая изображает... о да, я вижу Дверь.

– Думаю, это путь домой, – говорю я через плечо.

Я поворачиваюсь, Рокси и Райан уставились на меня. Я показываю им язык. Иштар

смеется, и напряжение спадает.

– Я не ожидал, что у тебя будут крылья, – говорит Райан.

– Я говорила тебе, что я не такая, как другие девушки, – ухмыляюсь я и иду к стене.

Стена начинает мерцать, словно золотая вода. Я крепче сжимаю руку и шагаю вперед.

18

Я оказываюсь в доме, судя по всему. Вокруг все в легкой голубовато-золотистой дымке. Я пару раз моргаю, прижимая руку к груди. Я совсем одна, и это не моя закусочная и не кинотеатр – в общем, не то место, где Двери имело бы смысл выпустить меня. Я...

Это мой дом; Я в своей старой спальне. Когда-то это было одно из моих любимейших мест в мире на самом деле. Она размером с закусочную, включая кухню, стены глубокого пурпурно-синего цвета. У меня была кровать под балдахином на четырех столбиках, потому что в детстве я хотела быть принцессой, а у принцесс именно такие кровати.

Мысленно возвращаясь в прошлое, я и была принцессой. Я жила в огромном Доме, который в другие времена мог сойти за замок. У меня было все, чего я хотела, даже не зная этого.

Вот только теперь у меня есть закусочная, и мои друзья, и Райан, и я знаю, что это звучит ужасно, но я не знаю, на что могла бы это променять. Даже не на возвращение родителей.

У меня были плохие родители, но они были мои.

Но... узнали бы они меня сейчас?

Я делаю еще шаг в комнату. Здесь мои книжные полки с книгами, которые я никогда не читала. Должно быть, я единственная девушка в мире, не читавшая «Черного красавца¹⁸», но у меня есть первое издание в идеальном состоянии. Я помню это, потому что на аукционе получила за него денег больше, чем за остальные книги.

Оказалось, что у моих родителей куча долгов. Мама забрала всю наличность, когда сбежала, ликвидировала все акции и ценные бумаги и сделала все, что обычно делают люди, когда не собираются возвращаться и разбираться с последствиями.

Дом тоже был продан с молотка.

Это не может быть мой дом. Но здесь все мягкие игрушки, которые я отдала на благотворительность, и коллекция разноцветного стекла со всего мира, и...

Я открываю нижний ящик комода. Здесь мои секс-игрушки и лубрикант с клубничным запахом, которым я так ни разу и не воспользовалась. Здесь есть даже мой зачитанный экземпляр биографии Колетт, и «Любовник леди Чаттерлей», и трилогия о Спящей красавице, ставшей сексуальной рабыней. У меня не было нужды прятать их, но это делали все нормальные девочки, а я была совершенно нормальной, до того как встретила Райана.

– Элли! – зовет мама.

Я подхожу к дверям комнаты и выглядываю в коридор. Она стоит там. Я думала, что не помню, как она выглядит, но ошибалась. Я помню ее в точности. Это она. Ее темные выющиеся волосы, карие глаза; бледная кожа, туго обтягивающая скулы.

«Пластическая хирургия – это для людей, у которых нет такой костной структуры, как у нас», – часто говорила она.

– Элли, дорогая, – она берет мое лицо в ладони, и я слышу, как рука Калатурру хрустит, когда я сжимаю ее сильнее, – где ты была? Уже почти время обеда. Сегодня вечером мы приглашены к Стэндишам. Их сын с ума сходит, ты знаешь об этом что-нибудь?

Стэн. Она говорит о Стэне. Я трясую головой. Она целует меня в лоб, и мое сердце

¹⁸ «Черный красавец» – знаменитый роман Анн Сьюэлл, трижды экранизированный.

сжимается в груди. Она предлагает мне все – она предлагает мне семью, друзей, без крови и без смерти.

Но это больше не самое важное. Потому что есть закусочная, и как я буду без Райана?

И она никогда не называла меня Элли, Она всегда называла меня настоящим именем.

Я оглядываюсь по сторонам. Все выглядит не так.

Она зовет меня Элли, потому что не знает моего настоящего имени. Она зовет меня Элли, потому что это очередной Ад, и Двери не знают мое настоящее имя. Никто не звал меня настоящим именем, с тех пор как мама уехала, откуда Дверям его знать?

Ниоткуда.

Я все еще в Аду.

– Я спущусь через минуту, мама, – говорю я, и она улыбается.

Идеальные зубы. Мои всегда были кривоваты, даже после ношения брекетов.

– Ладно, поторопись. И пожалуйста, дорогая, переоденься во что-то более презентабельное.

У меня вырывается совершенно неподобающий смешок. Я одета в кожаные жилет, брюки и плащ. И держу руку мумии. Да, если мы поедем на обед к Стэну и его родителям, мне определенно надо надеть что-то попримечательнее. Предпочтительно, зная мою маму, что-то от Шанель.

Она отворачивается и спускается по лестнице, нижние ступени изгибаются. Они расширяются книзу, словно в сумасшедшем фильме. Это был дом мечты моей мамы. Она спроектировала его, а отец построил его для нее.

Она всегда думала, что мы классом выше, чем все остальные, даже Стэндиши, даже семья Аманды. У нас самый красивый дом, лучший бассейн, лучший домик у бассейна.

Я бросаюсь на кровать и утыкаюсь взглядом в балдахин. Он пурпурный с черными оборками и, если я правильно припоминаю, пошит из непальского шелка-сырца или еще чего-то декадентского и излишнего.

Все это кажется теперь излишним. Нелепым.

Я закрываю глаза и ищу Двери, но не могу найти ни одну. Похоже, я влипла.

«Ты здесь? – зову я. – Ты мне нужна».

Ответа нет.

Я чувствую, что кровать немного прогибается, и, открыв глаза, вижу львицу, сидящую в ногах и смотрящую на меня большими немигающими глазами. Только она не похожа на львицу Райана. И это логично, думаю я. Это настоящая богиня, в то время как другая – просто один из ночных кошмаров Райана.

– Это твой Ад, да? – спрашиваю я. – Ты призрак того, что могло бы быть?

Она смотрит на меня с упреком.

– Я все поняла. Таким было бы мое будущее, если бы мама не сбежала. Что мне надо сделать, чтобы выбраться отсюда?

Я перевожу взгляд на руку в моей руке. Это просто высохшая старая серая рука. Ее плоть съежившаяся, словно оболочка от сосиски.

Львица ничего не отвечает, просто сидит. За огромным венецианским окном садится солнце. В комнате становится все темнее и темнее, и в результате я оказываюсь в полном мраке, черноте, как в том мире, с расщелиной в скале.

И я рассказываю львице. В последнее время мне доводилось много говорить, но на этот раз я не рассказываю о прошлом, как это было со Стэном, я рассказываю львице, о настоящем.

Говорю, что я люблю Райана. Я уклонялась от этой темы, но это же львица, думаю, ей можно рассказать обо всем. Я люблю его и даже не знаю, что он думает обо мне. Поскольку я поделилась с ней одной горькой правдой, нет смысла скрывать остальное, и я рассказываю, что я не скучаю по своим родителям. И о том, как мне плохо из-за того, что случилось со Стэном, и как я беспокоюсь за Аманду. Я произношу все это вслух, и от этого все становится чуть более реальным. Как будто я создаю реальность из своих слов, только я знаю, что это не

так, потому что это все настоящее, а вот это: комната, этот мир – все ложь.

Кровать подо мной становится все тверже и тверже, и я плачу, рассказывая о Стэне. Я больше не вижу львицу, но я чувствую ее у своих ног, ее тепло. В комнате похолодало, и я замерзла. Руку, в которой я держу руку Калатурру, свело судорогой, но я не выпускаю свою добычу. Если я положу ее, то не уверена, что потом смогу найти.

Я не знаю, когда я закрыла глаза, но, открыв их снова, я оказываюсь в темном месте, где светят звезды. Рокси говорит, что в потустороннем мире нет звезд, но откуда ей знать?

Львица трется мордой о мое плечо и потом ложится передо мной.

Мне жаль, что ты не смогла спасти Стэна, – наконец говорит она.

– Да, жизнь – стерва, – говорю я ей.

Если можно как-то утешить... – начинает она, но я перебиваю ее:

– Нет. Ничто не утешит меня. Я убила лучшего друга.

Он больше не был твоим лучшим другом. Он умер в тот момент, когда оборотень укусил его. Ты это знаешь. – Она кладет голову на передние лапы и смотрит на меня.

Я говорю:

– Ты знаешь, что от этого мне не легче.

Я смотрю на нее, и она меняет тему:

Ты нашла то, за чем пришла. Хорошая работа.

– Рука? Спасибо. Это предотвратит конец света? – О черт, по-видимому, я учусь задавать тактичные вопросы у Райана.

Она смеется:

Мало кто может увидеть мой Ад таким, какой он на самом деле, и я ценю тех, кто знает себя.

Я пришла сделать тебе подарок: я отвечу на три вопроса и скажу тебе столько правды, сколько смогу. Ответ на первый вопрос: рука может затормозить землю и воздух, но не остановить.

– О, спасибо, что ты просветила меня после того, как я задала вопрос. Не очень любезно, – резко говорю я. – Хорошо. Второй вопрос: что предотвратит конец света?

Соль и серебро, девочка, – говорит львица почти раздраженно. – Ты это знаешь.

У меня ощущение, будто я провалила какой-то тест с ответами, которые мне неизвестны. Это называется пассивно-агрессивная дискуссия, и мне, львица, это не нравится.

– Опустим всякую ерунду, – говорю я. – Какой умный вопрос мне следует тебе задать?

А, – произносит львица. Если бы львы умели ухмыляться, я думаю, она бы это сделала. – Двери-ищейки – это не разновидности Дверей и не просто демоны: – Она рассказывает, и, клянусь, на секунду она звучит как Нарния. – Это просто создания, которые обитают в междумирье. Они убивают тех, кто появляется на их территории, не из ненависти, а потому, что Двери их об этом просят. Они одиноки, и Двери – их единственные друзья.

Львица встает и потягивается. Я чувствую, как мое тело растягивается, когда она выгибает позвоночник. Тепло струится сквозь меня.

Ты наткнулась на Дверь-ищейку, – продолжает она.

В темноте вокруг нее скользит пурпурное существо с волосинками на концах щупалец. Это маленькая копия монстра из больницы! Чудовище вроде этого убило Джэксона.

На миг я преисполняюсь ненавистью к ним.

О да, представляю, что ты чувствуешь, – говорит львица. – Но у тебя был опыт, когда любимые причиняли боль, не осознавая этого. Позже ты, может быть, захочешь вспомнить об этом.

И она уходит во мрак.

Дверь появляется на том месте, где исчезла львица, и монстр со щупальцами – Дверь-ищейка – ныряет в нее, увеличиваясь в размерах. Дверь на миг становится пурпурно-зеленой, словно синяк, и потом Дверь говорит:

Привет, Элли.

– Ага, – отвечаю я. – Я скучала по тебе. – И это правда.

Мы тоже по тебе скучали, – говорит она. – Что мы можем для тебя сделать?
Желания. У меня слишком много желаний. Но я думаю, что хуже уже быть не может.
Поэтому я прошу:
– Отправь меня к Райану и Рокси. У нас полно дел. Было бы глупо, если бы мы стали помогать тебе уничтожить нас.
– На самом деле я не хочу уничтожать вас. – Я с некоторым удивлением осознаю, что это правда. Сегодня день переоценки ценностей. – Я просто хочу восстановить равновесие. Вы знаете, что все полетело вверх тормашками.
Мы понимаем, но...
– О, просто заткнитесь и делайте то, что я говорю. – Я говорю с Дверями так же раздраженно, как Райан со мной. Ха-ха.
Я вхожу в Дверь.
Время замедляется, пока я прохожу сквозь Дверь, и в какой-то миг я слышу, как львица говорит:
– «Междумирье» – это значит «место между мирами». В междумирье между Адом львицы – Адом правды, я полагаю, и разве это не Ад для многих людей? – и местом, которое пахнет ужасно похоже на дом, я чувствую Райана и Рокси, застывших на полушаге в Двери Калатурру-Кургарру. И там есть что-то еще. Существо, живущее в междумирье. Дверь-ищейка.
Она пахнет пурпуром. И одиночеством.
И затем этот мир заканчивается, и Райан – это Райан, Рокси – это Рокси, и я – это я.
Вот только, может быть, впервые в жизни я ощущаю себя цельной.

19

Когда я оборачиваюсь, первое, что я вижу, – как кто-то тащит вниз коробки Рокси с этикетками «Повидловый ароматизатор». В кинотеатре темно, на экране какой-то мультфильм, зверюшки в шляпах. Райан и Рокси прямо за моей спиной. Рядом с нами сидят люди, но они не вскакивают и не вопят – из ниоткуда появились странные люди, покрытые кровью, грязью и несущие с собой руку мумии.
– Странно, – шепчу я.
– Так вот что ты считаешь странным? – поддразнивает меня Рокси.
Она поправляет стетсон на голове. Райан делает то же самое. Я стягиваю темные очки с головы на нос.
– Похоже, мы дома, – говорит Райан.
– Что, если это очередное адское измерение? – сомневается Рокси.
– В адских измерениях нет Диснея, – возражаю я. – Пахнет слишком по-человечески. Райан осматривается:
– И что теперь?
– Надо добраться до микроавтобуса, дорогуша, – отвечает Рокси.
– Звучит хорошо, – говорю я.
Мы выходим из кинозала в холл, где на нас подозрительно пялятся тинейджеры. Я вижу на стене платные телефоны-автоматы.
– Эй, ребята, дайте мне минутку.
Райан выглядит так, словно сейчас начнет возражать или спрашивать, зачем мне надо звонить именно сейчас, но вместо этого он указывает на руку, которую я держу.
– Может, сначала ты захочешь куда-то убрать это? – мягко говорит он.
Хм...
– Хорошая мысль.
Я сую ее в карман плаща – и, упс! слышится неловкий хруст. Надеюсь, эта штука

прочнее, чем выглядит, потому что будет очень обидно, если придется опять проделать тот же самый путь, чтобы заполучить вторую руку мумии.

Я подбегаю к телефонам и набираю номер своей кредитки. Это обойдется мне в миллион долларов, хотя звонок местный, но наплевать. Особенно после тех особенных моментов в моей старой спальне, я хочу знать о своей жизни здесь, и немедленно. Иррационально? Вероятно. Но я чувствую необходимость. Это пахнет необходимостью.

Дон снимает трубку после третьего звонка.

– Закусочная «У Салли», – говорит она и, когда я говорю, что это Элли, вопит: – Боже мой, Элли! Тебя не было почти неделю! Где ты была? С Райаном?

Пусть она повернет ситуацию по-своему, это не повредит.

– Да, Райан увез меня ненадолго.

Я позволяю силе мира Асмодея излиться из моего голоса, чтобы он звучал соблазнительно. Уверена, в моем голосе также звучит усталость. И я умираю с голоду. Интересно, смогу я уговорить Рокси и Райана съесть пиццу, перед тем как отправиться дальше?

– Ты понятия не имеешь, – продолжает Дон, – какое дерьмо творится в городе, Элли. Это просто кошмар какой-то, клянусь тебе! Бандиты дерутся или что-то в этом духе, не знаю. Я заставила всех сидеть в закусочной, представляешь? По радио говорят, что мэр собирается применить чрезвычайные полномочия и объявить военное положение. И рассказывают, что на улицах творится что-то ужасное – бешеные собаки и – я не шучу – ходячие деревья. И...

Я перебиваю ее:

– От Аманды есть вести?

– Ничего. Но... телефон звонит постоянно, но, когда я беру трубку, там просто кто-то плачет. Может быть, это... – Она сильно расстроена.

– Дон, я скоро вернусь. На самом деле, думаю, мы будем очень скоро, потому что нам надо кое-что взять. Ладно? Но прямо сейчас я должна бежать.

Она оживляется в достаточной мере, чтобы спросить, целует ли Райан мне шею, и я хихикаю.

– Пока нет, – отвечаю я и вешаю трубку.

Я прислоняюсь к телефону. Черт возьми, Аманда, где ты?

Я не звоню ей. На секунду я забыла, что больше не в Аду, и я просто тянусь к ней. И – Иисусе, это работает. Вот она, маленький огонек, и я иду...

И впечатываюсь в твердую каменную стену. Ой!

Я открываю глаза, задыхаясь. Секунду холл кинотеатра плывет передо мной. Я выпрямляюсь и, спотыкаясь, возвращаюсь к Райану и Рокси.

– Что? – спрашивает Райан, прикасаясь к моему локтю, поддерживая меня.

Я качаю головой. Ему не надо знать, что я пыталась воспользоваться своими адскими способностями в реальном мире. Я ограничиваюсь информацией:

– На улицах опасно, – говорю я. – Надо ехать осторожно.

На самом деле мы довольно легко смешиваемся с обитателями Шипшед-Бей – они все носят диковинную одежду и наслаждаются теплым весенним днем, сидя на улицах и потягивая капучино в ожидании начала фильмов, вот только мой единственный оставшийся в живых лучший друг неизвестно где, а моего погибшего лучшего друга оплакивают в Аду те самые чудовища, которые его погубили.

У этих людей нет чувства перспективы. Когда мы выходим на парковку кинотеатра, на капоте микроавтобуса Рокси сидит Нарния. Она выглядит чертовски злой, и я готова сцепиться с ней. Только дайте повод. Я убила ту гигантскую мокрицу и прошла через Ад правды, так что могу управиться с одной надоедливой ведьмой-экстрасенсом.

– Вы опоздали, – говорит она, протягивая сумку.

Райан достает оттуда рогастики. Может быть, она доживет до следующего дня. Может быть.

– Я оставляю тебя в живых, если здесь есть булочка со сливочным сыром, помидорами и луком, – говорю я ей.

Она презрительно фыркает в мой адрес. Сегодня она одета в Баленсиагу – аккуратный коричневый костюм с изысканным рисунком в сине-кремовую клеточку – и в коричневые кожаные сапоги до коленей. Интересно, это кожа ламии или она носит коровью кожу, как остальные?

– Здесь разные рогалики, – отвечает она, и Райан подает мне булочку, завернутую в бумагу.

Я сдираю обертку. Ничто не сравнится с нью-йоркскими рогаликами, ничто, даже самый лучший органический шоколад не сравнится с рогаликом из Нью-Йорка. А рогалик со сливочным сыром, помидорами и луком? Это райское наслаждение. Которое мы заслуживаем.

Рокси получает рогалик с сыром и впивается в него, а булочка Райана странного цвета. Я наклоняюсь над его рукой и обнюхиваю ее.

– Крем с лесными орехами и изюмом? – спрашиваю я, подняв брови.

Это так... по-девичьи.

– С кленовым сиропом, – уточняет он и откусывает большой кусок.

Мое сердце ёкает. Я знаю Райана шесть лет, и все это время я не знала, что он любит девчачьи начинки. Я все время покупала ему обычные рогалики.

Нарния ухмыляется, словно читая мои мысли.

– Я только что вернулась из Ада, – говорю я. – Не дразни меня, стерва.

– Я здесь для того, чтобы помочь, – парирует она. – Не будь идиоткой. – Она взмахивает рукой в мою сторону, и в ее глазах вспыхивают искры.

– Не маши на меня!

Эффект немного смазан, потому что мой рот полон рогаликом.

– Дай руку! – приказывает она.

Райан издает сдавленный смешок.

– Нет.

– Руку дай!

– Скажи волшебное слово, – оскаливаюсь я.

– Немедленно. – Голос Нарнии холоден как лед, клянусь, температура вокруг падает на десять градусов.

– Не обязательно быть такой сучкой, – ворчу я, перекладывая рогалик в другую руку, чтобы залезть в карман. – Откуда ты знаешь, что мы вернулись с рукой, кстати?

– Надо напомнить, что я ведьма-экстрасенс? – Она снова презрительно фыркает на меня и Нежно поглаживает руку. Выглядит весьма зловеще. – Я узнала в тот миг, когда вы вошли в царство Калатурру. – Она поднимает на меня взгляд, глаза слегка вспыхивают, но искры остаются внутри. – Как тебе удалось сбежать из Ада лжи?

Дело было не во лжи. Дело было в правде, которую мне пришлось рассказать. Как это объяснить? Ответ: может быть и не пытаться?

– Ну... было очевидно, что это все ложь, поэтому я просто... – Я машу рукой, держащей рогалик, и ломтик помидора с хлопьями вываливается. Упс. – Это просто была ложь, – неуклюже заканчиваю я.

– Элли намного сильнее, чем мы думали, – поддерживает меня Рокси.

И это правда. Я намного сильнее, чем они полагали. Вот так.

– И мой аватар – дух элементали. – Моя очередь фыркать в противное лицо Нарнии.

– Я знала это, – с отсутствующим видом говорит она, продолжая поглаживать руку. – Это было ясно с первого взгляда. Воздух, верно? Он исходит от тебя волнами. Поэтому ты такая... – она умолкает, издает смешок, – нахальная.

– Я нахальная?! Seriously? – поворачиваюсь к Райану. – Я?

– Ладно, Элли, успокойся...

– Всем заткнуться! – командует Нарния сурово.

Я страстно тоскую по чашке кофе или бутылке воды, и мне ужасно не хочется видеть ее идеально причесанную голову и слушать ее идеально поставленный голос.

Не могу остановиться.

Я надменно заявляю Нарнии:

– Я хочу, чтобы ты поняла, что в настоящий момент рогаики волнуют меня не меньше, чем конец света.

– Стой где, стоишь! – огрызается она и достает «зиппо» из аккуратного кармашка.

Уверена, на зажигалке есть гравировка. Уверена, сделано на заказ. Она выглядит человеком, у которого даже зажигалки изготовлены на заказ; пусть она и не курит.

Рядом со мной Райан достает мешочек с табаком из сумки с рогаиками и начинает скручивать сигарету.

– Дайте мне серебро, – нетерпеливо командует Нарния, как будто она уже три или четыре раза просила, а ее проигнорировали, хотя этого не было.

Что дало ей право вести себя словно она королева мира? Это мы все сделали.

Рокси снимает медальон через голову и протягивает Нарнии. Я никогда не видела ничего подобного, он большой и серебряный. Райан отдает свой – большую Звезду Давида. У меня нет, я оставила свой медальон Стэну. Нарния кладет их в руку, кладет руку на землю и машет мне. Я остаюсь на своем месте.

– Иди сюда, – приказывает она.

– А волшебное слово? – Уф, да я стерва.

И повторяюсь, Нарния пробуждает во мне самое худшее.

В ее глазах вспыхивают золотые искры. У-у-у, я так устала от этого, Уверена, это просто фокус. Уверена, я могла бы...

Я думаю о голубых огоньках, которые я выдыхала в Аду, и делаю вдох с мыслью:

«Если я смогу втянуть воздух внутрь, потом вверх и зажечь...»

И – вспышка! Я вижу синеву. Не думала, что это сработает.

– Я не думала, что это сработает! – говорю я в удивленные лица.

– Конечно сработало, – замечает Нарния.

– Как бы то ни было, стерва, ты удивлена, и я выиграла.

Нарния снова машет мне рукой. Она достает маленький мешочек из-за голенища сапога. Я разглядела там еще и крошечный нож. Может, ее сапоги похожи на наши, из кожи ламии?

Я вздрагиваю при мысли о ламиях.

– Готовы?

– К чему? – Я скептически разглядываю сумку.

– Вытяни руку и думай о своем аватаре, как ты сейчас делала; – инструктирует она, ее голос слегка смягчился. – Он нам нужен.

Она насыпает что-то мне на руку. Это соль. Потом она зажигает огонь. Я реально громко вскрикиваю, но не роняю соль. Мне даже не больно. Огонь золотой и чудесный.

– Думай о своем аватаре, – повторяет она.

Я делаю глубокий вдох и думаю о прекрасных голубых волнах, исходящих от меня, о том, как мои глаза сверкали голубым огнем, когда Нарния раздражала меня. Я думаю о своих крыльях. Я чувствую запах сигареты Райана, и сухой шорох змей Рокси, и пот, и...

Нарния хватает меня за руку и сбрасывает огонь с нее на руку мумии и серебряные медальоны, раздается резкий шум.

Открыв глаза, я обнаруживаю, что парю в футах над землей в окружении голубого огня. Я моргаю и падаю на асфальт.

– Ой! – ною я.

Я могла хотя бы приземлиться на ноги.

Вода струится из руки со скоростью, невозможной для воды, растекаясь во всех направлениях. Вода ледяная, как океан, я знаю это, поскольку приземлилась прямо в нее. Нарния ухмыляется, Райан курит, Рокси смотрит с широко раскрытыми глазами.

– Я и не думала, что это сработает, – говорит Нарния, весьма довольная собой.

Рука лежит на земле, по ней растекается расплавленное серебро. Так же быстро, как потекла, вода перестает лить и исчезает.

Асфальт внезапно трескается, и рука проваливается в землю. У меня отвисает челюсть, когда асфальт сам собой выравнивается.

– Это было круто, – объявляю я, поднимаясь на ноги.

Моему рогалику неуютно в желудке, и я очень рада, что не пила кофе, потому что иначе меня бы стошнило.

– Элли, попытайся найти Двери, – говорит Нарния.

Она прислоняется к фургончику и улыбается. Я моргаю и пытаюсь думать быстро.

– Не знаю, о чем ты...

Нарния фыркает:

– Кончай скрытничать. Я знаю, что ты делала в Аду, и знаю, что ты пыталась сделать это здесь. Попробуй еще раз.

Что ж. Ладно, хорошо. Но если мои мозги снова налетят на большую ментальную кирпичную стену, я кого-нибудь прирежу.

Я думаю голосом моей Двери: «Где ты?»

И звук распространяется по городу в поисках спонтанных Дверей. Ничто не останавливает меня, и я понимаю: это действительно хорошо – уметь это делать.

Отзываются только три Двери, которые я не узнаю. Это неплохо, особенно если учесть сотни спонтанно вивифицированных дверей, существовавших пять минут назад.

Интересно, как теперь выглядит Ад?

Нарния вздыхает.

– Немного жаль, что это кончилось, – говорит она. – Рокси разглядывает ее. Я полагаю, что потребуются больше чем один рогалик, чтобы удержать Рокси от убийства Нарнии. – Это было так интересно. Мне надо все это записать... – Она умолкает и осматривается по сторонам. – Что, все кончено, все сделано? Я не отказалась бы выпить кофе.

– Значит, моя Дверь вернулась на прежнее место.

Я доедаю рогалик, запихивая в рот оставшуюся четверть. На лице Нарнии отражается легкое отвращение. Я прибью эту стерву, если она хоть слово скажет о моих манерах.

Но вместо этого она говорит:

– Конечно нет. – Она обращается со мной как с идиоткой, и только рука Райана на моем плече удерживает меня от того, чтобы ударить ее. Рука Райана и знание, что это будет очень больно. – Мы просто притормозили конец света. Временно.

Нарния выпрямляется, пошатывается на шпильках, восстанавливает равновесие. Но никто не двигается, чтобы помочь ей.

– Но игра еще не окончена, она продолжится, и скоро.

– Значит, мы прошли кучу Адов без... без пользы? – Я расстроена.

– Вы прошли девять Адов. Каждая Дверь ведет в девять потусторонних миров, так или иначе. И я не стала бы называть спасение мира, даже временное, бесполезным. – Нарния улыбается, действительно улыбается, и я захвачена врасплох тем, какой она может быть привлекательной, когда не скалит зубы, не фыркает и не корчит раздраженную физиономию.

– Нарния, что дальше? – Райан явно тоже теряет терпение.

Нарния постукивает идеально наманикюренным пальцем – естественно, французский маникюр – по губам:

– Вы вернулись из Двери с тем, что нам надо было, – со временем. Сейчас часть Дверей исчезла, и у нас появился шанс разобраться с главной проблемой. Я только не знаю, что это за главная проблема. Что-то – не очень сильное, но оно есть – мешает мне почувствовать, куда пропала Дверь Элли. Я должна их чувствовать. – Нарния мило надувает губы.

Что? Да, я ее терпеть не могу, но она умна. Отчасти поэтому я ее и не люблю. Я липкая и потная, у меня рука в соли. Я пытаюсь вытереть ее о пальто, но соль приклеилась, отливая золотом.

– Потому что все упирается в твою Дверь, – продолжает Нарния. – Это единственная аномалия в этом сценарии. Как она переместилась? Почему она переместилась? И как это связано с миром, гибнущим в земле и воздухе?

Она смотрит на нас и, когда мы ничего не отвечаем, начинает постукивать ногой. Должно быть, она видела все три телепередачи о том, как проводить мозговой штурм, и потом решила, что это слишком долго.

Райан задумчиво смотрит вдаль:

– Не могу ответить на третий вопрос, но, кажется, знаю ответ на первый. Элли, помнишь, когда ты сделала глупость в первом Аду?

– В первом Аду? – переспрашивает Нарния. – И Элли сделала какую-то глупость? О, продолжай.

Я бросаю на нее злобный взгляд:

– Ты имеешь в виду, когда я передвинула Дверь, так что она оказалась прямо перед нами?

– Да. – Он смотрит на Нарнию. – Она захотела, чтобы она передвинулась, и она передвинулась. Мог кто-то пожелать, чтобы она переместилась из закуской?

– Это звучит... жутко правдоподобно, – кивает Нарния.

– Я думала, ты уже все знаешь, – говорю я Нарнии, наверное, слишком раздраженно, хотя пытаюсь сдержаться.

В конце концов, Райану нравлюсь я – нравлюсь достаточно, чтобы отталкивать меня при каждой возможности. Он, похоже, не отталкивает Нарнию. Это значит, что он либо равнодушен к ней, либо считает, что она сама может о себе позаботиться, без его участия.

Не знаю, успокаивает меня это или нет. Я немного раздражена.

– Нет, не все, – фыркает Нарния. – Если бы я знала все, вам не пришлось бы идти в потусторонние миры, чтобы помочь мне разобраться.

– Итак... – Голос Рокси звучит как удар. Она молчала все это время. – Остается вопрос, почему она переместилась и как это вызвало конец света?

Нарния кивает:

– Да. С маленьким открытием Элли, полагаю, я могу сказать почему – Дверь делает то, что для нее лучше, по ее мнению. Или, скорее, удовлетворяет желания, которые приведут к тому, что желаний будет еще больше. Так что, если бы кто-то пожелал, чтобы она переместилась, и Дверь знала, что в том месте будет больше желаний, она бы ушла.

– Зачем ей еще больше желаний? – Я скрещиваю руки и смотрю на нее. – Очередная информация, которой со мной никто не соизволил поделиться, не так ли?

Нарния хихикает:

– Может быть.

Райан закатывает глаза и отходит к Рокси. Я рассматриваю Нарнию. Она разглядывает меня, тяжело вздыхает.

– Двери – это символы. В основном. Или аллегории. Или притчи. Это метафизические проявления выбора между дорогой богов и выбором своей собственной судьбы. – Она взмахивает рукой. – Или нет.

– Это, – замечаю я, еле сдерживаясь, – не особенно информативно. – Двери обретают власть, исполняя желания, – резко говорит Нарния. – Потому что... – Послушай, насколько нам известно, Двери – это тест для человечества. Вот почему они у нас есть. Что-то или кто-то хочет собрать сведения о нас и посмотреть, как мы управляемся с этими чудесными волшебными штучками. Так что Двери исполняют желания, потому что этим они привлекают нас, и желания питают Двери, поэтому они хотят оставаться рядом с нами. Это равновесие, очень тщательно созданное равновесие.

Я морщусь:

– С неизвестным кукольником на заднем плане.

Нарния неохотно кивает:

– Так мы думаем. Но может быть, дело совсем не в этом, может быть, нет никакой

причины для существования Дверей. Может, нам просто не повезло заполучить такой соблазн. Это не то, что мы в состоянии проверить.

Я вспоминаю Дверь в Аду мумии, которая просто хотела, чтобы ее оставили в покое.

– Возможно, – говорю я, – у Дверей тоже нет выбора в этой ситуации.

Ее глаза вспыхивают, и мне кажется, что она просто обдумывает что-то, а не намеренно пытается испугать. Она смотрит вниз, слегка улыбаясь сама себе.

– Что ж, – заявляет она, – это теория. Но если я чему-то научилась у Дверей, так это тому, что всегда есть выбор. Да или нет? Что ты за человек? Что важнее – желание твоего сердца или сердце твоего желания?

Я моргаю. Райан хмыкает, а Рокси говорит:

– Черт, она снова собирается сочинять стихи.

Нарния встряхивается, переводит взгляд на нас:

– Твоя Дверь переместилась, и это значит, что кто-то этого захотел, а Дверь подумала, что это хорошая сделка. Нам нужен кто-то, кто знает о твоей Двери, кто знает о желаниях и у кого есть потенциал создать достаточно неприятностей, чтобы это стоило усилий со стороны Двери. – Она презрительно фыркает. – Ты и твои глупые друзья – то, что надо. Вы единственные непосвященные, кто когда-либо открыл дверь и прожил после этого больше недели.

– Что, и это не может быть охотник? – Я просто... я не могу. Да, мы сглупили, но...

– Не может быть охотник, – отвечает Нарния. – Их мысли – это мои мысли. – (Рокси скрипит зубами позади нас, но мы не обращаем внимания.) – Действительно, Элли. Подумай.

Я не хочу думать. И мне не нравятся выводы, к которым я неминуемо прихожу.

Я знаю, что это не я, потому что у меня и так было много мороки с Дверью в подвале (к сведению, я это ненавижу. Ненавижу, ненавижу, ненавижу). И это не Стэн – Стэн мертв, он не может продолжать загадывать желания и поддерживать этот хаос. В любом случае я проверяю это предположение, посылая мысль в его дом, его клубы, в его любимую кабинку в закусочной, где он любил вздремнуть, – никаких Дверей там не появилось. У него их нет.

Остается только...

Райан кладет руку мне на плечо. Я почти не чувствую ее вес.

– Аманда, – произносит Райан.

Я выдыхаю:

– Аманда.

– Кто такая Аманда? – спрашивает Рокси. – Та, которая призвала Дверь вместе с тобой?

Я так устала.

– На самом деле это была ее идея. Мы думали, это просто шутка... – Я устала в землю. – Дерьмо! Это так похоже на нее. Если она поняла, что может передвинуть Дверь, проводить с ней двадцать четыре часа в сутки...

– Элли, – говорит Рокси, – сначала проверь. Ты же раньше находила Двери, да? Поищи свою Дверь сейчас.

Я моргаю. Закрываю глаза и зову:

«Дверь, где ты?»

Элли!

Похоже, она действительно рада меня слышать. Я получаю видение большого дома на холмистом лугу, переходящем в пляж со сверкающей синей водой, легкие волны бьются о берег. Я вижу бассейн за домом и домик около бассейна, с коричневыми и бежевыми полотенцами и подобранным по цвету постельным бельем.

И посреди всего этого – Дверь. Я знаю этот дом. Я знаю этот пляж. И я знаю этот пляжный домик.

Дверь огромна. Она стала как минимум в три раза больше с тех пор, когда она бытовала в подвале закусочной, она раздулась от желаний и булькает от счастья.

– О, черт! – Я открываю глаза. Выступили слезы, поэтому я тру глаза – плохая мысль, с учетом того, что у меня соль на руке. Теперь глаза еще и печет. – Дерьмо!

– Плохие новости? – спрашивает Райан.

Я киваю:

– Дверь у Аманды, на Лонг-Айленде. – Я хихикаю, хотя не собиралась этого делать. – Думаю, это на самом деле была рука Франклина, угу? Она показывала в сторону океана.

– Элли, – говорит Рокси, и я проглатываю свой смех и пытаюсь снова.

– Она круче, чем мы трое, – говорю я, затем взмахиваю головой в сторону Нарнии. – Четверо, если считать Толкиена.

Нарния, кажется, сейчас начнет выдыхать огонь. Интересно, она на самом деле это умеет? Это было бы одновременно круто и пугающе. Спрошу Райана попозже.

Райан снимает шляпу и проводит рукой по волосам, оттуда вываливаются травинки. Я живо вспоминаю, чем мы занимались в траве.

Я на миг закрываю глаза.

– Вот что я думаю, – говорит Райан, возвращая шляпу на место. – Нарния, ты сможешь нас прикрыть?

Она вздыхает.

– Я знаю, куда вы собираетесь. И это будет утомительно, – отвечает Нарния.

Она поворачивает руки ладонями вверх, слегка расставляет ноги, ее глаза вспыхивают. Я слышу, как она воспламеняется, чувствую ее магию, овладевающую нами, касающуюся каждого охотника. Но она не касается меня, что я считаю несправедливым, – я формирую маленький крючок из моего внутреннего синего огня и накидываю его на ее чары.

Послушай, терпеть не могу, когда меня игнорируют. К этому моменту это должно стать очевидным.

Вот только вместо того, чтобы привлечь внимание к себе, я заканчиваю тем, что слеую за ней повсюду, куда она направляется, и «встречаю» всех охотников. Нарния знает их всех по именам – не по настоящим, а по охотничьим. Здесь Фэйги – кому захочется зваться Фэйги? – и Моше, Тереза, Смит, Курлик и Стар (вот это уже на что-то похоже). Они прибывают и прибывают, федоры, и стетсоны, и бейсболки; они на работе, дома, занимаются сексом, ужинают.

«Иди сюда», – зовет Нарния.

Это похоже на зов моей Двери, но он вовсе не пахнет Дверью. Тем не менее он властный и обращен ко мне. Я крепко хватаю ее за руку и показываю ей изображение дома, дорог, ведущих к заливу Нойак и гавани Сэг, деревья, пляжи, бесконечный синий океан. Потом, поскольку она никогда там не была, я показываю ей свою закусочную, все, что помню о ней. Красные виниловые кабинки, зеленые пластиковые стулья и синий блестящий пластик на барных стульях. Столы, украшенные старыми газетными вырезками о протестах хиппи, в которых Салли участвовала в свои лучшие годы. Я показываю ей Уильямсбург, ту часть, где я живу, – сплошной бетон, метро и ряды старых многоэтажных домов.

– Вели им встретиться там, – говорю я голосом моей Двери.

И Нарния вздрагивает. Она вырывает у меня свою руку и блокирует свою магию от моей синевы. Все темнеет.

Открыв глаза, я обнаруживаю себя в объятиях Райана, а Нарнию, с откинутой головой, поддерживает Рокси.

– Я хочу чашку кофе, – невнятно бурчу я, и глаза снова закрываются.

Когда я их снова открываю, я лежу в микроавтобусе. По одну сторону от меня – арбалеты, по другую – Нарния. Она выглядит ужасно: пепельное лицо, бледные губы под слоем помады от Элизабет Арден, темные круги под глазами.

Пока я разглядываю ее, она открывает глаза и смотрит на меня.

– Спасибо за помощь, – хрипло говорит она. – Я не смогла бы сделать это без тебя.

– Я просто следовала за тобой, – поясняю я.

Она поправляет меня:

– Ты одолжила мне свою силу. И у тебя ее много. Ты никогда ею не пользуешься.

Что за черт!

– Я сказала всем идти в закусочную.

Нарния делает недовольную гримасу:

– Я знаю. Не лучшая идея, но я мало что могла сделать, чтобы остановить тебя, – секунду она молчит, потом добавляет: – Жаль, что твой друг погиб, Стэн, верно? – Она не ждет моего ответа. – Аманда тоже может умереть. Думаю, Дверь знает ее настоящее имя.

Глаза Нарнии закрываются, а я храню молчание.

Дверь действительно знает настоящее имя Аманды. У Аманды никогда не было прозвища, она его никогда не хотела. Это я всегда терпеть не могла свое имя и с детства заставляла всех звать меня Элли. И Стэн всегда был Стэном, потому что его отца звали Чарльз, и так было проще, и мы не путали Чарльза Стэндиша Третьего с Чарльзом Стэндишем Четвертым. Чарльз Стэндиш Второй был дедушкой Чарли. А Чарльза Стэндиша Первого я никогда не знала.

Из нас троих, тех; кто открыл Дверь, – троих непосвященных, проживших дольше недели, – Стэн погиб от укуса оборотня, Аманда – пленница Двери в Ад, знающей ее подлинное имя, а я... я даже не знаю, кто я.

Пока мы едем, я смотрю, как горизонт и здания скрываются за деревьями. Солнце садится, и небо розово-оранжевое.

До того как мы приезжаем в закусочную, Нарния достаточно проснулась, чтобы немного объяснить, что она будет делать, когда мы поедем к Аманде. Это будет что-то магическое, а охотники придержат демонов, чтобы мы смогли войти внутрь, а мы каким-то образом должны заставить Дверь вернуться в закусочную, извергнуть назад желания или просто уменьшиться, или мы должны лишить ее власти...

Большую часть времени, пока она держит речь, я пытаюсь вздремнуть, небрежно нацепив очки на нос. Я знаю, что мне следовало бы слушать, потому что то, что она будет делать, важно для того, что надо сделать мне, но... На самом деле я не думаю, что есть какой-то способ подготовиться.

Микроавтобус еще не успел припарковаться, а я уже выскакиваю. Никогда в жизни я так не радовалась при виде своей крохотной закусочной на первом этаже. На улице стоят вампиры и уже Темно, но я рычу на них, и они не трогают меня. Я их тоже не трогаю, позже у меня будет достаточно времени, чтобы поохотиться на них и убить их с помощью железа.

Войдя внутрь, я останавливаюсь. Закусочная полна охотников. От запаха ламиевой одежды меня подташнивает. Я проталкиваюсь сквозь них, предоставляя Райану, Рокси и Нарнии объясняться.

Дон в задней части дома. Я рада видеть и ее тоже. Сегодня в ее волосах оранжевые пряди, а подводка для глаз смешана с блеском и размазана по векам. Она слегка напоминает безумного енота, и у меня сердце сжимается. Я очень ее люблю, она чудесная, и я рада, что она жива.

– Черт, Элли, ты видела этих?..

Она умолкает при виде моей одежды, грязных волос и криво надетых солнечных очков.

– Я не могу сейчас разговаривать, Дон, правда не могу, – говорю я ей.

Голос у меня хриплый. И я не потрудилась снять очки.

– Л-ладно, – отвечает она, продолжая смотреть на меня выжидательно.

– Я даже не обещаю объяснить тебе все позже, потому что, скорее всего, не смогу, – продолжаю я. – Мне надо идти.

Я взлетаю по лестнице в квартиру, не ожидая, пока она мне ответит. Здесь душно и пахнет застоявшимся воздухом. Я просто делаю глубокий вдох и беру то, что мне надо, – Печать Соломона и новый гвоздь.

Это Аманда подарила мне Бетси. После того как мы познакомились с Райаном, она купила мне через Интернет гвозди для гроба на каком-то викканском¹⁹ сайте. Она без конца

¹⁹ Викка – неоязыческая религия, основанная на почитании природы.

смеялась, когда их доставили, но Райан сказал, что значение имеет только то, что они из настоящего железа. С тех пор я с помощью Бетси нанесла раны многим демонам.

Но теперь Бетси нет, она осталась со Стэном где-то в потустороннем мире, и мне нужен новый гвоздь.

– Я назову тебя Дэн, – говорю я гвоздю. – Стальной Дэн.

Я хихикаю. Может, я становлюсь истеричкой, не знаю. Я засовываю Стального Дэна в карман и достаю из-под подушки Печать Соломона, давным-давно подаренную мне Райаном. Надеваю ее на старую цепочку из нержавеющей стали, предварительно сняв подвеску. Это кольцо у меня с тех пор, когда мы с Аmandой были совсем юными и еще не познакомились со Стэном, когда мы пообещали друг другу, что навсегда останемся лучшими подругами, и на карманные деньги купили одинаковые украшения. Это не совпадение, что я выбрала эту цепочку. Это самая старая сталь, которая у меня есть, и Печать Соломона – мое самое ценное серебро.

Не знаю, имеют ли значение такие вещи, но на всякий случай хочу подготовиться.

Печать Соломона оттягивает шею, у меня от нее скоро голова разболится. Но не сейчас. Может быть, не раньше, чем это все закончится. Я на секунду прижимаю ладонь к талисману, потом делаю глубокий вдох и иду к лестнице. Очень жаль, что у меня нет оружия, например меча или...

У меня есть нож – вот что у меня есть. Я вбегаю в кухню и хватаю свой лучший нож с магнитной ленты, прикрепленной вдоль стены. На ней полно ножей: для хлеба, для овощей, для мяса, для суши – все виды ножей, которые можно представить. Я коллекционер. Я ценитель. Но нож, который я беру, – это тот самый слишком дорогой нож, который Салли подарила мне перед отъездом.

Я заворачиваю его в кухонное полотенце и засовываю во внутренний карман плаща под любопытным взглядом наблюдательных глаз Дон.

– Серьезно, я тебе никогда не расскажу, что происходит, – говорю я ей. – Если я не вернусь, я хочу, чтобы закусочной управляла ты.

– Я понятия не имею, как управлять закусочной, Элли. Меня этому не учили.

– У тебя получится. У меня же получилось. – Я целую ее в щеку и возвращаюсь в зал, где количество охотников уменьшилось. Они все сжимают клочки бумаги.

– Мы сказали им, куда идти. Твое сообщение было немного неясным, – говорит Райан.

Он долго смотрит на меня, как будто хочет сказать что-то еще, но затем уходит.

Рокси хватается за руку:

– Пойдем. Мы поедем на микроавтобусе.

Я напоследок окидываю взглядом помещение, диковинные образчики искусства на стенах (Дон убедила меня, что они хороши). Это какой-то местный художник, рисовавший деревья в стиле Боба Росса²⁰, замечательные деревца. Эти картины не очень сочетаются с декором в стиле пятидесятых годов, который предпочитала Салли, но делают людей счастливыми. И меня тоже.

Эта закусочная делает меня счастливой. Я очень надеюсь, что увижу ее снова, что безумие Аманды не разрушит мою жизнь, не убьет меня.

Я очень-очень-очень не хочу умирать сегодня.

20

Прошло два часа, и я ощущаю, что мы приближаемся. Я чувствую запах Атлантики, соли, рыбы и гнили.

²⁰ Боб Росс (1942–1995) – американский художник и телеведущий.

Подъездная дорога к дому Аманды длинная и извилистая, хотя дом ее родителей стоит не так далеко от дороги. Это классический макособняк²¹, построенный из соображений показного блеска, не для практичности. Им приходится вставлять новые окна и менять ковры каждый раз, когда случается ураган и дом затапливает.

Райан открывает заднюю дверь микроавтобуса, и до нас доносится запах хлорки. Бассейн рядом с океаном. Это так по-декадентски. И я совсем не тот человек, которым была шесть лет назад, потому что шесть лет назад я считала, что океан – это вульгарно, а вот бассейны – это для богачей. Теперь я скорее пойду искупаюсь в океане, коснусь песка, чем полезу в огромную бетонную емкость с хлоркой.

Повсюду тихо. Мне не хочется говорить «слишком тихо», но это так и есть. Мне следовало бы слышать океан. Мне следовало слышать самолеты, пролетающие над головой. Чаек, слишком громко включенный телевизор в домике у бассейна, катера, рассекающие темную воду и невидимые за симпатичным белым забором, окружающим нас и бассейн. Ничего.

Сегодня я была в Аду, и теперь я в ужасе. Я не знаю, о чем думает Райан. Имею в виду буквально – я ничего не слышала с тех пор, как последовала за Нарнией, чтобы призвать охотников. Может, я выгорела.

Райан не смотрит на меня, и уверена, он думает об Аманде – об Аманде, которую он знает шесть лет и с которой, наверное, ни разу не переспал, об Аманде, которую я знаю с тех пор, как мне исполнилось два года. Я сжимаю свое оружие и думаю, увижу ли я еще Аманду живой.

Окна домика у бассейна будто смотрят на меня. Человек в бейсболке, несущий что-то под мышкой, поднимает руку, и мы все останавливаемся. Это Оуэн. Он все еще в форме. Он призывно машет нам с противоположной стороны бассейна; его группа, по-видимому, собирается делать что-то непонятное, но выглядит это как размахивание руками а-ля пропеллер. Не понимаю эти сумасшедшую военную жестикуляцию. Однако остальные понимают, потому что некоторые охотники кивают, а остальные начинают перемещаться.

Позади я слышу цоканье каблуков. На миг я думаю, что это Аманда, но это всего лишь Нарния.

Райан слышит ее цоканье и морщится. Нарния делает гримасу, увидев, что я смотрю на нее. Не могу поверить, что она до сих пор в Баленсиаге.

Но она снимает сапоги – на самом деле она крошечная, когда не на шпильках, – и, разумеется, на ней чулки, которые она скатывает и убирает в сапоги. Затем она расстегивает жакет, снимает блузку, юбку и оказывается обнаженной. У нее великолепное тело. Ни одного шрама, в отличие от меня.

Некоторые охотники пялятся на нее. Рокси тоже. Райан – нет. Райан наблюдает за домиком, не обращая внимания на нас.

Я смотрю на Нарнию, наблюдаю, как она обнаженная спускается в бассейн, и я должна признать, что она набирает очки. Я знаю, что случилось в этом бассейне; я делала компрометирующие фотографии на этих вечеринках.

Мне нет дела до людей, которые на нее пялятся. Райан так очевидно не обращает внимания, что я начинаю чувствовать себя ничтожной. Иисусе! Обнаженная Нарния в бассейне, полном бог знает чего, собирается делать что-то загадочно-колдовское, чтобы спасти мою подругу (и, ладно, может быть, заодно и весь мир), и все, о чем я могу думать, – это:

«Выкуси, сука, он мой, а не твой».

Наверное, я хуже, чем следовало быть.

Когда Нарния по-собачьи подплывает к середине бассейна, половина группы Оуэна

²¹ Макособняк (от Макдоналдс + особняк) – неодобрительное название огромных частных домов, которые смотрятся вызывающе на фоне соседних домов.

сдвигается к забору справа, другая половина уже перебралась через забор и, по всей видимости, направляется к фасаду дома. Я думаю о Доме, как будто касаюсь неба языком, чтобы проверить, что там болит, но ничего. Он не... неплохой, в отличие от домика у бассейна. Но он мог быть, полагаю. Он мог стать таким.

Группа Райана направляется вдоль левой стороны забора, ближе к бассейну. Мы все занимаем свои места. Я держусь неподалеку от Нарнии, наблюдая за происходящим.

Райан и Оуэн, во главе своих групп, обмениваются долгим взглядом. Кивают и оба двигаются, чтобы открыть входную дверь пляжного домика. По пути сюда много говорилось о магической защите, входах-ловушках и тому подобном. Каждый принес что-то с собой, но особенно отличился Райан, с солью и железными пулями, и Оуэн, с – я не шучу – выбеленным лошадиным черепом, обвязанным цветными ленточками. Вот это он принес с собой. Как он умудрился провезти эту штуку в электричке? Наверное, сказал, что это реквизит для современной интерпретации «Сна в летнюю ночь». Может, кто-то из федор сказал, что это потому, что Оуэн иностранец. Может, они все оборачивались и громко шептались:

«Думаете, это странно? Тот парень считает, что у него волшебное ружье».

Жаль, что Стэна больше нет. Я изложила бы ему свои предположения, а он хихикал бы над охотниками, их костями и пистолетами. Жаль, что Аманда не в безопасности где-то на другом конце телефона, стервозная и привычная, Я даже жалею, что Дон не здесь, вот только она на самом деле не замешана в это и, вполне вероятно, могла погибнуть.

Жаль, что мои мечты полны кошмаров. Это дает мне повод для беспокойства о моем будущем психическом здоровье.

Я ничего не слышу из головы Райана, но от Оуэна доносится шепот. Он укачивает лошадиный череп:

– Agorwchydrysau, gadewchinchwarae, tae'noerynyreira...

Это не по-английски.

Рокси мысленно напевает колыбельную. Шестнадцатилетняя охотница-панк с металлическими скобками на зубах размышляет, не следовало ли ей написать то письмо Нилу Гейману²². Парень постарше, где-то позади меня, жалеет, что не позвонил матери. Думаю, у каждого есть своя история.

Что касается меня, я умолкаю, освобождаю голову. Надеваю очки на нос. В руке у меня Стальной Дэн, на шее – Печать Соломона, вокруг пояса – железная цепь. Я была в Аду. Во мне серебро. Я готова к делу.

Фасад пляжного домика взрывается.

Райан и Оуэн, находившиеся ближе всего к Двери, отброшены дальше всех – коняшка Оуэна улетает в бассейн, обрез Райана падает на землю и от удара стреляет в воздух, потому что, знаете ли, в присутствии Двери надо быть готовым стрелять немедленно, а не беспокоиться о безопасности. Если мы выживем, я его замучу поддразниваниями. Если...

Остальные либо упали на землю, либо стоят на коленях – это был не взрыв, это было что-то. Я тянусь туда.

– Я знаю тебя, – говорю я Двери.

– Я знаю тебя, – соглашается Дверь, голос у нее странный. – Не приближайся ко мне.

– Не подходите! – кричу я, но охотники слегка оглохли от взрыва, они переговариваются и не слышат меня.

– Что ты хочешь? – в отчаянии спрашиваю я, но ответа нет.

Рокси приходит в себя первой, ругаясь, выхватывает ножи и бежит туда, где была лепнина.

Из дыры вырывается волна черноты, злобы и тумана и пчелы. Рокси прыгает прямо в эту тучу, она кричит; я ничего не вижу, кроме мелькания ее ножей.

²² Нил Гейман – знаменитый английский писатель-фантаст.

События ускоряются.

Охотники бегут к домику, кто-то что-то выкрикивает, у кого-то идет кровь из полученных ран. Мне кажется, там есть берсерк. Я стою спокойно и наблюдаю. Кроме меня, не двигается только Нарния. Потому что она сидит на трехфутовой струе воды в центре бассейна. Глаза у нее ввалившиеся и абсолютно пустые. Когда облако пчел приходит в бешенство и «хвост» его взлетает над забором, поднимается водяной хлыст и чувствуется запах горелого. Не помню, полезно ли дышать горелой хлоркой. Если я выживу, то побеспокоюсь об этом позже.

Я взглядом ищу Райана. Он поднялся на ноги и ищет свой обрез. Из его носа течет кровь. Он не смотрит на меня. Он не смотрел на меня с тех пор, как мы сюда приехали. Мне кажется, он думает, что я умру.

Я могу умереть. Из домика появляются еще какие-то создания. Вампиры с распростертыми крыльями беспорядочной кучей набрасываются на охотников, но они погибают легко, потому что все охотники несут с собой железо. За ними следуют оборотни. Высокие, шелудивые, с длинными когтями и черными многофасетчатыми глазами. Их убить сложнее, и я вижу, как охотники – мои охотники – начинают гибнуть. Против оборотней нужно серебро, а не железо; требуется время, чтобы достать соответствующее оружие. Но они это делают и...

Дверь, или что там внутри, предпринимает другие действия.

Элли!

Я слышу нежный, почти девичий голосок.

Это Элли!

Вот и все, что она делает, – произносит мое имя. И все. Но я оглядываюсь по сторонам, и некоторые охотники... они не просто приходят в замешательство и затем продолжают свое дело. Они останавливаются. Я скольжу по разумах охотников, проверяя, потому что это ненормально. Ив каждой голове я слышу другое имя.

Томми!

Рейнард!

Нокс!

Джессика!

Некоторые имена звучат бессмысленно, потому что, если помните, они ненастоящие. Они пахнут не так. Но не все. Например, Джессика. Она примерно в тридцати футах от меня, она сражалась с парой вампиров, умудрившихся выжить в первой схватке. Теперь она стоит смирно, глядя в сторону дома, а вампиры набросились на нее, вонзив хоботки ей в шею и окутав ее крыльями.

Джессика, должно быть, это ее подлинное имя. Она однажды назвала его перед Дверью, а что знает одна Дверь – знают все. Моя Дверь использует все имена, которые знает, чтобы вывести хотя бы часть нас из строя.

Она делает все, чтобы не пустить нас внутрь. Сражение теперь идет на равных, если на равных – это значит пятеро на одного охотника, но они, по крайней мере, удерживают позиции. Я просто стою, как и Нарния стоит в бассейне. Ее водяные хлысты продолжают летать вокруг, удерживая большую часть нападающих на нашем маленьком пятачке. Не знаю, что случится, если она больше не сможет это делать, – думаю, мир на самом деле погибнет. Но по крайней мере она что-то делает. А я просто стою.

Не то чтобы я была трусихой. И не то чтобы я думала, что это не моя битва. Правда заключается вот в чем: я крайне прагматична. Я должна оставаться в живых как можно дольше, потому что я единственный живой человек, который знает Аманду. И это важно. Ад – это то, что ты приносишь с собой; Дверь – это то, чем ты хочешь, чтобы она была.

Готова поспорить, я знаю, что нужно Аманде.

Черный туман резко отступает и втягивается в пляжный домик. Я не вижу Рокси. Он выглядит почти нормальным, имею в виду домик, за исключением той части, где был взрыв, разрушивший гостиную изнутри, и где кровь стекает по стенам. Оборотни и вампиры

продолжают драться, но они умирают, и теперь некоторые охотники перевязывают свои раны и смотрят на домик. Мы все знаем, что должны войти внутрь. Вопрос в том, сколько из нас умрет, пытаясь войти.

Один из старших охотников не Райан, слава богу, не Райан – сердито ругается и совершает бросок к домику.

Нет-нет-нет-нет – я осознаю, что напеваю это, но не в его голове, не тем голосом, который может спасти его. На бегу он выхватывает гигантский двусторонний топор, он несется мимо охотников, демонов и трупов – трупов так много. Он бежит до тех пор, пока не достигает гостиной.

Стены пляжного домика ненастоящие.

Я думала, мы смотрели на взорвавшийся домик, но нет. Я не уверена, что это вообще еще дом. Крыша резко падает, чтобы вобрать в себя кусок, который дом откусывает от охотника. Его тело распадается на полдюжины кусков, и, упав на землю, они начинают разлагаться.

Похоже, попасть в дом сложнее, чем я думала. Остальным тоже пришла в голову эта мысль, потому что уцелевшие собираются в маленькие группы, продолжая объединяться по фракциям, идиоты, но они объединяются. Я чувствую, что-то происходит, но я не часть этого.

«Эй, – мысленно окликаю я Нарнию, – ты здесь?»

«Очередной прикол?» – произносит ее голос в моей голове.

«Это ты говоришь о приколах, растяпа, – говорю я. – Я могу что-то сделать?»

«Да», – отвечает она.

Но не продолжает, и я начинаю испытывать нетерпение:

«И что же это?»

Я слышу, как она посмеивается в моей голове, и это даже почти не ужасно, Отчасти приятно, что удивляет...

Ты охотница или нет? Отправляйся к ищейкам, маленькая охотница, – говорит она. – Ад – это то, что ты приносишь с собой. Помни.

Я почти слышу, как она выключает свое внутреннее радио и возвращается к размахиванию кнутами, восседая на струе воды.

Жаль, что Райан не рядом, чтобы обсудить безумный ведьминский совет Нарнии и найти в нем здоровое зерно. Потом я вспоминаю, как Аманду, Стэна и меня поймал за курением новый преподаватель английского в школьном туалете и мы попытались избежать наказания, а преподаватель нам сказал: «Если бы желания были лошадьми, нищие ездили бы верхом». Я много размышляла об этом. Желания, которые я загадала бы, если бы могла исключить лошадей. Не обращайтесь внимания на мое невежество.

Если бы желания были лошадьми... Я не собираюсь желать лошадь, особенно у Двери вроде этой. Но уверена... уверена, я могу найти, на чем прокатиться верхом.

Я вспоминаю, как Райан говорил мне, что большой пурпурный демон с щупальцами пришел, потому что чувствовал определенное родство со мной или потому что что-то во мне призвало его. Я вспоминаю, как он в метро сказал, что мы уже пахнем, как демоны, поэтому другие демоны нас не тронут. Я вспоминаю, как лъвица говорила мне, что у меня был опыт любви к тому, что приносит вред, не осознавая этого.

И я вспоминаю, как однажды, когда нам было по семнадцать лет, Аманда заперлась в ванной и плакала без конца и я не могла понять, в чем дело. Она была такой одинокой, хотя я была рядом. И я хотела только добраться до нее через дверь ванной и обнять ее.

«Ты одинока? – Я посылаю зов в дом. – Я хочу помочь одиноким».

Я вижу, в доме что-то движется. Вскоре двигаться начинает все. Огромный круглый синюшный монстр выбирается из домика. Он величиной с два дивана, поставленные один на другой. У него есть щупальца с волосинками на концах, и он пользуется ими, чтобы ползти по земле ко мне.

Это очень-очень большая Дверь-гончая. И я очень-очень надеюсь, что я рассчитала все

правильно.

Воображаемый кролик, который был у меня в шесть лет? Его звали Черепашка. Он совсем не был похож на этот круглый кошмар. Я тянусь мыслями и говорю:

«Привет, Черепашка. Я так рада видеть тебя».

Щупальца движутся быстрее, тело приближается. Я буду считать это хорошим знаком, потому что альтернатива – верная смерть. Я рассовываю почти все, что у меня в руках, по карманам, и, когда монстр оказывается на расстоянии прыжка, я говорю:

– Доставь меня внутрь.

Оно даже не останавливается подумать – на самом деле я не уверена, что оно может думать, – просто тормозит передо мной и ложится. Если я не против идти по чему-то податливому, то можно забраться на самый верх.

Поскольку в этом и заключалась идея, я так и делаю. И оно омерзительное, я не могу даже выразить насколько. Мои туфли проваливаются, и весь демон воняет гниющей рыбой.

Однако, забравшись наверх, я довольна.

«Иди в домик», – думаю я, и оно встает и отправляется обратно.

Я сажусь, когда толчки становятся слишком сильными, и мой зад слегка погружается в кожу Черепашки. Все наблюдают за мной, но я не вижу Райана, хотя ищу его взглядом. Может, он на грани смерти и слишком занят, чтобы следить за мной.

Полагаю, я могу умереть весьма неприятной смертью через минуту, но сейчас это грозит всем – и если это их устраивает, то это устраивает и меня.

Черепашка скользит по патио, и мы оказываемся у места взрыва.

«Какой хороший мальчик. Давай в дом», – повторяю я и крепко зажмуриваю глаза, потому что, если я умру, я не хочу видеть, как мое искалеченное тело разлетится на куски, хорошо? У меня мало желаний в жизни, но это официальное.

Черепашка не собирался останавливаться. Он просто катится прямо внутрь. И домик не набрасывается на меня.

Я внутри.

21

Внутренности дома выглядят совсем не так, как мы видели снаружи, и это не улучшение. Моя Дверь здесь, да. Странно видеть, насколько она теперь велика, она подавляет все вокруг. Уверена, что Черепашка легко пройдет в нее вместе со мной, стоящей на его спине, и мы даже не заденем косяк.

И мы действительно могли просто войти внутрь, без мороки с закрытием и открытием. Железная калитка распахнута, и Дверь пахнет... да, странно, но она пахнет обжорством. Пахнет, будто ела часами и уже на грани того, чтобы лопнуть, но не хочет останавливаться.

Когда я, наконец, отвожу взгляд от Двери, я понимаю почему. Вокруг кавардак, но я вижу, как все происходило. Всякие маленькие штучки. Вещички, которые, как я представляю, Аманда просила у Двери просто для проверки. Сваленные на стеклянных столиках и разбросанные по ковру дорогие туфли, сумки, огромные чизкейки, наполовину съеденные, и горы одежды из бутиков. Украшения тоже есть, бриллианты размером с сустав пальца, широкие ленты браслетов, усыпанных драгоценными камнями, и поистине поразительный ассортимент наркотиков.

Я узнаю кое-что из одежды, кое-какие сумки – я видела их недели за три до того, как Дверь покинула закусочную. Я припоминаю, как Аманда толкнула меня к Райану, захихикала и сказала, что принесет салфетки, переступила через соляную линию и направилась в подвал.

Это случилось прямо на наших глазах. Мы... Я... Дерьмо!

Я нигде не вижу Аманду. После очевидных вещей события начали выходить из-под

контроля. Думаю, демоны живут тут с ней, а они не очень аккуратные гости. Интересно, что ее родители думают по этому поводу? И... тут я вижу, я понимаю, что она сделала потом, я просто знаю, что ее желания обратились на людей.

Аманда всегда терпеть не могла родителей. Я вижу, как они входят в домик сразу после того, как она пожелала, чтобы Дверь переместилась к ней, подальше от закуской и охотников. Она сидит здесь, прямо перед Дверью, и желает все, что в голову придет, просто потому, что она может. Родители входят, она поворачивается к ним и говорит:

– Хочу...

Они были не лучшими родителями, но я не уверена, что заслужили то, что она им пожелала. И на них дело не остановилось, после того как она бросилась в это. Готова поставить хорошие деньги на то, что в следующие пару недель в новостях появились кое-какие слишком знакомые мне имена.

И после этого... все кажется возможным, не так ли? Дверь дарит тебе все, что ты пожелаешь, и ничто тебя не останавливает – ни дурацкие правила, ни последствия, ни сожаления.

«Вот только ты просила ее кое о чем взамен?» – спрашиваю я у Двери.

Ближе не подходи, – бормочет Дверь голосом маленькой девочки, который я никогда прежде у нее не слышала.

Интересно, это Аманда попросила ее изменить голос или он изменился из-за близости Аманды? Интонации похожи, слегка.

«Собираешься опять что-нибудь взорвать?» – насмехаюсь я.

Потрясающе! Я сползаю с Черепашки и отправляю его перегородить дыру в здании. Не хочу, чтобы кому-нибудь из охотников пришла в голову мысль последовать за мной и разлететься на кусочки. Если кто-то и совершит грандиозный выход, это буду я – а я никуда не собираюсь.

Я поправляю плащ и скрешиваю руки на груди.

«Так где Аманда, детка? – спрашиваю я. – В конце концов ты заставила ее войти внутрь? Одна последняя большая жертва, и ты сможешь вызвать свой собственный апокалипсис?»

Дверь ничего не отвечает; Но железная калитка начинает сочиться кровью. Кровь пахнет невинностью. Я не хочу знать, чем Аманда ее кормит, вот только думаю, что уже знаю. Она никогда не любила животных.

– Скажи мне, где она, Дверь, – требую я.

Калитка двигается едва-едва. Она говорит:

Позади тебя.

– Эй, крошка!

Я поворачиваюсь. Вижу ее.

Я осторожно снимаю очки и держу их в руке. Это дает мне секунду, чтобы удержаться и не броситься вперед. Не уверена, когда это пришло ей в голову, до или после того, как она убила родителей, до или после того, как она разбрызгала кровь животных у входа в Ад, но в какой-то момент ее осенило, что она может пожелать стать другой. «Идеальная пластическая хирургия» – вот что она сказала однажды. Волосы любого цвета, любой длины, любого типа. Кожа любого оттенка. Высокая или миниатюрная, формы или спортивная стройность. И потом, зачем себя ограничивать? Включите телевизор, и вы увидите на экране знаменитостей; можно примерить их внешность тоже. И, черт, можно попробовать и мужчин тоже. Интересно, сколько у нее теперь секса? Или сколько было перед тем, как все начало рушиться.

Вот что я узнала о желаниях, обращенных к Дверям. Спустя какое-то время решения перестают быть сознательными. Я сама прошла по этому пути, Я прекратила, принимать их подачки. Я больше не прошу о вещах, я их требую. Рокси сказала, что Двери похожи на животных; что ж, значит, я теперь вожак стаи.

Другой путь, по которому ты можешь пойти с желаниями, полагаю, – это получить все,

что угодно, в любое время и не думая... тогда, быть может, вместо чего-то одного ты получаешь сразу все. Одновременно. Навечно.

Аманда – чудовище.

Ее кости гнутся, сжимаются, растут, кожа пузырится, как жир, и расцветает пятнами плесени. Ее волосы, густые и извивающиеся, окутывают ее, когда она подходит ближе. Она улыбается мне; во всяком случае, я думаю, что это улыбка.

– Смотри, что я сделала, – говорит она. Ее голос искажен из-за постоянно меняющегося горла. – Разве это не дико круто?

Я киваю:

– Да. Да, это дико.

– Говорю тебе, эти охотники – лживые подонки, – продолжает она. – Не говори с Дверью, не проси у нее ничего. «Это будет твой самый ужасный ночной кошмар». Что за чушь! Боже мой, Элли, я делала такие потрясающие вещи!

Слезы жгут глаза.

– Да?

Существо, некогда бывшее Амандой, кивает:

– Абсолютно. – Она хихикает. – Я пыталась дозвониться до тебя в закусную, чтобы поделиться кое-чем, но тебя не было на месте.

– Я тоже пыталась до тебя дозвониться. Ты ни разу не взяла трубку.

Аманда хмурится и поднимает руку. Из кожи выступает мобильник. Секунду она смотрит на экран, даже не вздрогнув оттого, что телефон вырос из ее кожи, потом машет им в воздухе.

– Уф, плохой прием, жаль, – говорит она, и ей правда жаль, ей действительно чертовски жаль.

Я всегда понимала, когда она притворяется. Это... Посреди всего этого она сожалеет, что не проверила чертов автоответчик.

Я сглатываю.

– Все в порядке. Это было... это было не очень важно.

Ее лицо проясняется.

– Я так рада, что ты пришла, на самом деле. Я думаю, что тебе тоже надо это сделать. И Стэну, конечно. Можешь позвонить ему? Нам надо сделать кое-что вместе, что-то действительно важное.

– Я не могу позвонить Стэну. – Я решаюсь сказать что-то похожее на правду. – Он в странствиях.

– Ладно, – говорит Аманда. – Но ты здесь.

Давай. Давай, Элли, – подхватывает Дверь.

Я была права. Она подражает голосу Аманды. Могу поставить себе плюс.

– Нет, – отвечаю я. – Думаю, это плохая Мысль.

Глаза Аманды сужаются. Ее настроение меняется за секунду.

– Боже, Элли, ну в чем дело? Ты слишком прислушиваешься к чертову Райану, – выплевывает она. Осматривает меня с ног до головы, опознает одежду, и ее голос наполняется отвращением. – И ты одета как они!

Я слегка покачиваюсь на ногах, находя положение поустойчивее и распрямляя плечи. Кулаки сжимаются, и камни на темных очках впиваются в ладонь – я забыла, что у меня в руке очки.

– Пару дней я была очень занята, – говорю я.

Давай, – настаивает Дверь.

Она звучит уже менее обеспокоенной и скорее встревоженной.

– Я занята, дожись своей очереди, – отвечаю я.

Аманда вздрагивает, и раздается едва слышный всхлип.

Она слышит голос моей Двери. И что бы она ни говорила, где-то в глубине души – в той части, которая еще осталась Амандой, – она боится.

– Аманда, – спокойно говорю я, – мы можем все исправить. Если мы выйдем наружу вместе, мы сможем помочь тебе. Ты не должна оставаться тут с ней. Она не может тебя заставить.

Она колеблется. В буквальном смысле слова. На миг Аманда, настоящая Аманда, формируется из этой массы и смотрит на меня. Ее глаза дивного голубого цвета. Я мечтала о таких глазах, когда была моложе. И этот мягкий рот, который она никогда не ценила, она кусает его сейчас, и я вижу, как сочится кровь.

– Сначала я должна разобраться с этим, – шепчет она. – Я могу это сделать, точно могу, я просто должна...

– Нет!

У меня вырывается крик, и я тянусь к ней, моей Аманде, но слишком поздно. Она растворяется в дюжине образов, и я мысленно слышу ее, слышу, как она говорит:

Я хочу, я хочу еще одно...

Моя Дверь смеется, ее калитка распахивается в комнату, и, возвращаясь на место, она тащит за собой Аманду, утягивает ее в Дверь, и вот ее нет, во что бы она ни превратилась, но ее нет, она исчезла.

И я остаюсь в одиночестве в доме мертвых желаний вместе с ликующей Дверью, неожиданно обретшей еще большее могущество.

Элли, – смеется Дверь, – мне так хорошо!

И она начинает расти. И не останавливается. Может ли она вырасти настолько, чтобы поглотить весь мир? Похоже что так.

Я не могу победить такое. Не в одиночестве, не тогда, когда мы с охотниками даже не можем объединиться. И она меня больше не слушает. Полагаю, она думает, что теперь она королева.

Что ж... если я не могу выиграть, я могу сжульничать.

– Черепашка, – говорю я, – привези мне кое-кого.

Пурпурный монстр со щупальцами выкатывается сквозь дыру от взрыва в доме и через минуту возвращается с Райаном, припавшим к его спине. Лицо Райана покрыто засохшей кровью, одежда из кожи ламии порвана. Должно быть, веселье усилилось после того, как я оказалась внутри. Черепашка ссаживает его рядом со мной и возвращается к дыре.

– Привет, – говорю я Райану. – Ты слышал какие-нибудь странные звуки?

Он смотрит на меня как на Привидение.

– Да, – отвечает он.

– Хорошо. Пожелай что-нибудь.

Он больше не разглядывает меня так, словно я вышла из могилы, теперь у него раздраженный вид. Слава богу.

Я ощупываю свои очки, внезапно вспоминаю, что это подарок Аманды. Я надеваю их.

– Верь мне, – говорю я. – Попроси меня о чем-нибудь.

Райан отвечает:

– Я верю тебе.

И тут я чувствую, как по мне прокатывается жар его желания, я не слышу его, не разбираю слов, но ощущаю власть, необходимую для его исполнения.

Послушайте, я открывала Двери. В последние пять минут я единственный человек в истории – и Нарния знает историю, – который открыл Дверь, пережил этот опыт и впоследствии научился чему-то. За последние шесть лет я научилась многому. Магия соли, магия подобия. В моей руке была соль, и эта Соль коснулась как минимум всех Дверей города, когда рука пролила воды жизни. Добавьте к этому мою кровь, и то, что происходит с моей кровью в одном месте, происходит с ней в другом.

Я достаю свой лучший нож и режу ладонь. Кровь, отданная добровольно, имеет силу. Райан говорил мне это.

Моя кровь открыла и закрыла девять Дверей Ада, и я создала десятую.

Моя кровь в Дверях. Следовательно, Двери во мне. И я хочу исполнить желание

Райана.

Таким образом, в этот момент для этого человека по этой причине я есть Дверь.

Я вспыхиваю, ощущая Ады внутри себя. Я больше, чем эта чертова нахалка Дверь передо мной.

– Ты, – говорю я, и мой голос громыхает, – была создана с помощью куплета, который даже не рифмовался.

Элли! – кричит она, трясется, съеживается. – Я дала тебе так много, так много, разве ты не помнишь, о чем ты меня просила? Я все это дала тебе! Я дала тебе Райана!

Утихни, Дверь. Я открываю свои врата.

– Конечно, – говорю я, и мой голос тверд как скала. – Но что ты сделала для меня в последнее время?

Мои врата из железа. Железо убивает. Этому я тоже научилась. Узнала от Райана. Всему я научилась от Райана.

Интересно, что он пожелал?

– Прощай, – шепчу я только ему и ударяю своими вратами о Дверь.

Мир кончается. Какой-то мир в любом случае. На самом деле.

Хорошо, что я в глубине души просто девушка, которая управляет закусочной. Я могу быть Дверью, но во мне есть серебро. Серебро исцеляет. Аманда не смогла бы это сделать; она никогда не сражалась, никогда не зарабатывала шрамы. А я – да.

Может, это просто аллегория, но я черпаю последние силы из желания Райана и привожу мир в порядок.

22

Парень, охраняющий Дверь, – просто ребенок. Он спит на раскладушке, ест пищу, которую я ему приношу, и читает комиксы. Когда он сражается с демонами, проходящими сквозь Дверь, он делает это спокойно, без суеты. Так что он не может быть настолько юным либо занимается этим дольше, чем я думаю, потому что технически он лучше меня.

Но он не Райан. Он не Райан, он не саркастичный и не язвительный и не смотрит на меня с жаром в глазах. Он не носит стетсон – он бейсболка. Но он даже не пытается флиртовать. Уверена, он слышал кое-какие рассказы обо мне, о том, как я открыла Дверь, которую он охраняет. Как я вошла в Дверь и вышла с другой стороны, как въехала на демоне во взорванный дом, как, воспользовавшись солью и серебром, чтобы восстановить баланс в мире и предотвратить открытие новых Дверей.

Но мое сердце мертво. Стэн умер, Аманда умерла, все, что у меня осталось – это закусочная и Райан, а Райан ушел. Я так и не узнала его настоящее имя. И на второй день у меня начались месячные, так что здесь не суждено бегать маленькому Райанчику. Что хорошо, не поймите меня неправильно; это неподходящий мир для детей. Но...

Я чувствую себя так, словно все это было напрасно, – моя жизнь опустела, и то, что я спасла мир, спасла людей, – это оказалось не настолько здорово, как я ожидала. Я прошла кровь и огонь в буквальном смысле слова, и этого оказалось недостаточно – ничто из того, что я делала, не было достаточно, чтобы спасти Стэна, спасти Аманду, удержать Райана.

Дверь подарила мне процветающий бизнес, и она дала мне Райана. Теперь Дверь притихла, ведет себя почти хорошо – открывается как по часам, как нормальная Дверь, и почти не разговаривает. И Райан ушел.

Я не хочу верить, что дело было в Двери, но другим вариантом остается то, что я испугала его до смерти своим заявлением: «Кстати, я Дверь», и это еще хуже. Как бы то ни было, он ушел. Бросил меня. Он даже не поцеловал меня на прощание; когда я снова стала Элли, когда все было позади... Дверь вернулась на прежнее место, в подвал закусочной, я стояла перед ней, а Райана не было.

– На следующее утро я, только что приняв душ, больше не пахла серой, кровью и серебром. Я крошила перец и лук для жарки, ожидая, что в любой момент войдет Райан, жалуюсь на федор, задавая кучу вопросов и ругаясь, что мы ушли, не прибравшись за собой... Но я получила вот этого ребенка, который сказал мне: «Можешь звать меня Калифорния», и чуть не расплакалась прямо при нем.

«Можешь звать меня Элли, – ответила я. – Дверь в подвале. Завтрак и обед бесплатные, но тебе придется петь за ужин и мыть тарелки».

«Я никогда раньше не работал в закусочной, – заявил Калифорния. – Тебе надо будет показать мне».

«Без проблем, – сказала я. – Тебе понравится. Ты удовлетворишь такие свои желания, о которых даже не подозревал».

Я шутила только наполовину.

Теперь, когда прошел почти месяц, я называю его Кэлом, иногда мы подпеваем одной и той же плохой попсе по радио, делая уборку на кухне ночью. Можете говорить что угодно о «Фолл аут бойз» и Бритни Спирс, но нет лучшего бальзама для души, чем хорошая порция поп-музыки.

Но Кэл – это не Райан. Он не таскает мое мыло, не ведет себя по-дурацки и не сердится, когда я случайно пользуюсь своими экстрасенсорными способностями, чтобы заставить клиентов купить то, что они не хотят, как, например, ту стройную девушку заставила купить кусок пирога с лаймом. Уверена, что потом ее стошнило, но я не пыталась заставить ее захотеть пирог, я просто заставила ее купить его. Как только она его купила, то съела на автомате.

Странно, как работают мои способности. Я все еще продолжаю открывать их. Меня некому учить, так что я полагаю, что очень скоро натворю что-нибудь непоправимое, и тогда придется поместить объявление в «Городском вестнике»: требуется помощь экстрасенса. Но только не Нарнии, это все, о чем я прошу.

И я учусь жить без Райана. Я все распланировала: я буду грубой старой охотницей, которая сражается с элементами, как Рокси, и рассказывает истории о беспутной юности, обо мне будут петь в балладах про Ад, я стану легендой для своего поколения и мифом для следующих.

Вот только когда я поворачиваюсь, подпевая слащавой песенке Хиллари Дафф по радио, чтобы положить еще несколько порций пирога в холодильник, – и тут она, Нарния.

Черт возьми, я же сказала, кто угодно, только не она.

На ней платье от Энн Тейлор; могу предположить, что она так оделась потому, что в ее понимании это подходит для трущоб. Она садится в кабинку у окна, лицом ко мне, и откладывает меню, уставившись на меня. Ее глаза снова вспыхивают. Великолепно.

Я беру два куса пирога с лаймом, столовые приборы и иду к ее столику. Она делает гримаску, когда я ставлю перед ней десерт. Я обдуманно не использую голос Двери, чтобы заставить ее целиком съесть сладкое, потому что это, вероятно, дурной тон среди экстрасенсов.

– Кэл хорошо работает, – говорю я и отрезаю кусок пирога.

Вкусно.

Кстати, обратите внимание, что я не спрашиваю о Райане. У меня много недостатков, но слезоточивость, надеюсь, не относится к их числу.

– Правда? – тянет Нарния. – Ну и как он... в сравнении?

Слезоточивая – нет. Но мстительная – да. Если к концу разговора я обнаружу, что Райан в спальне у Нарнии весь последний месяц, она сожрет весь этот пирог, прежде чем я позволю ей уйти.

Я пожимаю плечами.

Она фыркает:

– Неудивительно. Я не была в восторге, когда обнаружила, что мне придется написать исследование о тебе для архива.

Я моргаю:

– Правда?

– Не надейся, я собираюсь избегать контакта с тобой по максимуму. – Она качает головой. – Хотя я здесь не для этого.

– О?.. – произношу я.

Я королева ненавязчивых расспросов. Смотрите, как я ем пирог с небрежным апломбом.

Нарния разворачивает завернутые в бумагу приборы и берет вилку. Смотрит на тарелку:

– Что это?

– Это пирог с лаймом. Заткнись! И если ты не расскажешь мне, что происходит, я...

– Что – ты? – Нарния изучает меня, и грубо, я чувствую ее в голове.

«Вышвырну тебя из моей закусочной, стерва!» – кричу я мысленно.

Она вздрагивает. Я выиграла.

Вроде того. Она снова смотрит на меня, правда держится подальше от моей головы.

– Так, значит, ты не собираешься, ну я не знаю, снова стать Дверью? Попытаться победить бедность, голод и заусенцы с помощью адской магии? Заставить меня съесть пирог, независимо от того, хочу я его или нет? Благодарю, это я услышала.

– М-м-м, не думаю, – говорю я.

Она устраивается и, осмотревшись, заявляет:

– У меня есть время для ланча.

– Уже лучше, – отвечаю я.

Мало-помалу я ишу пути, как сделать закусочную лучше без помощи Двери. Я снова разрешаю Дон составлять меню и оплачиваю ей кулинарные курсы. И другие мелочи в этом духе.

Это сработает, со временем. И это будет настоящим.

Нарния резко кивает.

– Хорошо. – Она втыкает вилку в пирог и отрезает большой кусок. Перед тем как положить его в рот, она произносит: – Уверена, что все будут рады вернуться.

Погодите. Что? Она проглатывает кусок и отрезает еще один.

– Во-первых, Рокси немного чавкает. Я хочу сказать, мне пришлось месяц продержать тебя в карантине. И конечно, я беспокоилась, что он выходит из-под контроля, и все это лишь бы увидеть тебя в окошко. Погодите. Что? – Один неуправляемый тип и одна неопытная Дверь. Немудрено, что от вас проблемы, – говорит она на этот раз. – Мне следует снова назначить его сюда и выбросить вас обоих из головы.

Я сглатываю и отталкиваю тарелку.

– Карантин?

Нарния кивает и берет последний кусок пирога.

– Тут все охотники, кроме Калифорнии, – он закончит тем, что станет экстрасенсом должным образом, и на него наложена защита, чтобы одолеть любые адские чары, которые ты могла на него направить. Но ты ничего не сделала. Кэл говорит о тебе только хорошее, что заставляет меня сомневаться в его способностях, но он еще молод. – Она дожевывает, проглатывает, берет мою тарелку и ставит поверх своей. – Ты была Дверью, Элли, – продолжает она, принимаясь за мою порцию. «Эй, это мой пирог!» – Ты остаешься ею или можешь стать снова. Двери не к добру. Мне надо было знать, как низко ты пала.

Я прочищаю горло и...

– Дверь сказала, что она дала мне Райана, – резко говорю я, я не собиралась, о боже мой.

Нарния закатывает глаза:

– Двери лгут, ты что, ничему не научилась? Это я дала тебе Райана, идиотка.

Я ухмыляюсь. Око за око. Я трогаю тарелки.

– Так, значит, ты ешь, да?

– Ты шутишь? Я ем как лошадь, Я просто держалась подальше от твоей стряпни, потому что не уверена, что санинспекция хоть когда-нибудь заходила в это заведение.

– Стерва.

На самом деле мы улыбаемся друг другу. Вот это да. Она щелкает пальцами – я уверена, это для пущего эффекта, – и дверь закусочной распахивается.

На пороге стоит Райан, со стетсоном в одной руке, наполовину выкуренной сигаретой в другой, и смотрит на меня.

– Боже... – У меня перехватывает дыхание. – Райан. – Я перевожу взгляд на Нарнию и бормочу: – Ты не сказала, что он здесь.

Она ухмыляется и приканчивает мой пирог.

– Элли, – говорит Райан.

Он роняет сигарету и спешит ко мне.

– Вот дерьмо! – доносится голос сзади. – Это и есть Райан? – Кэл выходит из-за вращающейся двери, где он мыл сковородки. – Райан?

– Ты кто? – требовательно спрашивает Райан, переводя взгляд с Кэла на меня.

Появляется Дон и жадно наблюдает за происходящим. Кажется, я слышу, как она веселится.

– Охолони, сопляк. Это новый охотник, охраняющий Дверь. С тех пор как мой прежний охотник провалился сквозь землю! – кричу я.

– Я должен был! – орет он в ответ.

– Да ну?

Мы словно маленькие дети.

– Да!

Теперь мы лицом к лицу, и я не собираюсь отступать. – Что было для тебя таким важным, что ты бросил меня, покрытую кровью моих друзей?

– Я не оставлял. Это ты ушла, – заявляет он.

– Что ж, не то чтобы я укатила в Ньюарк. Все это время я была здесь, и ты знал об этом!

Это заставляет его сбавить обороты. И если Нарния наложила чары, чтобы он не мог добраться до меня, это тоже несправедливо. Мы оба слегка захвачены врасплох, и это, похоже, возвращает его к тому, что он хотел сказать, когда вошел в закусочную.

– Элли, ты одна из самых сильных людей, которых я встречал... – начинает он, но я перебиваю его:

– Я прошла через Ад, мой аватар – элементаль воздуха, а я – Дверь в Ад...

– Я был там, – говорит Райан и натягивает стетсон на голову, словно шлем.

– Тогда ты должен знать: чем бы я ни была, я не простой человек. Попробуй еще раз, – приказываю я.

– Элли, ты так чертовски сильна, мне просто...

– Пришлось спрятаться за твоей ручной ведьмой?

Я слышу, как Нарния что-то бормочет позади меня, но я выше этого. Я кладу руку на бедро, подбочениваясь. Правильно, стерва, я так счастлива видеть тебя, что хочу умереть, но черта с два ты соскочишь с крючка.

– Я был испуган! – ревет он. – Не из-за фокусов с Дверями, к черту Двери! Ты знаешь, что я пожелал, когда ты меня попросила? Когда попросила меня верить тебе, и я, черт возьми, поверил, я доверяю тебе больше, чем кому бы то ни было; и... Послушай, все другие женщины... я тебе это говорил, они все погибли. Я убил их демонами, Дверями и охотой. Никто из них не смог сделать то, что сделала ты, и выжить. Ни одна из них...

– Никто из них не был мной. – Я скрещиваю руки на груди. – Не знаю, что ты пожелал, потому что некому было мне рассказать.

Он отступает и прислоняется к кабинке. Кожа ламии блестит под лучами солнца, а его рот выглядит очень сексуально. Я не отказалась бы поцеловать его, если бы поцелуи были в меню.

– Элли, ты первая женщина, которую мне не надо было защищать. Ты первая женщина из тех, кого я любил и которая выжила. Ты первая женщина, которая смогла встать рядом со мной, черт, ты могла бы превзойти меня, если бы захотела.

Его взгляд ясный и откровенный. Он не врет. Мое сердце взрывается. Я перехожу прямо к главному вопросу:

– Ты меня любишь, да?

И он говорит это, просто говорит, будто я не ждала этого момента шесть лет – теперь уже почти семь. Семь лет, и он просто говорит:

– Я люблю тебя, Элли.

Я придвигаюсь ближе, руки все еще скрещены на груди.

– И?.. – хмуро спрашиваю я.

Так хмуро, как только могу, с учетом того, что мне хочется пуститься в пляс по кухне.

– И когда ты попросила меня, я пожелал, чтобы ты справилась с каждым чертовым демоном в мире. Я пожелал, чтобы ты знала об этом даже без моего желания. Я пожелал...

Я тянусь к нему, и вот он в моих объятиях.

– Ты такой глупец, – говорю я ему в шею.

Обнимаю его за талию, он немного похудел. Несколько порций особой тушеной говядины из закуской Салли – и он придет в норму.

– Прости, – бормочет он мне в волосы. – Я сказал Нарнии, что, если она не снимет с тебя карантин, я сам открою Дверь и отыщу тебя.

Я явно оказываю дурное влияние.

– Я...

Он отстраняется. Выглядит обеспокоенным.

– Имею в виду, если ты этого хочешь. Я... мы... Ничего не должно меняться, если...

Ох, он так неуверен. Надо исправить это.

– Я тебя тоже люблю, ты знаешь. Я не хочу, чтобы ты защищал меня, я просто... просто хочу, чтобы ты был рядом. – Это правильные слова. Запрокинув голову, я вижу облегчение на его лице, мне хочется поцеловать его. Но: – Если бы я не была Дверью, я стала бы федорой, – глупо добавляю я.

– Годится, я в любом случае осел. – Его рука погружается в мои волосы, лаская.

– По крайней мере, мы оба знаем свои недостатки. – Я затаиваю дыхание, прижимаясь к нему, поднимаясь на цыпочки, чтобы наши лица оказались на одном уровне.

– Я... я... – Он запинается.

– Тебе лучше извиниться.

– Мне жаль.

– Тебе лучше не просто сожалеть.

– Мне не просто жаль, ты даже не знаешь. В основном потому, что последний месяц я провел в размышлениях о том, какие правильные слова подобрать и... – Он умолкает и смеется, по-настоящему, искренне смеется. – Прости, Элли.

– Мое имя... – Он качает головой, но я кладу пальцы ему на губы. Я шепчу еле слышно, мой голос – лишь дыхание, лишь шелест в его сознании. – Мое имя – Отем. Ты можешь называть меня Элли.

– Мое имя – Риан, – отвечает он, и в его голосе проскальзывает акцент. Я не могу дождаться, когда я узнаю, что это за акцент, откуда он родом, все о нем. Я не могу дождаться сражений, которые у нас будут; не могу дождаться будущего. – Ты можешь звать меня Райан.

И затем наши губы соприкасаются. Наши губы наконец соприкасаются, наконец он вернулся, и все в мире становится на свои места. У меня есть моя закусочная, моя Дверь с ее отвратительными демонами, которых надо убивать, и у меня есть Райан.

Я откидываюсь назад, чтобы сказать:

– Не говори Нарнии, но тот пурпурный монстр с щупальцами все еще у меня. Я купила ему чертовски большую собачью подстилку.

Его руки обвиваются вокруг меня и сжимают. Он смеется, и я не могу устоять: я сшибаю стетсон с его головы, шляпа падает на пол, а мы просто целуемся, и целуемся, и целуемся.